

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2005 № 1(35)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.С. Ануфрыева, С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка, І.Л. Лапін,
С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі,
В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, І.М. Прышчэпа,
Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў
М.К. Талочка, У.Л. Фядотаў

Адрас рэдакцыі:

**210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79**

ВЕСНИК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

*Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год*

2005 № 1(35)

Змест

Да 60-годдзя вялікай Перамогі

Кунцевіч Ф.К. Наўка побеждаць 3

Філасофія

Хюбнер Б. Метафізічны і нігілістычны тэрор 8

Демидов А.Б. Ксенофан: першы вопыт рацыянальнага абоснавання ідеалагічных прынцыпов 12

Табачков А.С. Праблемы інтэрпрэтацыі гістарычнага прошлага 16

Гісторыя. Культуралогія

Борботько П.В. Праватворчыя дзейнасць Нацыянальнага сабраўня Веймарскай рэспублікі ў 1920 годзе 20

Гулюк М.А. Жёнскія духоўныя учылішчы ў аўраваўтэльнай палітыке расійскага праўітэўства ў беларускіх губэрніях (ўторая паловіна ХІХ – пачало ХХ в.) 26

Смыкоўская І.І. Цыкл 15 антыфонаў службы Сьвятых Страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста па Жьровіцкім ірмалой 1649 г. 30

Эканоміка. Права

Цандо В.П., Цандо Л.Н. Іздэржкі прайзводства: іх эканамічыская прырода і крытэрыі класіфікацыі 34

Жук М.Г. Крыміналістычыская стратэгія эканамічыскай бэзапэкасьці госудаўства 41

Даніна Е.А. Акуальныя праблемы прававога рэгуляваньня налагаўнага кантраля ў Рэспубліке Беларусь 45

Педагагіка. Псіхалогія

Бобылева Л.И. Акуальныя вопысьы мэтадычыскай падгатаўкі студэнтаў к прафэсыянальнай дзейнасьці ўчытэля інаўстраннага язьыка 51

Александрова С.А. Педагагічыскія ўсловаў арганізацыі творчыскай дзейнасьці младаьшых школьнікаў на ўроках музыкі 57

Волчок В.Л. Взаімаўдзействіе радытэляў с дэцьмі как абьект псіхалагічыскага ісьледаваньня 61

Мовазнаўства

<i>Васюковіч Л.С.</i> Пытанні як сродак засваення лінгвістычнай інфармацыі школьнага падручніка	65
<i>Семянькова Г.К., Грушэўская І.М.</i> Неафіцыйныя найменні ў студэнцкім асяроддзі	69
<i>Лясоевіч С.М.</i> Шматкампанентная колеравая гармонія ў творчасці Уладзіміра Караткевіча	73

Літаратуразнаўства

<i>Бароўка В.Ю.</i> Мастацкі этнаграфізм у падарожных нарысах беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя	79
<i>Саматой І.В.</i> Праблема архетыпу: філасофскі, культуралагічны, літаратуразнаўчы аспект	83
<i>Панькова О.Е.</i> Роман В. Берента «Живые камни» как литературно-художественная трансформация мифа о св. Граале	91

Матэматыка. Інфарматыка

<i>Маркова Л.В., Шилина М.В., Лапицкая Н.А.</i> Программный комплекс «Генетический мониторинг»	99
<i>Прокопенко А.И.</i> Нормальные замыкания проекторов в конечных группах ..	103

Механіка. Фізіка

<i>Толочко Н.К., Шиенок Ю.А.</i> Литье металлов в твердожидком состоянии ...	107
<i>Андрушкевич И.Е., Жизневский В.А., Шиенок Ю.В.</i> О классификации сред с точки зрения разделимости уравнений Максвелла	112
<i>Фирсов М.А.</i> О влиянии геометрических и физических параметров слухового протеза на собственные частоты колебаний реконструированной системы среднего уха	118

Геаграфія. Біялогія

<i>Пилецкий И.В.</i> Культурные ландшафты Белорусского Поозерья и их социально-демографические проблемы	123
<i>Мартыненко В.П.</i> Водная растительность озера Островитое и ее динамика ...	129

Кароткія паведамленні

<i>Сушко Г.Г.</i> Жуки стафилиниды (Coleoptera, Staphylinidae) верховых болот Белорусского Поозерья	135
<i>Нахаева Е.М.</i> Современный олимпизм – духовное и историческое наследие	139
<i>Кривоносова Е.Э.</i> О динамике международных отношений в современном мире	141
<i>Ван Ли.</i> Структурно-грамматические типы и модели годонимов Шанхая	144
Капферэнцыі. Сімпозіумы	148
Бібліяграфія	150
Хроніка	153
Рэфераты	156
Звесткі пра аўтараў	163

Рэдактар **А.М. Фенчанка**
 Камп'ютэрны набор **Г.У. Разбоева**
 Карэктар **Л.В. Прыстаўка**

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.

Падпісана ў друк **15.03. 2005.** Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.
 Ум. друк. арк. 28,70. Ул.-выд. арк. 12,34. Тыраж 100 экз. Заказ **20**.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
 «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»
 210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

Да 60-гооддзя вялікай Перамогі

УДК 323(476)(091)

Ф.К. Кунцевич

Наука побеждать

В последние годы западные политики, общественеды подвергают открытой фальсификации итоги второй мировой войны, особенно решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии. В то же время возвеличивается роль и значение англо-американских войск и, прежде всего, открытие второго фронта летом 1944 г., когда, в сущности, благодаря мощным победам советской армии и флота, неминуемое поражение фашизма было уже предрешено. Поэтому, на наш взгляд, необходимо еще раз напомнить людям об истинном, определяющем значении советского народа в спасении мировой цивилизации от «коричневой чумы» двадцатого века. В этой связи остановимся на роли советской науки в годы борьбы и побед над фашизмом в 1941–1945 гг. Изучая эту проблему, необходимо иметь в виду, что перед началом Великой Отечественной войны и в годы войны ученые СССР имели в своем распоряжении достаточно основательную материально-техническую базу, созданную героическим трудом советского народа: крупное промышленное производство, стратегическое сырье, материалы, топливо, продовольствие.

Так, проводя исследование природных богатств страны, геологи А.С. Ферсман, К.И. Сатпаев и другие обнаружили новые месторождения железной руды в Кузбассе и на Урале, богатейшие источники нефти в Башкирии. Ученые-металлурги А.А. Байков, И.М. и М.А. Павловы совместно с новаторами производства разработали способы скоростной плавки металла в мартеновских печах и выпуска новых сортов стали. Ученые-химики И.В. Гребенщиков, Н.Д. Залесский, А.Н. Несмеянов, А.Е. Фаворский изыскивали новые источники сырья для производства взрывных веществ, совершенствовали методы получения синтетического каучука. Наши физики, математики, техники, конструкторы плодотворно работали над разрешением сложных задач, «выдвинутых» войной. Большая группа деятелей науки успешно занималась расширением продовольственной базы страны.

Представители советской медицины, академики Н.Н. Бурденко, А.Н. Бакулев, Л.Л. Орбели и другие вводили в практику новые способы и средства лечения раненых. Заметим, что благодаря успехам данной отрасли свыше 70% раненых после лечения в госпиталях возвращались в строй.

Самоотверженным трудом ученых, конструкторов, инженеров и техников в стране были созданы отечественные машиностроение, авиастроение, тракторостроение, танкостроение, приборостроение.

Главным центром военной экономики, мощной индустриальной базой, снабжающей на протяжении всей войны Вооруженные Силы танками, самолетами, кораблями (средними, малыми катерами, бронекатерами, сторожевиками, подводными лодками), орудиями, минометами, боеприпасами, снаряжением, стрелковым оружием и т.п., а также продовольствием, стал глубокий тыл: Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Казахстан. Уже в 1942 г. здесь производилось более трех четвертых разнообразной продукции для фронта [1].

Размещение в восточных районах эвакуированных предприятий (а их было более 1,5 тыс.) проводилось там, где еще до 1941 г. строились крупные промышленные предприятия и уже имелись топливно-энергетическая и сырьевая база [2].

Война требовала от Советского государства в кратчайшие сроки коренной перестройки всего комплекса жизнедеятельности народа (научной, социально-экономической, политической, духовно-нравственной). Так, талантливые коллективы конструкторов под руководством Ж.Я. Котина создали тяжелый танк «КВ», под руководством М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко – знаменитый танк «Т-34». Моторостроители изобрели мощный дизельный танковый двигатель «В-2». В годы второй мировой войны советские танки «КВ» и «Т-34» были признаны лучшими образцами танкостроения, а в боевых действиях они уверенно сохраняли превосходство над аналогичными типами машин противника (в военное время танкостроители внесли более пяти тысяч рационализаторских предложений и изобретений) [3].

Следует сказать, что 1941–1945 гг. характеризуются «состяжением» научно-конструкторских умов воюющих стран. Германия, например, трижды меняла конструкцию своих танков, однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских броневых машин. Гитлеровское командование вынуждено было дать своим соединениям приказ подальше держаться от «Т-34» и «КВ». Современники утверждают, что в конце войны Гитлер в пылу бессильной злобы перед мощью советских воинов заявил: «Нас раздавила танковая лавина русских». Также стоит подчеркнуть огромную роль в войне против немецкой (да и японской) армии новейших образцов артиллерии («бога войны») и, прежде всего, установки реактивной техники, созданной нашими выдающимися учеными и любовно названной воинами «Катюша». Уже в первые дни Великой Отечественной войны после боя под Оршей этот вид боевой машины снискал славу у советских людей, а у противника вызвал ужас и смтение. Заметную роль в оперативно-тактическом отношении в борьбе с противником сыграли САУ (самоходно-артиллерийские установки).

Ученые интенсивно совершенствовали стрелковое оружие и, прежде всего, автоматическое. Например, наш «ППШ» в два раза превосходил огневую мощь автоматов гитлеровцев.

Наряду с наземными средствами ведения войны, талантливые учёные-конструкторы С.В. Ильюшин, А.И. Микоян, С.Л. Лавочкин, В.М. Петляков вместе со своими коллективами дают военной авиации истребители «ЯК-1», «МиГ-3», «ЛАГГ-3», штурмовик «ИЛ-2», пикирующий бомбардировщик «ПЕ-2» и многие другие – всего двадцать пять типов. «ИЛ-10» были признаны советскими летчиками, союзниками и противниками лучшими в мире «летающими танками», самым надежным самолетом-истребителем второй мировой войны считался «Ла-7», наиболее маневренным – «Як-3». В мае 1942 г. был испытан первый советский реактивный самолет, конструктором которого был В.Ф. Болховитинов. Заметим, в фашистской Германии реактивный истребитель «месершмитт» был испытан месяцем позже [3, с. 135].

Значительный вклад в создание и развитие авиации в этот период внес наш земляк-глубочанин П.О. Сухой. Еще перед войной, работая инженером-конструктором под руководством А.Н. Туполева (затем главным конструктором опытного КБ), он разработал истребители «И-4» и «И-14», самолеты «АНТ-25» и «АНТ-37». В 1942–1943 гг. П.О. Сухой создал бронированный штурмовик «Су-6». В послевоенные годы Павел Осипович сыграл важную роль в обороноспособности страны – ему принадлежит создание высококлассных боевых реактивных самолетов «Су-25», «Су-27» и др. [4].

Известно, что боевые действия армии и флота, взаимодействия частей, кораблей, подразделений, командования различного ранга немислимы без средств связи, транспорта, инженерных решений. Начальный период войны, ко-

торый был таким трагическим для нас, во многом зависел от этих вопросов. Тот факт, что за малый отрезок времени был наведен надлежащий порядок в телефонно-телеграфной, радио- и радиотрансляционной сети, в надежной кабельной сети, необходимой для обслуживания инстанций, важнейшая роль принадлежит ученым страны. Их творческая мысль в решении указанной проблемы во многом предопределила победы на фронтах. Например, Верховный Главнокомандующий, его заместители, другие представители Ставки могли в течение минуты связаться с командованием не только высшего, но и среднего звена.

Исключительно большое значение для успешного ведения военных действий имела транспортная система, особенно железнодорожная. В соответствии с требованиями военного времени транспорт должен был способствовать более быстрому продвижению военных и народнохозяйственных грузов, а также бесперебойному движению воинских эшелонов. Задача науки состояла в разработке более совершенных локомотивов, обладающих большей грузоподъемностью, в осуществлении точных расчетов всей транспортной системы, особенно железнодорожной, чтобы не было сбоев в работе, в обеспечении хода крупномасштабных наступательных и оборонительных операций.

Несомненно, должный вклад ученые Советской страны внесли в развитие и совершенствование Военно-Морского Флота, что позитивно сказалось на боевом оснащении, строительстве кораблей с учетом современных требований, их боеготовности. Результатом стал тот факт, что, пожалуй, ни один вид Вооруженных Сил не встретил войну так организованно, по-боевому, как Военно-Морской Флот. Например, в первые дни войны Черноморский Флот, несмотря на армаду вражеских бомбардировщиков и истребителей, не потерял ни одной своей боевой единицы, нанеся серьезный урон противнику, и целый год моряки держали оборону его главной базы – Севастополя, а отступили только тогда, когда оказались в тылу противника. Хорошо проявил себя и Северный Флот (создан в 1933 г.). Он сыграл решающую роль в конвоировании судов союзников, идущих с различными военными грузами для оказания помощи Советскому Союзу. Во взаимодействии с сухопутными силами этот флот отстоял Кольский полуостров, а затем разгромил крупную группировку врага в районе Печенги и принял участие в освобождении Норвегии от фашизма. И еще. Флотские ученые во главе с капитаном 2-го ранга И.В. Курчатовым (будущим организатором создания первой советской атомной бомбы) буквально в течение нескольких недель разработали противодействие магнитным минам противника.

Угроза нападения на СССР с воздуха в предвоенные годы требовала от ученых эффективных систем противовоздушной обороны страны. И с этой проблемой они справились. Войска ПВО располагали новыми средствами обнаружения и наблюдения за воздушным врагом. Зенитные орудия были достаточно основательно укомплектованы снарядами среднего и малого калибра, зенитными пулеметами. ПВО эффективно использовали радиолокационные станции «РУС-2», азростаты заграждения, прожекторы. Все это в значительной мере противодействовало устремлениям Гитлера, фашистских войск «стереть с лица Земли» Москву, Ленинград, Баку и другие города.

Роль советской науки в военные годы проявлялась в различных сферах: экономической, политической, технической, военной, гуманитарной и др. В этой связи можно привести уникальный пример о функционировании «дороги жизни» через Ладогу, имевшей стратегическое значение для защиты Ленинграда. Нужно было изготовить 137 (!) километров силового подводного кабеля напряжением 35 киловольт. Он предназначался для прокладки по дну Ладоги линии электропередачи, которая должна была связать осажденный город с Волховской ГЭС (ведь ленинградцы из-за блокады практически создавали вооружение для фронта самостоятельно, без помощи извне). Причем, такая зада-

ча командованием фронта была поставлена в мае 1942 г., а спустя три месяца ленинградцы получили дополнительную электростанцию [3, с. 171].

Изучая роль советской науки в годы Великой Отечественной войны, нельзя не остановиться на законах, закономерностях ведения войны. В этом плане следует указать на роль командования нашими войсками в начале 1941 года, когда были допущены серьезные просчеты руководством советской страны и ее высшим командным составом в стратегической военной доктрине. Так, советским войскам была дана четкая установка: война будет на территории противника и в связи с этим обороне отводилась незначительная роль. Поэтому подготовленные до 1939 г. оборонительные сооружения на границе Советского Союза фактически перед войной были разрушены, или не предпринимались усилия для их укрепления. Далее. Несмотря на очевидные замыслы гитлеровцев вторгнуться на территорию СССР и их постоянные вооруженные провокации (ведь на границе сосредотачивались крупные силы противника, и этого нельзя было не заметить), указание И.В. Сталина было твердым: усилить наблюдение, не поддаваться на провокации. В верхах Советского Союза присутствовала также явная недооценка данных советской разведки о начале войны с фашистской Германией. Несомненно отрицательную роль сыграли и предвоенные репрессии командного состава. И еще. Видимо, советское руководство относилось со слишком большим доверием к подписанному в 1939 г. Пакту с Германией о ненападении и соглашению о разделе сфер влияния в мировом масштабе.

Правда, оправдание такой позиции советского руководства можно найти в том, что страна не была еще готова к мировой войне, и следовательно, было стремление любыми средствами выиграть время, а также, казалось, что Гитлер не может воевать на два фронта. Ведь с 1939 г. шла война с Англией и ее союзниками.

Вместе с тем, надо признать: в ходе военных действий руководство СССР и новые кадры Красной Армии в кратчайшие сроки осознали допущенные ошибки и добились столь внушительной победы.

Особенно талантливыми полководцами были Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Л.М. Василевский, К.Л. Мерецков, И.Х. Баграмян, И.С. Конев, И.Д. Черняховский, флотоводцы Н.Г. Кузнецов, И.С. Исаков и многие другие. Каждая из проведенных ими операций отличалась глубоким научным анализом всего комплекса ведения военных действий, оригинальностью замысла, методом осуществления. Наши военачальники умели определить направление главного удара, могли хорошо осуществлять массирование сил и средств на решающих направлениях, организовывать взаимодействие войск, проводить скрытно, в тайне от противника, подготовку операций. Они освоили и самую решительную форму наступления – окружение с целью уничтожения крупных группировок противника. Такие операции, как Сталинградская, Курская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская, Будапештская, Берлинская, Пражская и другие, вошли в золотой фонд советской науки, военного искусства [5].

Рассматривая данную проблему, мы остановились главным образом на военной тематике. Но ведь общеизвестно, что весомый вклад в общую победу над врагом внесли и ученые гуманитарного цикла: историки, философы, филологи, психологи, искусствоведы и т.д., поднимая морально-патриотический дух советского народа, воспитывая уверенность в победе. И как не вспомнить здесь слова классика о том, что «... победа будет на стороне тех войск, у которых будет выше моральный дух в народной толще».

Это особенно сказалось в героической, беспощадной борьбе против фашистов, партизан и подпольщиков. В военно-стратегическом плане руководства страны, советского командования в годы борьбы против оккупантов значительная роль отводилась партизанскому движению. Советские люди оккупированных районов развернули героическую борьбу против захватчиков. Широкий размах партизанское движение получило в Ленинградской, Орлов-

ской, Брянской, Смоленской, Калининской областях, в Белоруссии, Украине, в Крыму, Латвии, Эстонии, Молдавии. Свыше миллиона вооруженных партизан и подпольщиков (их них более четырехсот тысяч в Белоруссии) днем и ночью не давали покоя фашистам: разрушали коммуникации и военные объекты противника, громили немецкие гарнизоны, взрывали мосты, железнодорожные линии, уничтожали связь, склады с оружием и продовольствием, добывали ценные разведанные, необходимые Красной Армии, совершали глубокие рейды в тылу противника, уничтожали живую силу и технику врага. Примечательно, что только партизаны и подпольщики Белоруссии ликвидировали более 600 тысяч (!) вражеских солдат и офицеров. В военно-историческую летопись деятельности партизан вошли «рельсовая война» (в разгар Курской битвы) и ее второй этап в сентябре 1943 г. под названием «Концерт», в результате которых было подорвано около 11 тысяч железнодорожных эшелонов врага, выведено из строя 6 тысяч паровозов, около 40 тысяч вагонов и платформ, сожжено и взорвано около 6,5 тысяч мостов [6].

В канун операции «Багратион» крупное соединение партизан в Лепельско-Ушачской зоне действия совершило мощный прорыв блокады регулярных частей гитлеровцев.

А сколько боевых подвигов совершили советские молодые ребята, подростки в подполье! И какие бы ни были жалкие попытки фальсификаторов очернить их подвиг – тщетно. Родина всегда будет помнить героические дела «Молодой гвардии» Краснодона, юношей и девушек станции Оболь Витебской области, учащих СШ г.п. Россоны, руководимых своим учителем – выпускником нашего вуза, Героем Советского Союза П.М. Машеровым, и многих других.

Следовательно, находясь в тылу врага, советские люди не уронили своего достоинства, борьбой и жертвами доказали любовь к своей Родине. И Родина высоко оценила этот подвиг соотечественников: 127 тысяч человек были награждены медалью «Партизану Отечественной войны», 184 тысячам партизан и подпольщикам были вручены другие медали и ордена, а 190 – получили звание Героя Советского Союза, в том числе и наш выпускник – Петр Миронович Машеров [6, с. 382–383].

Таким образом, победа над фашистской Германией знаменовала собой превосходство советской науки, военного искусства Советского Союза, его Вооруженных Сил, умноженное на героизм и патриотизм всего советского народа, в том числе и белорусского.

В заключение стоит отметить: все эти факторы сыграли решающую роль в победе и над милитаристской Японией (хорошо оснащенная миллионная Квантунская армия была буквально разгромлена в течение трех недель). Народы мира были спасены от колониального порабощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1948.
2. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.* – М., 1960. – Т. 2. – С. 548.
3. *Военная история.* – М., 1971. – С. 133.
4. *Советский энциклопедический словарь.* – М., 1980. – С. 1303.
5. *Василевский А.* Дело всей жизни. – М., 1975. – С. 602.
6. *Во главе обороны Советской Родины.* – М., 1975. – С. 185–186.

S U M M A R Y

The contribution of the Soviet science and its component – a military science in the rout of fascist Germany during the Great Patriotic war is analyzed.

Поступила в редакцию 30.08.2004

Б. Хюбнер

Метафизический и нигилистский террор

Изменение парадигмы от ГЕТЕРОНОМИИ к автономии – центральная тема этой работы [1]. Это изменение означает, что, начиная с эпохи Просвещения, уже не человек рассматривается и определяется преимущественно с точки зрения некоего ГЕТЕРОНА [2], могущественного ДРУГОГО – БОГА, ГОСУДАРСТВА, ТЕЛОСА [3], СМЫСЛА, ИДЕИ – т.е. ИДЕО-логически, но ДРУГОЕ все более рассматривается человеком с точки зрения себя, нуждающегося человеческого Я, антропо-логически. Данное изменение парадигмы вело к решающим, универсальным духовно-историческим следствиям сегодняшнего человечества. При этом, чтобы обозначить изменение перспективы от ДРУГОГО к я, от ГЕТЕРО- к авто-референциальности, которое касается, прежде всего, вопроса о различии между ГЕТЕРОНОМНО определенным СМЫСЛОМ жизни и автономно установленным смыслом в жизни, я применил графическое средство – прописное и строчное написание [4] слов.

Все мегаистории о мире, его происхождении и цели (будущее, назначение, конец), о роли человека в нем исходят из ГЕТЕРОНОМНЫХ, вне- и сверхчеловеческих сил, власти, воли и законов, которые создали мир и/или управляли происходящим в нем. При этом особая роль отводилась человеку, который все более сам соопределял это происходящее благодаря своим умственным способностям и мета-физической потребности действовать избыточно, т.е. больше, чем нужно для удовлетворения своих физических потребностей. Эта мета-физическая потребность избыточно действовать выражается первоначально в скуке, которую я охарактеризовал в другом месте как антропологическое отличие от животного, как пространство свободы и игры человека, возможность делать больше, чем только удовлетворять свои физические потребности, т.е. действовать по требованию лишнего в данный момент, а именно: играть и препровождать таким образом время, становящееся слишком долгим. Только в более поздней фазе развития с начинающимся познанием происходящего в мире человек станет придавать своим игровым действиям какую-либо цель, назначение, чтобы своими действиями вызывать и нечто такое, что происходит непосредственно в голове раньше, чем в мире.

Едва мегарассказ Библии, богатый метафорами и событиями, нашел в схоластике (Фома Аквинский) свое систематическое, понятийное выражение, достигнув своего идейного апогея, в форме ТЕО-логического мировоззрения, в котором всемогущий, абсолютный БОГ навязывал созданному им миру свою неограниченную волю, воздвигнутую в качестве всеобщего долженствования над свое-волями отдельных людей, как уже в последующем Просвещении начали появляться и первые серьезные сомнения в существовании БОГА, которые вели к ослаблению и разложению христианского мировоззрения.

Чьей была воля, которая распоряжалась людьми? Ради кого и во имя кого люди вели войны, убивали ино-верцев, строили соборы, жертвовали собой? Во имя несуществующего БОГА, значит, во имя звука и дыма [5], химеры, фантасмагории, Ничто? Если не было ГЕТЕРОНОМНОЙ воли – и все же воля

должна была быть, то не было ли это волей самого человека, который, однако, неправильно понял себя, предполагая и узурпируя БОЖЕСТВЕННУЮ волю как ГЕТЕРОНОМНУЮ?

Подрыв веры в существование БОГА и последовавшая за этим депроекция человека на самого себя обнажили в экзистенциальной, нигилистической скуке мета-физическую потребность человека в том, чтобы быть *ради ДРУГОГО*, быть не напрасно. В мета-физической потребности быть *ради ДРУГОГО* человек сделался услужливым пленником этого ДРУГОГО, а это значит, в конечном счете, – самого себя.

После того как вечное небесное счастье, которое придавало СМЫСЛ земной жизни и страданию, было ликвидировано, оказалось, что было бы разумным упразднить, ввиду жизненной необходимости, ставшее отныне бес-СМЫСЛЕННЫМ и без-утешным страдание, которое больше не вело ни к чему БЛАГОМУ. Обетованный БОГОМ СМЫСЛ, положенный в основу христианской надежды ожидания, еще имел бы смысл после его рационального упразднения лишь в случае, если человек сам осуществлял бы обетованное счастье. Надежда действия пришла на смену надежде ожидания, когда человек, который не мог больше полагаться на некоего ДРУГОГО, был предоставлен самому себе.

ТЕЛЕО-логию, которая исходила из ГЕТЕРОНОМНО предопределенного, неизбежного ТЕЛОСА/СМЫСЛА всего происходящего, по отношению к которому человек представлял себя должником, все более замещала каузальная логика. Она сводила происходящее в мире к силам, правящим в нем фактически, а не призрачно в головах. Энергии, которые человек бессмысленно тратил, расточал в течение тысячелетий для СМЫСЛА, т.е. БОГОВ, после избавления их от ГЕТЕРОНОМНЫХ сил высвободились, стали целе-рационально, т.е. разумно, применяться для автономно установленного человеком смысла.

От ПРАВОГО ДЕЛА – к правам человека, от ГЕТЕРОНОМНОЙ этики долга и послушания – к автономной этике прав и потребностей. Все это происходило в Открытом Обществе Цели самих себя определяющих граждан, смыслом жизни которых вообще стало *реальное* снятие негативностей жизни – после того как они уже не могли компенсироваться *идеально* из-за ликвидации СМЫСЛА и роспуска Закрытого Общества СМЫСЛА.

Во время написания этого текста произошло террористическое нападение на Соединенные Штаты. Несколько лет назад в одном эссе [6] я охарактеризовал взрывоопасную смесь из самоубийственного религиозного фанатизма, пренебрегающего человеческой жизнью, и современных технологий как «метафизический динамит». «Достичь всего на небе и не терять ничего на земле» – таков дух, позволяющий от имени БОГА, АЛЛАХА осуществить двойную цель: катапультировать самого себя в небо, чтобы достичь единства с БОГОМ, и одновременно отправить в ад других людей, одержимых дьяволом.

То, что произошло 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, если отвлечься от различия в знаках и количестве жертв, есть то же, что случилось несколько лет назад в Оклахоме. В обоих случаях имело место массовое убийство. Тимоти Маквей [7] убил бомбой 168 человек в многоэтажном здании в Оклахоме [8]. За несколько лет до покушения он, находясь на службе в морском флоте США, мечтал о хаосе, гражданской войне или ядерной катастрофе в Соединенных Штатах, однако не как о цели, а как о предлоге и средстве для того, чтобы возвеличить себя в качестве героя и спасителя нации. Для исламских авиатеррористов, напротив, хаос и катастрофа в США были целью их действий. «Дьявол Оклахомы» убивал людей без очевидного мотива, ни за что, или из-за Ничто, из-за адской, убийственной скуки, чтобы придать своему одинокому, нигилистическому эго извращенный *смысл*-действие. Исламские же террористы убивали во имя антипода Я, во имя ДРУГОГО и из-за ДРУГОГО,

ради Аллаха, к числу мучеников которого они себя сублимировали своим суицидно-гомицидным актом. Если у Тима Маквея мотивация акта убийства соответствовала духовно-исторической логике движения от СМЫСЛА к БЕССМЫСЛЕННОСТИ и экзистенциальной, нигилистической скуке, то у мучеников АЛЛАХА мотивация *предшествовала* этой логике. Таким образом, два крайних, оппозиционных мотива побудили людей к убийству: в первом случае убийство произошло *из* БЕССМЫСЛЕННОСТИ или *ради* СМЫСЛА, *из* нигилистической скуки, чтобы снять психическое Ничто; во втором – *ради* ДРУГОГО, чтобы вознестись к ДРУГОМУ. И об ответственности: тот, кто действует от скуки, действует от своего собственного имени, *ради* своего одинокого Я и должен брать ответственность на себя; тот, кто действует от имени ДРУГОГО и *ради* ДРУГОГО, априори благодаря ДРУГОМУ свободен от ответственности согласно этике послушания.

Нынешний метафизический террор по сравнению с нигилистическим особенно опасен. Таковым его делает не только коллективность преступления, но и связь предсовременной легитимации апокалипсического разрушения, освобождающей от нравственной ответственности посредством метафизики БОЖЕСТВЕННОЙ воли, с современной инструментальной мощью разрушения. Эта мощь происходит не от божественного духа, а является, со строгой исламской точки зрения, продуктом вполне безбожной современности, одержимой дьяволом. Причем при покушении 11 сентября в дело пошли самолеты, захваченные и превращенные в бомбы. Не лишено иронии судьбы то обстоятельство, что фанатичные фундаменталисты хотели *оружием* безбожной современности ее же и уничтожить, ненавидя современность, материалистическую цивилизацию комфорта, которая мешала исламскому миру развивать верность Корану. При виде богатого западного мира, отображаемого средствами массовой информации (причем упускается из виду то, что он в течение столетий исторически развивался в трудах и жертвах), эта ненависть тем агрессивнее, чем больше к ней примешивается фрустрация. Ее вызывает то, что западная парадигма потребления, часто предмет тайной зависти, не имеет шансов стать действительностью в частях исламского мира, так что они, сознавая себя бедными, возвеличивают метафизический СМЫСЛ в качестве утешения и таким образом упорствуют далее в своем фундаментализме как в *circulus vitiosus* [9]. С их актами террора должна была встретиться та безбожная цивилизация, которая, поклоняясь божеству потребления, виновна в убожестве остального мира.

Если АЛЛАХ, как и христианский БОГ, есть лишь звук и дым, фантазмагория, химера, и нет причины, почему он должен быть метафизическим исключением, тогда мученики АЛЛАХА убили тысячи людей в сущности *ради* НИЧТО, которое они отличают от Ничто оклахомского террориста только пятью буквами, обозначающими имя этого Ничто. При всем уважении к религиозным верованиям других, которое не защищает их притязаний на абсолютные ИСТИНЫ, следует спросить: не лучше ли убивать БОГОВ [10], наши химеры, даже если мертвые БОГИ оставляют после себя то пустое место, Ничто, *из-за* которого Тим Маквей стал «дьяволом Оклахомы»?

«Апокалипсически мыслящие мусульмане должны завоевать мир, но не для того, чтобы обладать им, а потому, что они верят, будто так велит Бог», – говорит Дэвид Кук [11]. Однако так они думали лишь вначале, поскольку, по сути дела, они хотели покорить мир и хотели уверенности в победе, которую им могла дать только БОЖЕСТВЕННАЯ воля, возвышающаяся над всеми земными случайностями, ведь человеческая воля всегда может потерпеть неудачу. Если эта вера могла быть относительно безвредной почти полтора тысячелетия назад, когда она появилась, так как мир мог быть покорен только

силой мечей, то исполнение этого пророчества при сегодняшних средствах разрушения грозит опустошением. Впрочем, дело не в том, что пророки предвидят напророченное (что не означает, будто они не видят ничего). Пророчество может сбываться и потому, что люди, которые *верят* в него, действуют так, чтобы оно сбывалось, особенно если в нем содержатся этические призывы к действию: *self-fulfilling prophesy* [12]. Таким образом, есть опасность, что апокалипсисы, небесные знамения, способны фатальным образом сбываться, но не потому, что они predeterminedены богами для людей как судьба, а потому, что они осуществляются бомбами людей, верящих в эти predeterminedения и исполняющих свое мнимое БОЖЕСТВЕННОЕ поручение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Предлагаемая работа является сокращенным вариантом предисловия книги Бенно Хюбнера «Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время» (Hübner B. Sinn in SINNloser Zeit. – Wien, Passagen Verlag, 2002). Полный текст книги на русском языке готовится к изданию в 2005 г. в минском издательстве «Экономпресс». – *Прим. перев.*
2. От греч. ἕτερον – другой, иной, отличный, особый. – *Прим. перев.*
3. От греч. τέλος – цель, высшая точка, исход. – *Прим. перев.*
4. О способах написания. Сплошь большими буквами пишутся такие существительные, как СМЫСЛ, ДРУГОЕ, ТЕЛОС, ВЛАСТЬ, БОГ, ОТЕЧЕСТВО и другие, а иногда и прилагательные, такие, как ВЫСШЕЕ, если подразумевается некая от человеческой воли независимая, чужая, ГЕТЕРОНОМНАЯ воля, которая определяет вещи в мире и, прежде всего, человека так, что он понимает себя в своем этосе, своем должностовании исходя из ДРУГОГО. Нормально пишутся, напротив, те же существительные: смысл, телос, власть, другое, общество, если они рассматриваются с точки зрения автономного, мета-физически нуждающегося, свое-вольного человека. Дефисы применяются особым образом в тех случаях, когда нужно акцентировать содержание определенных слов или частей слова: де-проекция, отбытие-туда и отбытие-отсюда (Hin-kunft, Weg-kunft), экзистировать, при-надлежащий (ge-hörig) и др.
5. Schall und Rauch – выражение из «Фауста» Гете (Faust I, 3457), означающее нечто, не имеющее значения, переходящее, пустое. – *Прим. перев.*
6. Хюбнер Б. Во имя ДРУГОГО, или ДРУГОЙ в свете его исторического становления ДРУГИМ // От Я к Другому: проблемы социальной онтологии и постклассической философии. – Минск, 1998. – С. 191–207.
7. См.: Michel LOU, *American Terrorist. Timothy McVeigh and the Oklahoma City Bombing*, Harpercollins, 2001.
8. Тимоти Маквей 19 апреля 1995 г. взорвал бомбу в Оклахома-сити, в результате чего погибли 168 человек. По приговору суда он был публично казнен 11 июня 2001 г. Вместо последнего слова он написал записку со словами американского поэта Уильяма Хенли: «Я творец своей судьбы, я капитан своей души». – *Прим. перев.*
9. ...порочном круге (лат.). – *Прим. перев.*
10. Ср.: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» (Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – С. 593). – *Прим. перев.*
11. David COOK, *Die Propheten des Weltuntergangs*, in: DIE ZEIT Nr. 39, 20.9.2001.
12. ...накликанная беда (англ.). – *Прим. перев.*

S U M M A R Y

Modern terrorism has the metaphysical bases. There are two types of metaphysical motivation of acts of terrorism: because of ANOTHER and because of Nothing, – metaphysical and nihilistic terror.

Поступила в редакцию 30.08.2004

Ксенофан: первый опыт рационального обоснования идеологических принципов

Всякая идеология утверждает принципы, с которыми соотносятся мысли, настроения, эмоции, мотивации поступков и сами поступки. Мировоззренческими и идеологическими принципами (последними, предельными основаниями) люди руководствуются в понимании и интерпретации ситуаций и задач. Под словом «идеология» здесь понимается та или иная совокупность представлений, задающих человеку основные смысловые установки при видении и истолковании мира, совершении поступков. Идеология, в отличие от мировоззрения, – это намеренно развиваемая, продумываемая и – главное – *распространяемая* совокупность основных воззрений на мир (с тенденцией к системности). Мировоззрение (в отличие от идеологии) может быть непродуманным и непубличным.

Типы идеологии мы различаем по специфике их последних оснований (принципов) и способу утверждения этих оснований. Мифологическая (родовая) идеология основывается на преданиях о героических и обожествляемых предках, а утверждается путем повествования; деспотическая идеология основывается на повелениях деспота и утверждается путем принуждения, насилия; религиозная идеология основывается на божественных откровениях (священных текстах) и утверждается путем суггестии [1].

Философская идеология отличается тем, что для своего утверждения использует не столько повествование, принуждение или суггестию, сколько *рассуждение*, которое могло бы убедить единственно своей аргументацией, апелляцией к здравому смыслу, благоразумию. Философ не кликушествует, не повелевает и даже не изрекает «мудрость», но только рассуждает, а его оппоненты могут проследить ход рассуждений и соглашаться с ними или нет. Определенная мера рассудительности, рациональной связности представлений должна быть свойственна не только философии. Однако философская идеология *рациональным* путем не только получает выводы из принципов, но и утверждает сами принципы (последние основания) – в противном случае она превращается в идеологию какого-то иного типа (как это случилось, например, с советским диалектическим и историческим материализмом). Специфической чертой философской идеологии является *неограниченная* рассудительность.

Философская идеология древних греков зародилась как один из возможных способов выработки общих воззрений и норм жизни. Взамен мифологических антропо- и зооморфных предков (своих у каждого рода) философы предлагали считаться с каким-либо архэ, принципом, задающим единый порядок во всей вселенной. Архэ – функциональный аналог предков, как бы «предок» всех возможных предков, то, из чего все происходит, то, что задает единый космический порядок.

Особенности исторического развития позволили древним грекам (или вынудили их) выработать свой особый тип упорядочения межродовых отношений, позволяющий в спорных вопросах апеллировать не к авторитету деспота или божества, но к авторитету безличного закона. Вместе с тем нужна была и соответствующая идеология, объясняющая, оправдывающая, легитимирующая полисную форму общества и государственной власти. Идеология родового,

деспотического или религиозного типа в данном случае не отвечала бы требованиям. Создав полис, общество, в котором главенствует закон, греки выработали и соответствующий ему тип идеологии – философию.

Ксенофан из Колофона подобно милетским философам, пифагорейцам и Гераклиту пытался определить то начало, которым обусловлен мировой порядок. Однако он не просто противопоставил свое мнение о начале мира расхожим людским мнениям, но впервые в истории философии попытался рационально обосновать принципы своего учения. В результате у него получилась философская (не религиозная) концепция единого божества.

Суть концепции Ксенофана дошла до нас лишь в изложении доксографов. Очевидно, что изложить ее они могли не более адекватно, чем сумели понять. Скорее всего, дело не обошлось без существенных искажений. Например, в изложении Диогена Лаэртия выводы Ксенофана представлены так: «Сущность бога шарообразна и ничуть не схожа с человеком: он весь целиком видит и весь целиком слышит, но не дышит, и всецело – сознание (νοῦς), разум (φρόνησις) и вечен» [2]. Это изложение дает повод воспринимать ксенофановское понятие божества комически: кажется, будто поэт-сатирик, каковым он прослыл, только для того осмелял традиционных богов, чтобы подменить их каким-то «колобком».

Из собственных философских фрагментов Ксенофана, дошедших до нас, особенно важен следующий: «Истины точной никто не узрел и никто не узнает / Из людей о богах и всем, что я только толкую: / Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, / Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [2, с. 173]. Здесь об «истине» говорится в противопоставлении «догадкам» (мнениям). Мнения эти относятся к богам. Люди мыслят и поступают ориентируясь на богов как на авторитетные инстанции, не отдавая себе отчета в том, что боги мнятся людьми. Причем люди мнят богов по собственному подобию: «Эфиопы... черными и с приплюснутыми носами, / Фракийцы – рыжими и голубоглазыми...» Чтобы убедительнее показать, что людские мнения о богах могут быть нелепы, Ксенофан доводит мысль до абсурда: «Если бы руки имели быки и львы или <кони,> / Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди, / Кони тогда б на коней, а быки на быков бы похожих / Образы рисовали богов и тела их ваяли, / Точно такими, каков у каждого собственный облик» [2, с. 171].

Некоторые полагают, будто весь вклад Ксенофана в становление философской мысли заключается в сатире на богов и не более [3]. По существу, Ксенофан первым из философов применил «скептический метод», который должен очистить мышление от догматических установок прежде, чем начнется «положительная» работа мысли.

Каким же образом можно дознаться об истинном божестве? Ксенофан избрал путь не произвольных догадок и не мистической интуиции, а рассуждения. Мог ли на роль непревосходимой, предельной инстанции претендовать кто-нибудь из родовых богов греческого пантеона? Нет, ведь превосходство любого из богов относительно. К тому же никто из богов не может быть принят за идеал – любому свойственны те же пороки, которые есть и у людей. Ксенофан писал: «Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только / У людей позором считается или пороком: / Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать» [2, с. 171].

Ксенофан попытался постичь предел совершенства, или «бога», исходя не из мифов, а из разума, опираясь на рассуждения. В отличие от родовых богов, «предельная инстанция» не может быть порожденной, поскольку это уже означало бы что она не предельная, но нечто имеет некоторое первенство перед ней. Она вообще не может возникнуть. Если она есть, то есть всегда.

Далее. «Предельная инстанция» может быть мыслима только как одна: наличие еще хотя бы одной делало бы любую из них уже не предельной (или не

«высшей», не «изначальной», не «абсолютной» и т.п.). То, что она одна, означает, что ей ничто не противостоит и она ничем иным не ограничена. Это означает также, что она не разделена на части чем-то иным и, следовательно, *едина*. Это единство, монолитность, вероятно, Ксенофан не мог выразить иным образом, кроме как сравнением с шаром – просто не нашлось в тогдашнем лексиконе подходящего слова. Но по существу «предельную инстанцию» нельзя представлять в виде шара: поскольку она ничем не ограничена, постольку не имеет краев, периферии, следовательно не имеет и центра. Выражаясь современным языком, надо было бы сказать, что в ней нет привилегированной точки отсчета, привилегированных частей, мест и направлений, т.е. она изотропна.

Понятно также, что «бог» Ксенофана не может быть конечным, но вместе с тем не верно было бы считать его и бесконечным, поскольку бесконечность немыслима и ввиду немыслимости была бы тождественна с не-сущим, а предельное совершенство нельзя считать не-сущим.

Далее, нельзя сказать, что «бог» движется. Чтобы констатировать его движение, необходима какая-то внешняя по отношению к «богу» система отсчета, но нет ничего «внешнего» для «бога». Нельзя сказать, что «бог» изменяется, это означало бы, что он становится чем-то иным, но он не мог бы стать иным, потому в его совершенстве должно мыслиться уже «все», что могло бы быть. Вместе с тем, нельзя сказать, что «бог» не движется и не меняется, потому что тогда мы сказали бы о нем как о не-сущем. Выходит, «бог» у Ксенофана – по ту сторону рассудочных определений: он «ни то и ни это» или же «и то, и это». Для человеческого разума «бог» непостижим. Подобные ходы мысли воспроизвели спустя тысячелетия Николай Кузанский и Спиноза.

Ксенофан осуществил рассудительное восхождение к метафизической идее, выходящей за пределы возможного человеческого опыта, из-за чего рассудок, по выражению Канта, впадает в «диалектическую» путаницу.

Рассуждения Ксенофана, скорее всего, были непонятны современникам и поэтому подверглись искажениям при пересказах. Из доксографов, пожалуй, лишь неоплатоник Симпликий по складу своего разумения оказался в достаточной мере подготовленным для корректной передачи мысли Ксенофана. Он писал: «Одно начало (и причем ни конечное, ни бесконечное, ни движущееся, ни неподвижное) или всеединство (*εν και παν*) сущего принимал Ксенофан Колофонский, учитель Парменида». Защищая теорию Ксенофана от искажений, Симпликий подчеркивал: «он понимает под его [бога-сущего] пребыванием не покой, противоположный движению, но пребывание, трансцендирующее движение и покой». «...Он доказывал, что [начало] ни бесконечно, ни конечно, ограниченным же и шарообразным, по словам [Александра], он называл его [метафорически], потому что оно со всех сторон подобно» [2, с. 164–165].

И еще одна мысль Ксенофана, изложенная доксографами, кажется или темной, или даже нелепой: «бог» *весь* целиком видит и слышит и одним лишь помышлением «все потрясает» [4]. Между тем, эта мысль оказывается вполне «здравой» и логичной, если не забывать, что Ксенофан говорит не о привычных для древних греков «природных» богах, а о метафизическом «боге». Этот «бог» не имеет ничего вне себя, чтобы созерцать нечто как противостоящий ему объект. Все, что он может созерцать, принадлежит ему самому, он не помещен ни в какой «горизонт». Поскольку он един, всякое созерцание совершается всем его существом, а не в какой-то из точек. Мышление «бога» – это «мышление вообще», но только не абстрактно-теоретическое, а конкретно-событийное. Его мышление есть событие, не отделенное от действительности, и, как таковое, оно «все потрясает».

Теория Ксенофана о едином божестве не смогла вписаться в мировоззрение древних греков, ею пренебрегали, ее искажали и отвергали. Принятие теории

Ксенофана требовало бы отказа от веры в традиционных, каждому понятных родовых богов в пользу единого и непостижимого божества. Ни одна античная теория, кроме ксенофановской, не посягала на достоинство родовых богов. Так, даже самые радикальные скептики предлагали всего лишь воздерживаться от суждений, но не отрицали богов, а неоплатоники хотя и утверждали в своей философии верховенство Единого, однако оставляли множеству богов («чисел») их законное место. Для свободолюбивых и состязательных греков мысль о едином божестве, наверное, была нетерпима. Их социальная жизнь предполагала состязательное единство многообразных родовых общин и укладов. Для них были приемлемы лишь такие идеологии единства, которые не отрицали и не подавляли многообразных родовых верований. Тех, кто хотя бы подозревался в отрицании богов, приговаривали к смертной казни или изгнанию. Такая участь постигла Анаксагора, Протагора, Сократа, хотя они не были настолько радикальными в отрицании родовых богов, как Ксенофан, который предлагал своего «бога» не наряду с другими, а вместо других. Несмотря на то, что учение Ксенофана не было по достоинству оценено ни в древности, ни в последующие эпохи (вплоть до современности), оно косвенно – через рецепции Парменида – оказало выдающееся влияние на историю европейской философии.

Если Ксенофан не позаимствовал свои идеи у Парменида [5], то именно его следует признать первооткрывателем философского способа обоснования принципов. В таком случае ему следовало бы уделить более серьезное внимание, чем это принято в привычных курсах истории философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Suggestia* (от позднелат. *suggestio* и фр. *suggestion*) – внушение, наитие, наушение, интуиция; духовно-психическое влияние на человека с целью побудить его к определенному поведению. (См.: DUDEN – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim: Dudenverlag, 1999.)
2. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989. – С. 157.
3. В качестве примера приведем суждения видного историка философии В. Виндельбанда: «Ксенофан не был ни мыслителем, ни исследователем. Это был просто убежденный и одаренный пылким воображением адепт науки, заимствовавший свои идеалы с Востока и давший науке совершенно религиозную окраску. Ироническое отношение к антропоморфизму мифологии и злоба, с которой он преследовал поэтов как создателей этих снабженных всеми пороками и слабостями человеческой природы богов, исходят из представления о Боге как о высшем существе, совершенно несравнимом... с человеком». «...В этом обнаруживается поворот к теологическому направлению...». «Влечение к изучению природы у колофонского философа вообще невелико, а его представления имеют иногда совершенно детский характер и далеко уступают познаниям милетцев» (Виндельбанд В. История философии. – К., 1997. – С. 37–38).
4. См. фрагменты А 1, А 32, В 24, В 25, 047.
5. Такое предположение, не получившее, впрочем, поддержки, выдвинул К. Райнхардт (K. Reinhardt. *Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie.* – Bonn, 1916). См.: Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985. – С. 80; Рожанский И.Д. Ранняя греческая философия // Фрагменты ранних греческих философов. – С. 18.

S U M M A R Y

The author distinguishes different types of ideology (mythological, despotic, religious and philosophical) and proves that Xenophanes was the first who applied a philosophical substantiation of principles.

Поступила в редакцию 30.08.2004

Проблемы интерпретации исторического прошлого

События последних десятилетий убедительно продемонстрировали, что история и ее дискурсивная репрезентация остаются важнейшими факторами динамики развития общества. Различные и подчас диаметрально противоположные интерпретации событий, особенно трагических событий XX века, таких, например, как Октябрьская революция в России¹, по-прежнему являются базисными элементами в процессах генезиса различных идеологий; отношение к соответствующим историографическим дискурсам остается в числе важнейших факторов формирования мировоззрения людей.

Одновременно с этим со все возрастающей остротой проявляется несоответствие, с одной стороны, иной культурной ситуации, сложившейся под влиянием таких факторов, как развитие образования, появление качественно новых средств массовой информации, а также целого ряда других изменений, приведших, в том числе, к резкому увеличению количества конкурирующих интерпретаций прошлого, и, с другой стороны, традиционной парадигмы социально-гуманитарного знания. Изучение процессов интерпретации прошлого, в том числе и на метатеоретическом уровне, является, поэтому, весьма актуальной задачей социально-гуманитарного знания.

В культурной парадигме Запада производство знания и обеспечивающий это производство комплекс общественных институтов являются, по сути, основой цивилизационного устройства. Такое положение вещей не могло не отразиться на формировании системы ценностей и специфических традиций, главной особенностью которых был и остается приоритет достоверной обоснованности любого значимого действия, что, в свою очередь, предполагает дискурсивную по характеру и поддающуюся верификации истину в качестве императива индивидуального и группового поведения. При этом право на верификацию, по крайней мере, в виде упрощенной проверки на логическую непротиворечивость и интуитивно определяемую этическую, а также эстетическую приемлемость, остается за обществом, что играет критически важную роль в судьбе любого нового для него явления, будь то политическое решение, манифест группы художников или научная гипотеза. В сочетании с открытым способом формирования элит эта критичность общественного сознания и обеспечила, по-видимому, глобальное превосходство западной модели развития.

Социально-гуманитарные дисциплины в силу целого ряда причин особенно подвержены критическому давлению социума и власти. При этом, помимо непосредственного влияния власти, которая выступает в данном случае в роли главного потребителя конечного, практически применимого, дискурсивного продукта, свою и весьма значительную роль в определении условий функционирования этой области производства знания играет господствующая на данный момент в обществе социокультурная доминанта. Именно она, а не власть

¹ Стоит заметить, что это тот достаточно редкий случай, когда идеологическая (и не только) принадлежность дискурса может быть опознана по одному, пусть даже единичному, факту словоупотребления: «переворот» или «революция» почти всегда предупреждают, с какой именно трактовкой предстоит столкнуться в том или ином случае.

в традиционном понимании этого феномена, наиболее сильно влияет на соотношение критического и комплиментарного в широком, общедоступном дискурсе. Через посредство актуальной доминанты общество постоянно определяет, в каком знании о себе оно нуждается и какое считает нежелательным или даже небезопасным для своей стабильности.

Особый интерес представляет как раз это последнее, нежелательное знание. Дело в том, что, хотя и с достаточной степенью условности, весь вырабатываемый социальными дисциплинами комплекс знания можно, как и почти все сущее, разделить на три временные модальности. Знание о настоящем, в том виде, в каком его репрезентирует, к примеру, социологическое исследование, при кажущейся актуальности неспособно вызвать какую-либо значительную реакцию социума или власти. Объекты такого знания не обладают достаточной фундаментальностью, настоящее всегда воспринимается как достаточно случайное, и, что особенно важно, текущее положение дел всегда видится поправимым и оттого временным.

Еще меньше шансов нарушить спокойствие широкой элиты современного общества имеет футурология, и лишь знание о прошлом, благодаря своему онтологическому статусу, справедливо расценивается консервативно ориентированными силами как потенциально опасное.

Онтологическая составляющая интерпретаций прошлого привносит в них некую априорную легитимность, обоснованно оспорить которую массовое общественное сознание не может. Кроме того, интерпретации прошлого часто строятся на сравнении, задействуя тем самым такое мощное выразительное средство, как контраст, которое Ройс называл «the mother of cleanness» («матерью ясности») [1].

В целом общая ситуация, определяющая характер процессов интерпретации исторического прошлого, зависит от двух главных параметров: «давления» власти и культурного уровня активной части общества.

Интерпретация прошлого, будучи одновременно частью как непосредственного процесса производства знания, так и внутренней, основанной на критической адаптации методологии этого комплекса дисциплин динамики, дополнительно подвергается воздействию целого ряда факторов.

Так, несомненным представляется то, что свобода интерпретации прошлого всегда ограничена совокупностью этических (по способу их восприятия) запретов, порожденных тем или иным историческим казусом. В отличие от прямого давления власти, эти запреты, опирающиеся на массовое общественное мнение, являются тоталитарными по своей сути и весьма эффективными. При этом нужно понимать, что общественное мнение как таковое не является некой естественной данностью, в современном так называемом информационном социуме это во многом результат долговременных, более или менее продуманных усилий власти.

Интерпретация исторического события, в той или иной степени нарушающая эти нигде нормативно не зафиксированные запреты, вызывает реакцию, сравнимую с иммунным ответом организма. Впрочем, такие события сравнительно редки, множество барьеров и «фильтров», существующих на разных уровнях системы производства знания (а также в системе распространения информации), достаточно эффективны.

Как правило, эти комплексы неявных запретов обязаны своим происхождением крупномасштабным трагическим событиям прошлого, при этом элемент трагического используется для обоснования безнравственности нарушения этих запретов. Учитывая, что в культурном пространстве любое значимое событие существует в форме интерпретации, эти комплексы запретов следует, по-видимому, рассматривать как их же, интерпретаций, составляющую, как интегрированные в них защитные механизмы. Препятствуя попыткам реин-

терпретации, они тем самым изолируют защищаемое ими событие, способствуют изъятию его из динамики общей эволюции. С течением времени очевидный культурный анахронизм защищенной таким образом интерпретации, нарастающее несоответствие инкорпорированных ею этических норм, ее эстетика – она ведь часть «зримой авансцены истории» [2] – все это провоцирует новые и новые критические атаки. Поскольку нет никаких свидетельств превращения подобных запретов в устойчивую культурную норму, исход подобного противостояния вполне предсказуем.

В чем же глубинный смысл этой характерной для Запада нетерпимости к табуированному прошлому? Может ли подобное отношение иметь философское толкование? Приблизиться к пониманию в данном случае можно через анализ ситуации исследователя, и в этом случае мы вправе говорить об онтологическом характере данной проблемы. Взятый как архетип культуры исследователь равновелик собственной экзистенции; для него бытие познающим субъектом конститутивно, и поэтому любое внешнее ограничение, налагаемое на процесс познания, приобретает характер угрозы осуществлению. Таким образом, преодоление ограничений является для агента познания борьбой за пространство собственного развития.

Исторические, социологические и, особенно, политологические исследования, как уже отмечалось, безразличны для власти. Наряду с опасениями появления опасного для нее знания, власть ожидает пополнения и модернизации своего инструментария. Однако ей требуется продукт с определенными свойствами, способный эффективно работать в символических механизмах современного общества. Эта потребность власти в постоянном обновлении знания контроля создает конъюнктуру, поэтому нет больше необходимости в тотальном контроле и подчинении. Политические институты не стремятся теперь к инкорпорации социальных дисциплин, определенная независимость последних признана одним из условий их эффективности.

Социополитическая сфера общества нуждается в знании о прошлом, но в знании специфическом, специально адаптированном. Интерпретации событий прошлого должны быть взаимосогласованными, образовывать в своей совокупности сложную систему актуального предания общества. На практике, к счастью, создание такого нарратива-монолита невозможно, но стремление приблизиться к этому состоянию характерно для любой власти. Сопротивление этому стремлению было и остается важнейшим элементом культуры Запада, причем суть сопротивления заключается не в прямом отрицании, всегда ограничивающем, а в создании альтернативных интерпретаций и дискурсов. Эффективное сопротивление унифицирующим интенциям власти может быть только креативным по характеру, оно, перефразируя М. Бакунина, акт творческий.

Продуктивная деятельность относительно самостоятельных индивидуумов и групп расширяет и обогащает контекст интерпретации прошлого. Подобная деятельность закладывает основу качественно иной динамики и способствует постепенному изменению критериев оценки знания. Побочным эффектом данных процессов является сужение культурного пространства идеологии. Частично лишившись опоры на целесообразно интерпретированное прошлое, а значит и таких мощных концептов, как национально-культурная исключительность, особая миссия этноса или государства и т.п., идеология вынуждена все более опираться на универсальные ценности².

У власти, однако, есть возможность регулировать процессы толкования прошлого путем ограничения доступа к источникам информации. Закрыв архивы и

² Неизвестно, однако, до какой степени это может ограничить произвол власти. Тезис Ж.-Ф. Лиотара о фрагментации метанарратива как эмансипации (в его «The Postmodern Condition») представляется поэтому слишком оптимистическим.

библиотеки, можно предотвратить появление нежелательных интерпретаций или снизить их доказательную силу, ведь исследователь, в отличие от художника или идеолога, нуждается в признанных достоверными источниках. Нужно заметить, что какими бы ни были оправдания и мотивы, подобная практика является, по сути, экспроприацией. Она посягает на главный капитал общества, его историю, лишая, тем самым, его возможности критически корректировать свою эволюцию. Произвольное вмешательство власти часто ведет к непрогнозируемым и нежелательным последствиям; некоторые тенденции, к примеру, современного развития России, убедительно демонстрируют опасные последствия подобных интервенций власти в процессы осмысления исторического прошлого.

Результат подобных интервенций власти может быть представлен в терминах различных теорий, скажем, в не лишенной некоторого дарвинизма философии Дж. Г. Мида это прямая угроза выживанию социума, в романтической онтологии М. Хайдеггера эти ограничения препятствуют «возвращению к возможностям сбывшегося присутствия» [3]. Однако и без интерпретационного анализа понятно, что речь идет о совершаемом частью элиты преступлении, причем в современных условиях, когда правовые, да и сущностные, различия материального и нематериального сгладились, это преступление имеет отчетливый характер посягательства на имущество.

Влияют на процессы интерпретации прошлого и некоторые, так сказать, технические особенности современного социума, прежде всего, его системы распространения информации. Известная «компьютерная» аналогия М. Фуко, при всей уязвимости, присущей таким приемам толкования, бесспорна, на наш взгляд, в той своей части, где отождествляется скорость обмена информацией и сила социальной структуры. В сфере того знания, производство и распространение которого прямо или косвенно связано с заказом власти, влияние этих особенностей современного социума проявляется достаточно непосредственно, но, к счастью, эта сфера в нормальных, не тоталитарных, условиях сравнительно невелика и во многом вторична.

Таким образом, прогресс в области познания исторического прошлого тесно связан с общей направленностью эволюции социума. Продуктивная работа по осмыслению и толкованию прошлого возможна лишь при наличии в социокультурном пространстве хотя бы относительно свободных от непосредственного вмешательства власти локусов; свобода является онтологической предпосылкой любого усилия приблизиться к истине прошлого.

Констатация этого обстоятельства, тем не менее, не является признанием сущностно произвольного характера интерпретации, волюнтаристская и эстетизирующая трактовка представляются здесь равно неправомерными, объективная рациональная составляющая интерпретации обычно вполне способна противостоять интенции превращения ее в «рабу страстей» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Royce J. The world and the individual // Philosophy of J. Royce. — Ind.: Hackett, 1982. — P. 193.*
2. *Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. — М., 1993. — Т. 1. — С. 258.*
3. *Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. Бибихина. — М., 1997. — С. 253.*
4. *Hume D. A treatise on human nature / Ed.L. Selby-Bigge. — N. Y., 1978. — P. 415.*

S U M M A R Y

The author has made an attempt to clarify the following aspects of the issues of historical interpretation deals with: global cultural context of the process of historical interpretation; political power and historiography; internal dynamics of this discipline, etc.

Поступила в редакцию 30.08.2004

П.В. Борботько

Правотворческая деятельность Национального собрания Веймарской республики в 1920 году

Правящая коалиция Веймарской Германии, состоявшая из Социал-демократической партии, Немецкой христианской католической партии Центра (далее Центр) и Немецкой демократической партии, в первой половине 1920 года выступала единым сплоченным блоком против давления левых и правых политических сил. Ее крупнейшим оппонентом слева была Независимая социал-демократическая партия, а справа – Немецкая народная и Немецкая национальная народная партии [1].

В деятельности Национального собрания в январе-июне 1920 г. обращает на себя внимание тот факт, что СДПГ, Центр и НДП, придя к идее о необходимости выступления единым фронтом в отношении своих оппонентов, старались поддерживать друг друга во время заседаний парламента и разгоравшихся на них дебатов по различным законопроектам. Главная причина этому – экономический и политический кризис в стране, вызванный поражением в войне и революционными событиями, а также стремление коалиции стабилизировать ситуацию и удержаться у власти. В этих условиях основные дебаты разворачивались по вопросам налогового законодательства, о компетенции и функциях производственных советов, суда над военными преступниками и т.д.

Успешное реформирование налогового законодательства могло привести к улучшению экономической ситуации в стране. Поэтому тем или иным проблемам подоходного налогообложения, введения налога на собственность, налога на доходы с капитала решались на 142–151-м заседаниях Национального собрания, проходивших в феврале-марте 1920 г. [2].

По проблеме изменения законодательства, регулирующего правоотношения в вопросах налога на собственность, фракции правящих партий согласились с проектом НДП. Суть его заключалась в том, что к 1920 году наблюдалось истощение источников прямого налогообложения. Это, в свою очередь, вызывало необходимость увеличения косвенного обложения. Фракция немецких демократов предложила взимать налоги с дохода, имущества и имущественного прироста. При этом для физических лиц было предложено принять специальный государственный закон о подоходном налоге, а для юридических – Закон о налоге на корпорации. Поскольку Германия в то время представляла собой федерацию различных земель, предполагалось, что налоги на доходы с ремесленных предприятий и с земельных владений можно будет вывести из компетенции центральных органов власти, передав на рассмотрение местных земельных и, даже, общинных органов управления.

Заместитель государственного секретаря в министерстве финансов, член фракции НДП в парламенте В. Мосле в своем выступлении 8 марта предло-

жил также ввести чрезвычайную меру – налог на имущество. Раньше под ним понималась выплата определенного фиксированного процента с имущества, полученного в результате дарения или по наследству. Суть нововведения заключалась в том, что раньше облагалось налогом имущество, которое было «сэкономлено» его владельцами. Не подвергалась налогообложению собственность, растраченная ими в результате неразумной или неэффективной деятельности. Поэтому партии коалиции поддержали решение об обложении чрезвычайным налогом расточителя и растраченную собственность.

СДПГ неукоснительно отстаивала принцип прогрессивности налогообложения. Член фракции партии В. Кайль заявлял, что это «старая неизменяемая позиция» его организации. Вызвана она теперь также тем фактором, что потребности государства с послевоенных времен возросли в 6 раз. Это, по его мнению, должно было привести к реформированию налогового законодательства. В связи с этим, он предложил изменить некоторые бытовавшие в Германском гражданском уложении формулировки тех или иных терминов. Например, понятие прожиточного минимума предлагалось рассматривать не как определенный размер доходов, позволяющий поддерживать сносное существование, а как минимальный доход, не облагаемый налогами. При этом социал-демократы предлагали дифференцировать размер платежей государству в зависимости от величины семьи. Так, например, замужние женщины при расчете размера подоходного налога должны были предоставлять сведения о совокупном налоге семьи. Таким образом, налог взимался в зависимости от совместного заработка супругов. В этом случае защищались, как можно определить, интересы государства, а не семьи.

Кроме этого, члены СДПГ предложили реформировать саму систему взимания налогов. Раньше все физические и юридические лица осуществляли выплаты один раз в год. Это приводило к тому, что порой рабочим было трудно одновременно собрать большую сумму. Поэтому фракция добилась введения практики ежемесячных удержаний налогов из заработной платы и доходов небольшими суммами.

Все выступления оппозиции – НСДПГ, ННП и НННП о том, что рабочие и пенсионеры недовольны данными реформами, были отведены правящей коалицией. Лидеры СДПГ, заявлявшие о своей особенной заботе о данных слоях населения, ответили, что недовольство вызвано не налогообложением пенсий и доходов, а низкой покупательной способностью марки.

Уже 28 февраля на 143-м заседании Национального собрания фракция НДП выступила с заявлением о том, что практически все сложности страны вызваны ее неудачами во внешнеполитической сфере. В результате поражения в войне к 1920 году Германия потеряла четкую пограничную линию и пограничные службы на севере, западе и востоке. Это привело к проникновению на внутренний рынок страны излишних товаров, потере доходов от таможенных пошлин. Почта и железные дороги, которые раньше были доходной статьёй немецкой экономики, стали убыточными и требуют постоянных государственных дотаций. Внутреннее производство товаров не сбалансировано с их потреблением. Таким образом, узость внутреннего рынка страны, наблюдавшаяся еще до войны, еще более усилилась.

Фракция отметила, что Германия нуждается в импорте товаров из-за границы, особенно продуктов питания. Это, в свою очередь, ведет к повышению закупочных цен на картофель и пшеницу. В результате страна наводняется большой массой денег, которые очень быстро обесцениваются. Требование рабочих о повышении заработной платы приводит к еще большему ухудшению ситуации. В качестве мер по улучшению ситуации в финансовой сфере и укреплению марки было предложено три меры. Во-первых, народ должен

ограничить свои потребности, во-вторых, больше и эффективнее работать, в-третьих, государство должно стимулировать предпринимательскую активность. Поскольку каждое предприятие требует привлечения первоначальных капиталовложений, то необходимо сократить налоговое законодательство на мелкий и средний бизнес.

В целом НДП выступила за увеличение подоходного налога. Она видела, что страна ввела «даже не двойное, а тройное» обложение налогом источников дохода. Поэтому отмечалось, что страны Антанты не заинтересованы в полном развале Германии. Они надеются получить с нее репарационные платежи и деньги, необходимые для восстановления их собственной промышленности, а также использовать ее как экономического и торгового партнера. Поэтому, как утверждал член фракции Г. Польшманн, основное внимание нужно обратить на «мудрую внешнюю политику». Внешнеполитические успехи помогут справиться с указанными выше экономическими трудностями.

Большие споры между партиями коалиции возникли по законопроекту о производственных советах. Он был призван способствовать развитию производственной демократии, защиты прав рабочих, установлению классового мира и сотрудничества. Второе и третье чтения данного законопроекта проходили на 135–138 и 140-м заседаниях Национального собрания.

Прежде всего, встал вопрос о том, на каких предприятиях целесообразно создавать производственные советы. В дебатах победила точка зрения немецких демократов. Члены НДП выступили за их создание только на крупных производственных объединениях. Поскольку создание их на небольших заводах и фабриках привело бы к излишней бюрократизации. На заседании 15 января (№ 137) они добились принятия решения о том, что фабричный совет может быть создан на предприятии, где занято по меньшей мере 20 ремесленников, работающих главным образом в пользу данного предприятия, и не являющихся его собственниками.

СДПГ предложила проводить выборность членов производственных советов на основе прямых выборов. Все советы отдельных предприятий должны были стать, по их предложению, подгруппами Всеобщего производственного совета. Данное предложение собрало 215 голосов членов парламента. Против него высказалось 63.

Большие споры разгорелись по вопросу о компетенции производственных советов. Правые партии (ННП и НННП) выступили за то, что данные органы рабочего контроля не имеют право нарушать существующее законодательство. Речь шла о том, что в случае предоставления работодателем заведомо ложной информации или документов своим рабочим, он не несет никакой уголовной ответственности. Совет не имел право наложить какие-либо взыскания на него или инициировать судебный уголовный процесс. СДПГ сумела добиться признания за советом права осуществлять проверку всех трудовых споров и, в случае обнаружения злоупотреблений, требовать их исправления. В противном случае должно было вступить в силу уголовное законодательство.

На заседании 18 января (№ 140) Центр добился принятия положения о введении трудовых книжек и обязательном страховании рабочих. Следить за выполнением данного положения должны были фабричные и заводские советы рабочих. Партия напомнила, что в период революции за данный закон выступали как партии коалиции, так и правые организации. Против него были только НСДПГ и коммунисты, боровшиеся за установление Советской власти и диктатуры пролетариата в Германии. Их раскольническая деятельность, по мнению членов фракции Центра, привела к расколу сторонников демократизации производства. Многие либеральные и демократические организации стали воспринимать любой совет как врага демократии и республики, агента

тоталитарной диктатуры. В результате Немецкая народная партия стала противником реформ в данной области.

Основным итогом второго и третьего чтения данного законопроекта было его принятие в том виде, как предлагали партии коалиции. Фабричные советы получили право контроля и арбитража трудовых споров, возникающих на производстве между работодателями и работополучателями.

По вопросу о суде над военными преступниками среди политических партий, как оппозиционных, так и правящих, было меньше различий и споров. Дебаты по данному вопросу проходили на 144 и 145-м, 148 и 149-м заседаниях (1, 4 и 5 марта).

8 января 1918 года Президент США В. Вильсон выступил со своими знаменитыми 14 пунктами нового устройства мира после войны. Данный план был поддержан правительством Ф. Шейдемана в период Ноябрьской революции. Немецких социал-демократов, партию Центра и Немецкую демократическую партию в плане Вильсона привлекали, в первую очередь, пункты 1–3, 5 и 14, которые могли стать основой в создании Лиги Наций как мирового содружества государств, за что в своих программах выступали СДПГ и Центр. К тому же появилась возможность выгодного для страны решения вопросов «свободы морей», «свободы торговли» и «свободного урегулирования» колониальных проблем. Большую поддержку вызывали положения о праве наций на самоопределение, под которым понималась защита немецкого меньшинства в соседних государствах и объединение Германии.

По поручению Национального собрания и правительства военная делегация проводила переговоры с командованием стран Антанты в Спа. Переговоры шли крайне тяжело из-за слишком жесткой позиции маршала Фоша. Генерал Г. Хаммерштайн в своем докладе кабинету министров в феврале 1919 года отмечал проблемное поле неурегулированных в Спа вопросов. Каждый из них нужно было рассмотреть более подробно и разработать специальную законодательную базу при подготовке окончательного мирного договора.

Г. Хаммерштайн, в частности, отмечал неуступчивость французского командования по проблемам демобилизации сухопутных вооруженных сил. Военное министерство Пруссии, являвшееся также одним из субъектов переговоров в Спа, уделяло большое внимание вопросу демилитаризации оккупированных районов. Оно было сторонником дальнейшего военного присутствия Германии в данном регионе [3].

Французское правительство предложило через маршала Фоша законодательно оформить проблему гражданства в Эльзасе и Лотарингии. Согласно ему: 1) все лица, кто родился в данной земле до 20 мая 1871 г., принадлежат к французским гражданам, несмотря на потерю данного гражданства через принятие Франкфуртского мира; 2) те лица, которые родились на данных землях после 20 мая 1871 г., чьи матери и отцы получают гражданство Франции по первому пункту, также автоматически считаются гражданами Французской республики. К этому добавлялся третий пункт: все лица, рожденные в Эльзасе и Лотарингии от неизвестных родителей, также могут быть признаны гражданами Франции.

Данная позиция, по мнению немецкой делегации, была безосновательна, поскольку в таком случае происходил раздел немецкого народа на части. Кроме этого, возникла правовая незащищенность данного населения, подвергнувшегося призыву в 1914–1918 гг. в немецкую армию, от уголовного преследования, по французскому закону, за службу в пользу чужого государства.

Одновременно, те лица, которые не попадают под действие данных пунктов, должны были считаться в Эльзасе и Лотарингии временно проживающими. Генерал отмечал факты конфискации собственности эльзасских офицеров и передачи ее в распоряжение французским. Данные земли считались

принадлежащими временно проживающему лицу только после того, как оно докажет законность своего права на владение. Однако из многочисленных прошений, поданных французскому временному военному командованию, как отмечает Хаммерштайн, к рассмотрению принято только 6 просьб.

Большие споры разгорелись по вопросу о суде над военными преступниками. Группа депутатов Национального собрания, состоявшая из членов СДПГ, Центра и НДП, заявила, что нужно проводить борьбу не только против стремлений слева, призывающих к революции, но и справа. Г. Прейс смог убедить присоединиться к данному заявлению Г. Носке. На заседании 27 марта 1919 года Шейдеман обрушился в своей речи на генерала Людендорфа и коснулся вопроса создания Государственного трибунала. Далее этим вопросом активно занимался Прейс.

Только на заседании кабинета 17 апреля 1919 г. была выработана руководящая линия для подписания немцами мирного договора и окончательно определена позиция правительства Германии и немецкой делегации на переговорах в Версале. Предложения условий, представленные графом Рантцау, были окончательно отредактированы и изменены.

Правительства Ф. Шейдемана и Г. Бауэра долгое время пытались противостоять попыткам стран Антанты обвинить Германию в развязывании Первой мировой войны. При голосовании по вопросу о принятии Версальского мирного договора в мае-июне 1919 года внутри СДПГ и Центра возник раскол по вопросу об его подписании. НДП и ННП высказались однозначно против утверждения текста договора, выработанного комиссией. Ситуация обострялась еще и требованием стран Антанты о проведении судебных заседаний международного трибунала по вопросу о наказании военных преступников. Оно вызвало огромное возмущение офицерского корпуса в Германии, который даже был готов осуществить вооруженное выступление против неравноправного договора.

Фракция СДПГ на заседании 12 мая решила, что в связи с подготовкой Францией агрессивных акций в отношении немецких военнопленных (около 800 тысяч человек), а также угрозы полной оккупации страны, необходимо подписать данный документ. Она уполномочила правительство подписать договор 22 июня в надежде, что время работает на немцев. При предварительном голосовании в Национальном собрании 237 человек высказались за подписание, 138 – против, 5 депутатов воздержались. Это, в свою очередь, привело к выходу из правительства членов НДП, Шейдемана и Ландсберга. Канцлером был вынужден стать Бауэр, министерство иностранных дел временно перешло к Г. Мюллеру, а председателем фракции СДПГ в Рейхстаге стал Лёбе. Правительственный кризис привел к постановке на повестку дня вопроса о доверии правительству. При голосовании по нему 235 депутатов выразили свое доверие, 89 – голосовало против, 69 – воздержались. 23 июня при голосовании после третьего чтения Версальского договора «за» проголосовало 209 депутатов, «против» – 116. Фракция ННП полностью голосовала против его принятия.

Договор носил неравноправный характер. Интересы Германии в нем были ущемлены. Это касалось, например, порядка деятельности международного трибунала, занимавшегося вопросами суда над военными преступниками. В Договоре его деятельность регламентировали статьи 227–231. Статья 231 возлагала вину за все военные убытки, убытки стран Антанты и их союзников на Германию и союзные ей государства. В соответствии со статьей 227 Договора планировалось создать международный трибунал, состоящий из 5 судей (по одному от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии). Деятельность трибунала должна была основываться на международном праве (например, законах Зиттена). Специальный запрос намечалось направить правительству Нидерландов с целью экстрадиции бывшего кайзера для придания его суду международ-

ного трибунала. В статьях речь шла только о гражданах Германии, совершивших военные преступления и о суде над ними.

Немецкая сторона, признав вину Германии в развязывании войны, добивалась от стран Антанты уступок не выдавать «преступников» и судить их в рейхе государственным трибуналом. Для обоснования законности данной просьбы Национальное собрание приняло два законодательных акта: от 18 декабря 1919 г. и 24 марта 1920 г. Страны Антанты согласились на проведение заседаний Трибунала в Лейпциге под руководством немецких государственных судей. Представители от стран присутствовали на заседаниях трибунала в качестве наблюдателей и свидетелей. Англия во время работы трибунала продемонстрировала свою лояльность к проходившему процессу. Французские уполномоченные, поссорившись с немецкой защитой, покинули зал заседаний и отказались от дальнейшего участия в процессе. Бельгийцы вовсе не послали свою делегацию на заседания.

В результате к военным преступникам были отнесены лица, нарушавшие в период 1914–1918 гг. нормы международного права: участвовавшие в расстреле заложников, убийствах раненых, истязаниях пленных, сожжении населенных пунктов и т.д. Все страны Антанты подали списки лиц, которых они отнесли к военным преступникам. В эти списки был включен практически весь прежний кайзеровский генералитет и большое число немецких офицеров, вплоть до лейтенантского состава. Большинство из них были приговорены к тюремному заключению на различный срок, имущественным штрафам и увольнению из рядов вооруженных сил.

В последующие годы Германия пыталась добиться ликвидации условий Версальского мирного договора, выполнения программных установок отдельных партий и равноправного участия в международных делах.

Как можно заключить, экономический и политический кризис, продолжавшийся во время работы Национального собрания в 1920 году, наложил свой отпечаток на деятельность правящей коалиции. С одной стороны, она была более сплоченной, чем прежде. С другой, все предлагаемые ею реформы в налоговом и трудовом законодательстве сводились к тому, чтобы установить законность и правопорядок, избежать грозящего бюджетного дефицита. Неудачи коалиции во внешнеполитической деятельности, взрыв возмущения немцев попыткой поддержать социал-демократами идеи стран Антанты о проведении международного суда над военными преступниками, на котором немецкая сторона не была равноправным субъектом, спровоцировали серьезный политический кризис. Все это стало одной из причин Капповского путча, падения правительства Г. Бауэра и закрытия Национального собрания [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Космач Г.А.* Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Мн., 1989. – С. 10–70.
2. *Verhandlungen der verfassungsgebende Deutschen Nationalversammlung.* – Berlin, 1920. – Bd. 326. – S. 46.
3. *Verhandlungen der verfassungsgebende Deutschen Nationalversammlung.* – Berlin, 1920. – Bd. 327. – S. 808–858.
4. *Deutsche Geschichte in Daten.* Herausgegeben vom Institut für Geschichte die Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – Berlin, 1968. – S. 1101.

S U M M A R Y

Law activity of the parties in the Weimar Germany in the National Assembly in 1920 is considered in the article. The conclusions on the reasons for their ups and downs as well as for the impact on the political situation in that country are drawn.

Поступила в редакцию 27.05.2004

М.А. Гулюк

Женские духовные училища в образовательной политике российского правительства в белорусских губерниях (вторая половина XIX – начало XX в.)

Подготовка учителей для начальной школы являлась одной из важнейших задач правительства Александра II в области просвещения. В белорусских губерниях ее решение осложнялось противодействием польско-католического лагеря. Народные учителя должны были твердо стоять на платформе православия и лояльности самодержавию. Поэтому правительство решило привлечь в начальную школу Северо-Западного края (СЗК) воспитанниц женских духовных училищ, где обучались дочери православных священнослужителей.

Еще до восстания 1863–1864 гг. существовали планы использовать эти училища для усиления русского культурного влияния в крае. В 1861 г. митрополит Литовский Иосиф, ходатайствуя в Синоде об открытии Виленского училища девиц духовного звания, высказался, что это «одна из самых действенных мер по перевоспитанию, в духе православия, местного духовенства, воссоединенного из унии». До 1863 г. в Виленском крае было открыто два женских духовных училища – Виленское и Паричское. Первоначально они создавались для начального обучения дочерей православного духовенства, которое, по мнению Синода, «давало своим детям очень скудное воспитание, либо воспитывало их в светских заведениях в чуждом духе» [1].

Восстание 1863–1864 гг. заставило власти и церковных иерархов не только поспешить с реализацией этих планов, но и изменить их, сообразуясь с задачами «русской» народной школы в крае. В середине ноября 1863 г. Синод утвердил «Устав училищ девиц духовного звания Западных епархий», за основу которого был взят устав Могилевского духовного училища. Эти заведения должны были не только воспитывать и давать образование дочерям местных священников в духе «истинного» православия, но и готовить учительниц приходских школ. В течение 1863–1864 гг. были открыты еще три женских духовных училища: Могилевское (1863 г.), Полоцкое (1864 г.) и Минское (1864 г.), которому виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев лично пожертвовал 900 руб.

В планы М.Н. Муравьева входило создание целой сети православных училищ при женских монастырях. Муравьев хотел разместить их в местностях с преобладанием католического населения, чтобы они выполняли не только образовательную, но и «миссионерскую» функцию. В частности, при Пинском монастыре в июле 1864 г. планировалось открыть училище на 20 казенных и 5 своекоштных воспитанниц с общим финансированием 2500 руб. в год. В Новогрудском уезде Минской губернии предполагалось создать два училища: в с. Вольна (годовой бюджет 460 руб.; 40 казенных и 10 своекоштных воспитанниц) и в с. Ятра [2; 2, д. 11, л. 2–3]. Православные женские училища края должны были находиться вдали от крупных городов, чтобы уберечь воспитанниц от соблазнов городской жизни. Отставка Муравьева помешала осуществлению этих планов.

Во второй половине XIX в. в России существовало два типа женских православных училищ: училища девиц духовного звания (с 1874 г. женские училища духовного ведомства) и епархиальные женские училища. Они создавались с одной и той же целью – дать образование дочерям православного духовенства, но управлялись и финансировались по-разному. Первые открывались на средства Синода и руководились Ведомством учреждений императрицы Марии. Епархиальные училища содержались за счет епархий и пользовались относительной самостоятельностью. Все женские духовные училища белорусских епархий подчинялись Мариинскому ведомству. Особняком стояло лишь Паричское духовное училище, открытое в сентябре 1860 г. (по другим сведениям – в 1861 г.) в Бобруйском уезде Минской губернии на деньги М.А. Пущиной, жены известного декабриста. Пущина содержала в училище 25 воспитанниц, еще девять человек обучалось на средства местного духовенства. В декабре 1876 г. Паричское училище было преобразовано в шестиклассное, и его управление также было передано Мариинскому ведомству [3].

Таким образом, к середине 70-х гг. XIX в. в белорусских епархиях действовало пять женских духовных училищ, где, по данным на 1 января 1874 г., обучалось 276 воспитанниц [4]. До начала XX в. в крае не появилось ни одного епархиального женского училища, хотя уже к 1881 г. в России именно они составляли три четверти всех женских православных училищ [5]. Такое положение объясняется тем, что к 80-м гг. Синод не избавился от определенного недоверия к своим белорусским единоверцам и не считал их носителями «истинного» православия. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что хотя женские духовные училища Российской империи были уравнены в правах с гимназиями еще в 1869 г., на училища белорусских епархий этот закон был распространен только в середине 80-х гг. (на Паричское – в 1890 г.) [6]. Поэтому в царствование Александра II белорусские женские духовные училища не получили права присваивать своим выпускницам звание домашних учительниц.

В царствование Александра III народная школа Северо-Западного края развивалась преимущественно как церковно-приходская школа. В этом контексте женские духовные училища края стали важнейшим кадровым источником. Не создавая новых, Св. Синод улучшил условия деятельности уже существовавших духовных училищ; открыл при них образцовые церковно-приходские школы для педагогической практики и значительно увеличил их финансирование. В Паричском и Минском училищах, например, с 1887 г. только суммы хозяйственных расходов возросли на 560 руб. в год, а количество своекоштных воспитанниц увеличилось на 30 человек в каждом [6, с. 391–392, № 4673]. При этом церковное ведомство, как и ранее, отдавало приоритет дочерям местного православного духовенства, прежде всего, детям-сиротам. Для них возможность бесплатного обучения была сохранена. В то же время для воспитанниц не духовного звания плата за обучение в белорусских духовных училищах возросла на 14–50% и к началу 90-х гг. достигла 75–130 руб. в год [5, с. 645].

За тридцать лет (с начала 60-х до начала 90-х гг. XIX в.) женские духовные училища белорусских епархий выпустили 12640 человек (3260 – Полоцкое, 2780 – Виленское, 2560 – Могилевское, 2340 – Минское и 1680 – Паричское) [1, с. 210]. Точное количество выпускниц, посвятивших себя педагогической деятельности в 60–70-х гг., неизвестно. Однако в 1877 г. выпускницы духовных училищ составили около 40% всех начальных учительниц Виленского округа [7]. В дальнейшем этот показатель медленно, но неуклонно рос, правда, в целом к началу XX в. доля учительниц в народной школе Виленского учебного округа (ВУО) оставалась значительно меньше, чем в других учебных округах России. (В Петербургском округе этот показатель составлял 62%, в Московском – 66%, а в Виленском был не выше 30%). Это дало повод ряду исследователей говорить о засилье семинаристов из внутренних губерний России в начальной школе Виленского округа [8].

На самом деле никакого «засилья» не было, и в белорусских губерниях позиция властей по поводу привлечения выпускниц местных духовных училищ в начальную школу совпадала с общей линией правительства. В 1882 г. «Журнал Министерства народного просвещения» писал, что «начальные учительницы, особенно из числа воспитанниц епархиальных училищ, зачастую предпочтительнее учителей, так как они более терпеливы и у них меньше выбор» [9]. Администрация ВУО рекомендовала дирекциям народных училищ придерживаться такой же позиции еще в 1874 г. [10].

По нашему мнению, главная причина относительной малочисленности учительниц в начальной школе Виленского округа заключалась в другом. В сельской местности ряда губерний округа для выпускниц православных духовных училищ морально-психологические и материальные условия работы по-прежнему оставались крайне неблагоприятными. Не случайно в 1896 г. Министерство народного просвещения (МНП) признавалось, что «условия жизнедеятельности русской школы в СЗК сильно отличаются от условий в Центральной России в силу явных и тайных происков врагов» [9, № 2, с. 138–139]. Например, в «католической» Ковенской губернии к концу XIX в. удалось открыть всего лишь шесть начальных приходских школ. При этом, как докладывала Ковенская дирекция народных училищ, настроенное ксендзами сельское население особенно враждебно относилось к женщинам-учительницам [9, № 4, с. 15–16]. Похожая картина наблюдалась и в «католических» уездах Виленской и Гродненской губерний. В этих губерниях только в уездах с православным и смешанным населением крестьяне соглашались посылать детей в церковные школы, но при условии, что рядом не было министерских училищ. Сами же местные власти считали, что успешное развитие «русской» школы в крае возможно только в случае передачи всех церковных школ МНП. Например, уездные предводители дворянства и мировые посредники Гродненской губернии видели участие православной церкви в народном просвещении, прежде всего, в привлечении к преподаванию не выпускниц духовных училищ, а священников, хорошо знакомых с сельским хозяйством [11].

Таким образом, в начале XX в. поле деятельности выпускниц белорусских духовных училищ в основном было ограничено Витебской, Могилевской и, частично, Минской губерниями, где православное население сочувственно относилось к церковной школе. Действовавшие в округе пять женских духовных училищ и открытое в 1900 г. трехклассное Виленское епархиальное женское училище (преобразовано из монастырского мариинского училища) были нацелены именно на подготовку начальных учительниц. Например, в 1899 г. сразу 35 выпускниц Полоцкого Спасо-Ефросиньевского училища (самого крупного в Виленском округе), выдержав четыре экзамена и два пробных урока в образцовой школе при училище, после уплаты 80 коп. гербового сбора, получили аттестат учительницы церковно-приходской школы [2, ф. 2612, оп. 1, д. 19, л. 21]. По 15–20 начальных учительниц ежегодно выпускали и другие белорусские женские училища. В дальнейшем их выпускницы могли работать и в министерских школах. К 1905 г. только в начальных церковных школах Виленского округа работало 169 выпускниц Могилевского духовного училища.

Однако скудное жалование (150–250 руб. в год в народной и до 300 руб. в церковно-приходской школе), тяжелые бытовые условия и произвол местных властей (в Витебской губернии известен случай, когда для получения денег учительницу заставили плясать) стали в начале XX в. причинами постоянного оттока кадров из начальных школ ВУО [12]. Из 140 учителей, работавших в белорусских двухклассных церковно-приходских школах в 1907 г., треть имели учительский стаж менее пяти лет, а в Могилевской губернии этот показатель достигал 40% [13]. Не меньшей была текучесть кадров и в начальных школах МНП. В Витеб-

ской губернии, например, только за 1902 г. из 276 народных учителей уволилось 30 человек [12, с. 40]. Поэтому все большее число выпускниц белорусских женских духовных училищ избирает более доходное и престижное занятие домашней учительницы. К началу XX в. они существенно потеснили воспитанниц женских гимназий, и на их долю приходилось более трети всех выдаваемых в Виленском округе свидетельств на право частного обучения [14–15].

Таким образом, правительство и администрация Виленского края рассматривали выпускниц белорусских духовных училищ, наряду с воспитанницами учительских семинарий, как наиболее благонадежных учителей для народной школы. К тому же труд женщин-педагогов оплачивался значительно ниже мужского, и власти были заинтересованы в них и из-за финансовых соображений. Ограниченное, по сравнению с другими округами, привлечение в народную школу Виленского округа учительниц объяснялось не противодействием местных властей и приходских священников, а тяжелыми бытовыми условиями и негативным отношением католического населения. В то же время до середины 80-х гг. XIX в. выпускницы белорусских духовных училищ были отстранены от частной педагогической практики из-за сословного подхода правительства к развитию женского педагогического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Преображенский Ив.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. – СПб., 1897. – С. 205–207.
2. *Национальный исторический архив Беларуси*, ф. 129, оп. 1, д. 6. Л. 1.9.
3. *Рубинштейн С.Ф.* Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 г. – Вильна, 1894. № 56502.
4. *Статистический временник Российской империи.* – Серия II. – Выпуск 16. – СПб., 1879. – С. 64–65.
5. *Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за время царствования имп. Александра III.* – СПб., 1901. – С. 642–643.
6. *Полное собрание законов Российской империи.* – Собрание 3-е. – Т. 10. – Отделение 1. – СПб., 1893. – С. 738, № 7197.
7. *Минкевич Р.* Народное образование в Виленском учебном округе // Вестник Европы, 1877. – Т. 4. – Кн. 7. – С. 312–313.
8. *Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі* / Пад рэд. *С.А. Умрэйкі.* – Мн., 1968. – С. 194.
9. *Журнал Министерства народного просвещения*, 1882, № 11. – С. 11–12.
10. *Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1874 г.*, № 8. – С. 422–433.
11. *Национальный исторический архив Беларуси в Гродно*, ф. 14, оп. 1, д. 458. Л. 6, 8, 15–16, 63, 68, 83.
12. *Самойлович И.А.* Экономическое значение народного образования. – Витебск, 1903. – С. 22.
13. *Исторический опыт развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909 гг.).* – СПб., 1910. – С. 74–75 прилож.
14. *Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1887 г.*, № 10. – С. 625–628.
15. *Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1894 г.*, № 8. – С. 476–482.

S U M M A R Y

Governmental approaches to training elementary school teachers in Belarusian provinces in the latter half of the 19th – at the beginning of the 20th century are considered in the article.

Поступила в редакцию 19.02.2004

Л.І. Смыкоўская

Цыкл 15 антыфонаў службы Святых Страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста па Жыровіцкім ірмалоі 1649 г.

У эпоху Адраджэння і ранняга барока важнае месца ў духоўнай культуры Беларусі, як і ўсяго ВКЛ, займала рукапісная кніга. Унікальныя помнікі пісьменства, культавай музыкі і кніжнага мастацтва ствараліся, як правіла, у манастырскіх або царкоўных скрыпторыях і выяўлялі акрэсленыя індывідуальныя рысы. Буйнымі культурнымі асяродкамі, дзе з пашырэннем кнігадруку працягвала існаваць рукапісная традыцыя, з'яўляліся манастыры ў Супраслі, Жыровіцах, Быцені, Вільні, Менску, Віцебску, Полацку, Смаленску [1–2]. Сярод кніг, якія былі створаны намаганнямі адукаванага манаства, асаблівай увагі заслугоўваюць ірмалоі. Гэты тып кнігі атрымаў сваю назву ад пачатковых вершаў канона – ірмосаў, але прадстаўляе сабой шматжанравы спеўны зборнік, які ўключыў спевы з розных богаслужбовых кніг візантыйскага абраду. Беларускія ірмалоі XVII стагоддзя, знаходзячыся ў плыні кніжнай культуры ВКЛ, развіваліся на грунце старажытнарускай натаванай кнігі і сінтэзавалі элементы заходнееўрапейскіх гімнаграфічных зборнікаў сярэднявечча і Адраджэння [3]. У вонкавым выглядзе і зместавым напаяўненні рукапісаў адлюстроўваліся як лакальныя, так і рэгіянальныя адметнасці [4].

У сувязі з тэксталагічным вывучэннем цыкла 15 антыфонаў службы Святых Страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста, звернемся да ірмалоя 1649 г., які быў створаны ў адным з буйнейшых асветніцкіх цэнтраў ВКЛ – Жыровіцах [5]. Ірмалой уяўляе сабой богаслужбовую кнігу з 413 аркушаў вялікага фармату (F^o=28–32 – 18–20 см). Тэкст напісаны паўуставам з элементамі скорпісу і ўпрыгожаны мініяцюрай (арк. 48 адв., Іаан Дамаскін), гравюрай (арк. 48 адв.), застаўкамі і ініцыяламі, выкананымі мастацкай пляцёнкай з раслінным арнаментам. Музыканы матэрыял прадстаўлены руска-кіеўскай квадратнай натацыяй¹. Ірмалой 1649 г. належыць да ноталінейных рукапісаў, якія ўтрымліваюць у сваім складзе песнапенні ютрані Страсной пятніцы.

Запісы на палях аркушаў ірмалоя паведамляюць дакладныя звесткі аб месцы і часе яго стварэння. На 2–15 аркушах почыркам, які, магчыма, належаў пералісчыку, зроблены запіс аб прынясенні гэтай кнігі ў дар цудатворнай іконе Маці Божай Жыровіцкай і царкве, закладзенай у гонар Небаўзяцця Дзевы Марыі. Ірмалой перадаваўся стваральнікам у апеку вялебных спадароў айцоў чыну Базыля Вялікага Святой Усяленскай Рымскай царквы «со узлом православья веры, неложныя любве, истиннаго послушания соединенных, сущей, ...». На 401 аркушы ўтрымліваецца дадатковы запіс, які вызначае час напісання кнігі: «ныне же настоящего лета 1649 г.». З пададзеных звестак вынікае, што песенны зборнік быў створаны ва уніяцкім Свята-Успенскім Жыровіцкім манастыры, які з 1613 г. належаў ордэну базыльянаў [6].

¹Гэта сістэма складалася ў эпоху Адраджэння праз сінтэз рускай крукавой натацыі і дзвюх разнавіднасцяў лацінскай – харальнай і мензуральнай [3, с. 56].

Вылучым адметнасці тэксту цыкла 15 антыфонаў Жыровіцкага ірмалоя на падставе кампартатыўнага аналізу з антыфонамі, прадстаўленымі ў першым ноталінейным зборніку 1598–1601 г. з Супрасльскага манастыра [7].

Асаблівасцю Жыровіцкага цыкла 15 антыфонаў з'яўляецца змена ў запісе літаратурнага тэксту. Пераход богаслужбовых спеваў ад асобнамоўя да новага правамоўя (новаго істинноречия) [8] меў на мэце скасаванне хаманіі і абумовіў колькасную змену распявальных складоў. Гэта пэўным чынам адбілася на меладычным і рытмічным малюнку песнапенняў. Меладычныя радкі некаторых трапароў чацвёртага, пятага, шостага, сёмага і пятнаццатага антыфонаў набылі, пераважна ў цэнтральнай частцы і напрыканцы, больш простых абрысы. Так, у першым трапары шостага антыфона песеннага паследвання з Супрасльскага ірмалоя слова «ДЕНЕСЕ» распяваецца радком 1, які ўтрымлівае 63 гукі. У жыровіцкім зборніку словы «ДНЕСЬ ДНЕСЬ» распеты радком 1 з 39 гукі. Аднак істотных перамен у змесце меладычных формул не адбылося. Песнапенні Жыровіцкага цыкла асноўваюцца на адпаведных гласам папеўках, аналагічна антыфонам Супрасльскага ірмалоя.

Літаратурны тэкст песеннага паследвання Жыровіцкага зборніка ўтрымлівае знакі прыпынку – коскі і кропкі. Гэта значна палягчае ўспрыняцце гімнаграфічнага зместу і ўдакладняе будову меладычных радкоў пры вывучэнні помніка.

Нельга не заўважыць, што песнапенні ютрані Страсной пятніцы, выпісаныя ў ірмалой 1649 г. пад загаловам «СЛУЖБА С(ВЯ)Т(Ы)Х СТРАСТЕЙ Г(ОСПАД)А НА(Ш)ЕГО ІС(У)С(А) Х(РИСТ)А», напалову меншыя па аб'ёме. На тэкставае скарачэнне цыкла ў некаторай ступені паўплывала купюра багародзічна ў шостым антыфоне. Перапісчык падае назву песнапення – «ОУМИРИ МОЛИТВАМИ» і нумар аркуша, дзе можна знайсці яго змест.

Але грунтоўнай падставай змяшчэння аб'ёму антыфонаў стаў музычны матэрыял. На нотным стане Жыровіцкага цыкла знаходзяцца знакі фіты, а таксама адмысловыя абазначэнні яе паўтору (рысунак).

Рысунак

Пад знакам фіты ў антыфонах прадстаўлены чатыры розныя па змесце радкі, якія ў першым правядзенні ў большасці выпадкаў выпісваюцца цалкам. Пры чарговым з'яўленні таго ці іншага радка-фіты пачатковымі нотамі акрэсліваецца яго змест і выстаўляецца знак паўтору, пасля якога дадзеная фітняя формула ў тэксце пралускаецца. (Відавочна, што перапісчык спалучаў лаканічнасць безлінейнай і дакладнасць ноталінейнай сістэм).

Скарачэнням запісу жыровіцкага варыянта ў Супрасльскім песенным паследванні адпавядаюць поўнасцю выпісаныя меладычныя радкі без знака фіты. Адсутнасць апошняга становіцца зразумелай, калі мець на ўвазе, што Супрасльскі ірмалой 1598–1601 г. прадстаўляў прынцыпова іншую сістэму запісу ў параўнанні з безлінейнай натацыяй, да элементаў якой і адносіцца фіта.

У жыровіцкім тэксце знакам фіты (Ф1) пазначаны радок 7 другога антыфона, які, аналагічна радку 7 з гэтага ж антыфона ў Супрасльскім ірмалой 1598–1601 г., пяць разоў спяваецца ў антыфоне шостага гласа, пасля чаго выконваецца і ў антыфонах іншых гласаў. Прыцягвае ўвагу яго фіксацыя ў шостым антыфоне сёмага гласа. У трэцім трапары пасля радка са словамі «ВОСТАНИТЕ МОЛИТЕСЯ» з'яўляецца абазначэнне «f», за якім поўнасцю пішацца змест формулы Ф1 і ў канцы ставіцца люстэркавы адбітак новага знака. У чацвёртым трапары паміж сіметрычнай выявай гэтага ж абазначэння, як і ў выпадках са знакамі фіты і яе паўторам, знаходзяцца толькі пачатковыя ноты меладычнага радка Ф1. Абазначэнні «f» і яго люстэркавы адбітак выконваюць у тэксце тую ж ролю, што і спалучэнне знакаў фіты і яе паўтора (рысунак), але графічная змена, магчыма, надавала дадатковыя якасці.

Новая фітная формула (Ф2) выпісана ў шостым антыфоне. Яна завяршае строфы А, А1, В і В1 у варыянтным спалучэнні з амаль нязменным колам меладычных радкоў: у страфе А – $6+\Phi 2+4+2^{***}$, А1 – $6A+\Phi 2+4B$, В – $6A+\Phi 2+3Г+4+12+2^{***}$, В1 – $6A+\Phi 2+4+2^{***}$. Фіта Ф2 гучыць толькі ў шостым антыфоне.

Трэці меладычны радок са знакам фіты ўпершыню з'яўляецца ў першым трапары сёмага антыфона. Пасля м. р. 2 са словамі «СИ ЦЕ ВОГИЯШЕ ГОСПОДИ» знаходзяцца чатыры ноты і знак фіты. Яго змест выпісваецца цалкам не пры першым правядзенні, а пры трэцім, у другім трапары дванаццатага антыфона. Формула Ф3, як і Ф1, выкарыстоўваецца ў антыфонах розных гласаў.

У першым трапары сёмага антыфона знаходзіцца і чацвёрты меладычны радок – фіта (Ф4). Але тут ён не пазначаны. Вартасць фітнай формулы зафіксавана пазней – у трэцім трапары дванаццатага антыфона. Пасля знака фіты радок другі раз у песенным паследванні прадстаўлены цалкам.

Спосаб прымянення знака фіты ў жыровіцкім песенным паследванні паказвае, што ён выконвае ў ноталінейным рукапісе функцыю скарачэння запісу і не падлягае цвёрдай сістэме пры выкарыстанні. Яго наяўнасць ўскосна сведчыць аб існаванні ў спеўным уніяцкім асяродку старажытнай практыкі завучвання фітных формул «з вуснаў».

Знак фіты ў нотным тэксце жыровіцкага цыкла выклікаў з'яўленне адмысловых абазначэнняў паўтора. У Супрасльскім ірмалой 1598 – 1601 г. у трэцім антыфоне прысутнічае блізікі па значэнні знак у выглядзе вертыкальнай лініі з кропкамі па абодвух баках, але сфера яго ўжывання абмежавана: ён паказвае паўтарэнне меладычнага радка 4 «БЕЗАКОНЕННЫЙ ЖЕ ИЮДА НЕ ВОСХОТЕЛ РАЗУМЕТИ».

Адметнасцю нотазапісу песнапенняў службы «Святых Страсцей» з'яўляецца вызначэнне гукавысотнай сферы. Увесь жыровіцкі цыкл прадстаўлены ў сапранавым ключы з характэрнымі радкамі са зменай ключа ў мецца-сапранавым, а ў супрасльскім цыкле 1–4, 6–8, 11–14 антыфоны выпісаны ў сапранавым ключы; 5 і 9 – у альтовым, дзе ў 5 антыфоне радок другога трапара «ЕГДА КТО МЕНЕ ОТОВЕРЖЕТЕСЯ», радок трэцяга трапара «МАТЕРЕСКИ КРЫЧАШЕ» і радок багародзічна «ЗИЖДИТЕЛЯ СВОЕГО» – у альтовым з бемолем; 10 антыфон – амаль увесь у сапранавым, за выключэннем меладычнага радка першага трапара «ТОГДА И КАТАПЕТАЗМА ЦЕРКОВЕНАЯ РАСПАДЕСЯ», перад якім пастаўлены альтовы ключ з бемолем, і радка з багародзічна «ХРИСТА БОГА НАШЕГО» ў мецца-сапранавым ключы,

15 антыфонаў – у сапранавым, за выключэннем радка першага трапара «СВОБОДИВЫЙ АДАМА», запісанага ў мецца-сапранавым.

Тэксталагічныя адметнасці ірмалоя 1649 г. сведчаць аб новым этапе бытавання цыкла 15 антыфонаў службы Святых Страсцей у спеўнай практыцы грэка-католікаў і ў пэўнай ступені вызначаюць вектар яе развіцця:

1. Літаратурны тэкст Жыровіцкага песеннага паследвання 15 антыфонаў 1649 года падлягае перапрацоўцы з мэтай перакладу на правамоўе.

2. Нотны запіс набывае унікальнае графічнае афармленне праз увядзенне знакаў фіты, яе паўтора і сукупнасці знакаў – «f» і яго люстэркавага адбітку, што сведчыць аб інтэнсіўнай музычна-тэарэтычнай дзейнасці жыровіцкіх распеўшчыкаў і іх імкненні захоўваць і развіваць традыцыйную праваслаўную абраднасць.

3. Музычны тэкст выяўляе спецыфічнае ўвасабленне сакральнага вобраза: некаторае спрашчэнне меладычных радкоў, змяншэнне амбітусу распявання і адметную тэмбравую афарбоўку антыфонаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Саверчанка І.* Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока. – Мн., 1998. – С. 18–25.
2. *Живописная Россия:* Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Мн., 1993. – С. 19–37.
3. *Ясіновський Ю.* Українські та білоруські нотолінійні Ірмалой 16–18 століть: Каталог і кодикологічна-палеографічне досліджэння. – Львів, 1996. – С. 33–57.
4. *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. – Вильна, 1882. – С. 39.
5. *Ірмалой 1649 г.* – Нацыянальная бібліятэка Украіны ім. В.І. Вярнадскага, I, 3367.
6. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі:* У 6 т. – Т. 3. – Мн., 1996. – С. 385.
7. *Ірмалой 1598–1601 гг.* – НБУ ім. В.І. Вярнадскага, I, 5391.
8. *Финдейзен Н.Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Вып. 1. – М.-Л., 1928. – С. 90–92.

S U M M A R Y

The article based on the comparative analysis touches upon the graphic peculiarities of inscribing of the Holly Sufferings of Jesus Christ in musical relics of musical culture of Belarus – the Supraslski (1598–1601) and Zhyrovicki (1649) irmalois. The peculiarity of text dated 1649 reveals the intensity of the musical-theoretical activities and the intension to preserve the tradition of the particular period.

Поступила в редакцию 3.02.2004

УДК 338.5

В.П. Цандо, П.Н. Цандо

Издержки производства: их экономическая природа и критерии классификации

История развития человеческого общества свидетельствует о том, что проблеме издержек, их экономической природе и сущности давно уделяется внимание. Это нашло отражение в различных концепциях издержек производства (стоимости).

Анализ показывает, что исследованию издержек производства в их количественной и качественной определенности посвящено немало работ ученых-экономистов. Ими разработан ряд ценных теоретических положений и выводов о сущности, их роли и месте среди экономических категорий и законов. Стало больше проводиться экономических исследований по вопросам исчисления и анализа себестоимости продукции, учета и калькулирования, минимизации затрат на производство, выбора альтернативных вариантов использования ресурсов с учетом их относительной ограниченности и т.д. По этим проблемам периодически ведутся дискуссии, делаются публикации и т.д.

Однако из-за ряда причин, особенно когда в нашей стране долгое время недооценивалась роль товарно-денежных отношений, недостаточно исследованы многие вопросы, связанные с категориями затрат, издержек производства, себестоимости и стоимости.

Считаем, что микро-, макро- и метаэкономический анализ приобретут новое качественное содержание и обогатятся лишь в многообразии подходов и концепций, в том числе и по изучаемой нами проблеме. Только глубоко и всесторонне вникнув в экономическую сущность издержек можно разработать научно обоснованную систему организации и управления производством, планирования, учета и калькулирования затрат на выпуск и реализацию продукции, определить основные направления и методы их анализа для обеспечения оптимального выбора и рационального использования ограниченных ресурсов в целях эффективного производства благ и удовлетворения постоянно возрастающих человеческих потребностей. В то же время полагаем, что экономический анализ и оценка всех экономических взглядов и теорий должны проводиться с точки зрения интересов общественного прогресса, каждого человека, а потому базироваться на объективной научной основе.

Изучение данной проблемы показывает, что в экономической литературе имеется еще немало противоречивых предложений, которые подчас идут в разрез с существующей практикой учета, калькулирования и анализа издержек производства, а также экономикой организации и управления (менеджмента) на микро-, мезо- и макроуровне. Многочисленность и противоречивость многих точек зрения по этим вопросам объясняется прежде всего тем, что нет еще достаточной ясности в самой теории, природе издержек производства, стоимости (ценности) благ, особенно в специфике их проявления в переходной экономике. В научно-теоретических исследованиях и на практике долгое время применялся миниподход к исследованию издержек. Они, как

правило, рассматривались только с посылок трудовой теории стоимости и в первую очередь марксистского направления. В то же время ряд концепций (например, теория «предельной полезности» (маржинализм), получивший мировое распространение, оставался неизвестным для абсолютного большинства наших экономических агентов. Их изучение ограничивалось критикой так называемых «антимарксистских экономических теорий», то есть велось не по первоисточникам, а по отдельным цитатам, не раскрывающим сути рассматриваемых проблем. В экономической науке и литературе до сих пор нет единого мнения и ведутся дискуссии по трактовке содержания самих понятий: «затраты», «издержки производства», «стоимость» и «себестоимость». Порой эти категории, особенно на практике, отождествляются, рассматриваются и используются как тождественные понятия, синонимы. В то же время ряд исследователей, экономистов видит в них существенные различия, но по-разному рассматривает их экономическое содержание и предназначение. Так, в учебнике для вузов «Экономическая теория» под редакцией докторов экономических наук, профессоров А.И. Добрынина и Л.С. Тарасевича отмечается, что следует различать понятия «затраты» (inputs) и «издержки» (costs). Это, по их мнению, связано с различием соответственно расходуемых на производство ресурсов (материальных, природных, энергетических, трудовых, информационных и пр.) и их стоимостной оценки. При этом издержки ими рассматриваются не просто как затраты, а затраты ресурсов, принявшие на рынке стоимостную форму. Издержками они называют денежное выражение использования производственных ресурсов, в результате которого осуществляется производство и реализация продукции [1]. Как видно, они рассматривают издержки как категорию историческую (стоимостную), то есть проявляющуюся и функционирующую в условиях товарно-денежных отношений.

Нами разделяется точка зрения, что издержки производства как затраты человеческого труда вообще присущи любой общественно-экономической формации (экономической системе). «Рабочее время, – писал К. Маркс, – даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства» [2]. Они, как известно, по трудовой теории стоимости (марксистской трактовке) могут отражаться (измеряться) во времени (например, в человеко-днях, -часах и т.д.). В условиях товарного производства и рыночных отношений, безусловно, их целесообразно измерять в стоимостном выражении, в том числе и в денежном.

Категории «стоимость» и «себестоимость», являясь синтетическими понятиями, характеризуют качество работы по производству благ соответственно их предназначению на уровне общества (макроуровне) и предприятий и объединений (микроуровне). Они присущи и используются только в условиях товарного (рыночного) производства. При этом измеряются, как правило, в денежном выражении (единицах), хотя на практике могут косвенно характеризоваться во времени (человекоднях, -часах и т.д.).

Нам представляется, что экономическую природу, содержание издержек производства и стоимости (ценности) благ необходимо исследовать с учетом разнообразных подходов к трансформации экономических систем (например, формационного и цивилизационного), экономической культуры, философии исследования (материалистической диалектики или метафизики, позитивного или нормативного методов, первенства человеческих потребностей или материального производства, эгоистических (личных) или общественных интересов, сферы производства или обмена и т.д.). При этом надо исходить из того, что корни всякой экономической теории, включая издержки производства и обмена, лежат в реальных экономических отношениях и в развивающихся

на их основе противоречиях, закономерностях и особенностях экономических систем. Однако при изучении экономической природы издержек производства и обмена нельзя ограничиваться лишь крупными эпохами, соответствующими общественно-экономическими формациями (при формационном подходе) или экономическими системами (при цивилизационном). Необходимо различать и учитывать также и наиболее существенные этапы в развитии каждой формации (системы), т.е. периоды их становления, развитого их состояния и периода их разложения. На микроуровне это четко прослеживается и подтверждается фазами типичного жизненного цикла продукции (от разработки, выхода, роста, зрелости, насыщения и до затухания). Поскольку в практической работе по переходу к рыночным отношениям усиливаются взаимосвязи и взаимозависимости производства – потребления, то следует лучше учитывать и каждую отдельно взятую потребность, ибо она имеет свой закон распределения во времени, в том числе и период жизни (спады и подъемы). Это имеет существенное значение для рационального использования ограниченных ресурсов и обеспечения экономической организации производства и обмена при наименьших затратах и большей чистой выгоде.

Известно, что «экономика» вырастает из производства, которое обеспечивает его материальную основу. Поэтому, на наш взгляд, вполне оправдано исследовать экономическую природу, содержание издержек производства и обмена в комплексе со всеми элементами процесса общественного воспроизводства. На каждой его фазе (ступени) надо учитывать не только уровень и характер развития производительных сил, но и производственных отношений (особенно отношений собственности). Считаем, что от них в определяющей мере зависит социально-экономическое содержание издержек, их составные элементы и структура. Однако необходимо учитывать и то, что в современном, новом технологическом (информационном) способе производства под влиянием НТР качественно преобразился не только уровень и характер самого способа производства, но и существенно изменилось положение и функции работника как его субъекта. Он все больше выводится из непосредственного производства, становится рядом с ним, контролирует и регулирует его. Массовый интеллектуальный труд требует приоритета личности работника, восстанавливает доминирование работника над средствами производства. Безусловно, все это влечет за собой уменьшение экономической значимости отношений собственности на средства производства, повышение роли интеллектуальной собственности и нематериального производства, но далеко не разрешает многие вопросы общественной организации и функционирования производства. Является очевидным, что этого не смогли обеспечить полностью ни технологическое объединение и технологическое подчинение работников (замена внеэкономического принуждения экономическим), ни восстановленное утраченное господство работника над средствами производства. Необходимо в процессе общественного производства отходить от анархии и разрушительной конкуренции, влияние которых можно и нужно нейтрализовать путем уменьшения не только технологической зависимости работника от средств производства, но и реального устранения его социальной зависимости от собственника средств производства. Это в лучшую сторону изменит природу и содержание затрат труда: необходимого и прибавочного, особенно источников их образования, живого (непосредственного) и овеществленного (прошлого), индивидуального и общественно необходимого и т.п.

Полагаем, что для выявления определенных черт механизма затрат и обеспечения его эффективного функционирования необходимо издержки предприятия охарактеризовать и классифицировать с разных точек зрения, критериев (оценок).

С позиции социально-экономических отношений целесообразно делить их на издержки общества (полные, действительные) и издержки предприятия (индивидуальные). К. Маркс отмечал, что действительные (имманентные, то есть внутренне присущие) издержки производства товара ($W=c+v+m$) зависят только от производительной силы товара и в этом смысле равны стоимости товара. Он писал: «Это определение издержек производства, имманентных издержек производства товара, равных его стоимости, то есть равных требующейся для производства товара общей суммы рабочего времени (овеществленного и непосредственного), выражает основное условие производства товара...» [2, с. 78]. Как видно, действительные (полные) издержки проявляются (выступают) в качестве наиболее абстрактного, общего понятия издержек производства и показывают, во что обходится изготовление товара для общества. Они в условиях рыночных отношений выражаются в совокупной стоимости потребленных средств производства и вновь созданной стоимости, а внешне выступают как цена (их денежная форма). При этом следует видеть и различия, которые имеются между этими категориями. К. Маркс писал, что стоимость товара существует лишь в определенных исторических условиях (товарно-денежных – авт.), а затраты труда на производство продуктов будут существовать вечно. Исходя из такого подхода, правомерно понимать под действительными (полными) издержками производства совокупность всех затрат живого и овеществленного труда на выпуск нужной обществу продукции при общественно нормальных условиях ее производства. Определяя меры удешевления себестоимости продукции, повышения производительности труда, необходимо прежде всего учитывать, что должно происходить уменьшение в общей сумме затрат доли живого труда (оплата труда) и увеличение доли прошлого труда (материальные затраты). Но доля последнего должна увеличиваться так, чтобы общая сумма труда, заключенного в товаре, уменьшалась, т.е. количество живого труда призвано уменьшаться больше, чем увеличивается количество овеществленного труда.

Индивидуальные издержки производства конкретного предприятия необходимо рассматривать как обособившуюся часть действительных (постоянных) издержек. Это обособление предполагает сам процесс производства. Деление труда работников на необходимое и прибавочное рабочее время, труда на себя и общество (работодателя), а соответственно созданного продукта на необходимый и прибавочный, показывает, что сам характер, социально-экономическая природа, элементы издержек проявляются по-разному, порой противоречиво. В состав действительных издержек производства затраты живого труда входят полностью, а в себестоимости продукции они учитываются лишь в части доли труда на себя (создание необходимого продукта). Следовательно, издержки производства предприятия представляют собой результат воспроизводственного процесса и отражают его денежные затраты на потребленные в производстве средства производства и выплату заработной платы. Согласно марксистской концепции, они показывают, что стоит товар работодателю, а именно: выступают как сумма расходов на приобретенные средства производства и рабочую силу (постоянного (c) и переменного (v) капитала). Такое разграничение издержек производства на затраты труда и капитала, как видно, является одним из исходных принципов марксистского анализа процесса капиталистического воспроизводства. По нашему мнению, он не теряет своей значимости и актуальности в условиях нынешнего рыночного хозяйства, особенно при экономической организации производства, соизмерении его результатов и затрат.

Как показывают исследования этой проблемы, именно с момента отождествления или разграничения понятий «издержки производства» и «себестои-

мость», а также выяснения вопроса о целесообразности и законности включения в себестоимость элементов чистого дохода (прибавочного продукта) и начинаются все разногласия, споры экономистов. Нам представляется, что индивидуальные издержки производства и себестоимость понятия не тождественные. Себестоимость – это не конституирующая, а, особившаяся часть стоимости, выражающая в денежной форме затраты предприятия на потребленные средства производства и воспроизводство рабочей силы ($c+v$). Она, на наш взгляд, должна включать в себя и отдельные элементы чистого дохода и часть издержек обращения (дополнительных). Индивидуальные издержки производства – это более глубинная категория. Они лишь опосредуют себя в себестоимости, которая является «поверхностной» формой их отображения. Необходимо учитывать и то, что однородные затраты (c – потребляемые средства производства; v – расходы на воспроизводство рабочей силы) в категориях стоимости и себестоимости имеют то же лишь поверхностное сходство. В первом случае оценка средств производства осуществляется по их стоимости, а во втором – по цене потребления или фактически сложившейся себестоимости. Кроме того, если в себестоимости, категории предприятия, v – выражает его затраты на воспроизводство рабочей силы, то в категории стоимости характеризует все расходы общества на эти цели, в том числе и на формирование социальных (общественных) фондов потребления. Таким образом, в связи с обособлением, превращением себестоимости в самостоятельную категорию, в которой каждый элемент резко отличается не только в количественном, но и в качественном отношении от элементов, конституирующих стоимость, методологически правильно будет эти особенности учитывать в процессе их формирования, сравнительного анализа и организации общественного производства.

Глубокое изучение природы состава и характера издержек производства предполагает тщательный учет и анализ весьма разнообразных по содержанию затрат. Они, отражая сложный процесс взаимодействия различных производственных условий и факторов, во многом не только характеризуют многообразную производственно-экономическую деятельность, но и позволяют вскрывать дополнительные резервы и возможности эффективности их работы, улучшения уровня и качества жизни людей. Придерживаемся мнения, что для научно обоснованной классификации производственных затрат на конкретном предприятии (производстве) необходимо четко определить технологические границы производственного процесса. Считаем целесообразно их классифицировать в зависимости от стадий кругооборота и сферы хозяйственной деятельности, где они производятся. Следовательно, все затраты надо классифицировать в зависимости от сферы их функционирования по следующим группам: затраты на производственной стадии кругооборота, затраты в сфере обращения, капитального строительства, культурного и бытового обслуживания, затраты в сфере управления и т.д.

Каждая из перечисленных групп затрат имеет различное экономическое содержание, свои границы, технологические особенности и требует специального исследования. В затратах предприятия необходимо выделить две категории – капитальные и текущие. Капитальные затраты, именуемые чаще капитальными вложениями, связаны с формированием основных фондов (активов), с их воспроизводством. Они имеют концентрированный во времени характер, и для их осуществления используется основной капитал, прибыль и заемные средства. Текущие затраты осуществляются монотонно, проявляются систематически, а источником их формирования являются оборотные активы предприятия, средства, получаемые в результате реализации продукции.

Необходимо иметь в виду и то, что уровень и виды издержек предприятия объективно определяются характером хозяйственной деятельности, ее масштабами. Наряду с этим существенную роль играют организационный, технический, человеческий, природный и другие факторы. Практика показывает, что одну и ту же продукцию можно произвести в разных организационных условиях, с разной степенью технического оснащения и механизма труда. В силу личностных характеристик человек может в разные периоды неодинаково реализовать свой профессиональный и физический потенциал. Природные факторы оказывают влияние на характер протекания производственных процессов и уровень достигаемых результатов не только по признаку географического расположения предприятия, но и в связи с погодными условиями. Возникают различия в необходимости отопления, освещения производственных зданий или территорий. Производственные процессы, осуществляемые на открытых площадках или в помещениях, требуют разных затрат в зависимости от состояния погоды, сезона года. Из этого следует, что уровень издержек формируется в определенной мере объективно. Однако он зависит от действий субъекта предпринимательства, состоящих в обеспечении рачительного хозяйствования.

Немаловажно также учитывать и то, что затраты, связанные с производством и реализацией продукции, разнообразны по своему проявлению. В их числе выделяются непосредственные затраты на производство в соответствии с его организационными и технологическими характеристиками (основные и накладные), на осуществление управления производственными и сопутствующими процессами, на обслуживающие процессы. Производственный процесс требует затрат на разработку новой продукции, изобретательскую и рационализаторскую работу, совершенствование используемой техники и технологии, обеспечение техники безопасности, условий труда в соответствии с нормальными требованиями. Затраты проявляются в виде расходов по подготовке и переподготовке персонала, отчислений средств на пенсионное обеспечение, социальное страхование, в фонд занятости населения и т.п.

Заслуживают внимания для использования в отечественной теории и практике так называемые бухгалтерский и экономический подходы к определению издержек производства, которые широко используются во многих странах мира. При помощи бухгалтерских издержек следует учитывать фактический расход факторов производства для изготовления определенного количества продукции по ценам их приобретения. А экономическое понимание издержек производства должно основываться на факте редкости (ограниченности) ресурсов и их альтернативного использования. Поэтому необходимо иметь в виду, что экономические (альтернативные) издержки любого ресурса, выбранного для производства товара, равны его стоимости при наилучшем из всех возможных вариантов использования. Эта стоимость не может быть уменьшена волевым актом предпринимателя. Она как бы вменена (приписана) ему по обязательности наиболее рационального использования ресурса по максимальной ценности, получение которой мог бы обеспечить данный ресурс. То есть это не действительно состоявшийся расход ресурсов, а потенциальная потеря тех товаров, которые могли бы быть произведены из примененных ресурсов. Следовательно, принимая то или иное производственное решение и оценивая действительные затраты, надо рассматривать их как затраты упущенных (утраченных) возможностей (opportunity costs). При этом надо учитывать то, что плата за удовлетворение потребности, утраченная полезность, может выражаться в денежной форме, в количестве товара, в величине времени.

Экономические издержки, в свою очередь, могут быть явными (денежными) или неявными (имплицитными или вмененными). Явные (*explicit costs*) связаны с приобретением ресурсов на стороне. Это альтернативные издержки, которые принимают форму явных денежных платежей поставщикам факторов производства и промежуточных изделий. Неявные (*implicit costs*) – это альтернативные издержки использования ресурсов, принадлежащих владельцам фирмы (или собственности фирмы как юридического лица), которые недополучены в обмен на явные (денежные) платежи. Таким образом, следует различать издержки явные (фактические), которые обычно выражаются в деньгах, и неявные, которые лишь начисляются на эксплуатационные работы фирмы.

При использовании теории «факторов производства» стоимость должна исследоваться как слагаемое из доходов, полученных их собственниками. В ее основе лежит утверждение, что все факторы (труд, земля, капитал, предпринимательство) участвуют в создании стоимости («классическая» теория признает приоритет за трудом, а марксистская – только за трудом). Надо учитывать, что сочетание, варьирование и зависимость между факторами производства можно выразить производственной функцией (карты изоквант), а также используя субъективную теорию альтернативных издержек.

Считаем, что важным и полезным для экономического анализа является деление издержек по отношению к объему производства на постоянные и переменные. Такое разграничение логически вытекает из подразделения факторов производства на постоянные и переменные, которое имеет место только в краткосрочном периоде. Следовательно, поскольку в длительном периоде все факторы являются переменными, то поэтому и все виды издержек являются переменными. Постоянные издержки (*fixed costs*) – это такие издержки, которые фирма несет в течение короткого периода своей деятельности, и их сумма не зависит непосредственно от величины и структуры производства и реализации, т.е. не изменяются или слабо изменяются (условно-постоянные). При их формировании особое внимание надо обращать на амортизационные отчисления, оплату обслуживающего персонала, страхование, рекламу, платежи за кредит и т.д. Переменные издержки (*variable costs*) – затраты на производство (например, на заработную плату, производственные работы, топливо, энергию, транспортные услуги и т.д.), зависящие от объема выпускаемой продукции и услуг, т.е. они изменяются пропорционально его изменению.

В процессе анализа надо обращать внимание на то, что по маржиналистской экономической теории стоимость (ценность) блага определяется величиной его предельной полезности, то есть субъективной оценкой индивидом последней единицы того или иного блага. Как видно, здесь исходным является отношение человека к вещи, его субъективная оценка ее полезности (у К. Маркса – полезность (потребительная стоимость) – свойство вещи...). При этом не должно быть незамеченным и то обстоятельство, что не всякая полезность дополнительной единицы товара является предельной полезностью, а только наименьшая: «не всякое «дополнительное» является «предельным», но всякое «предельное» есть «дополнительное». То есть только сопоставив доходы и расходы можно обнаружить превращение «дополнительного» в «предельное». Предельные издержки (*marginal costs*) – надо рассматривать как затраты, вызываемые увеличением объема продукции на одну единицу. Здесь речь идет об экономическом пределе, так как дополнительные ресурсы сами по себе способны произвести дополнительную продукцию. Однако она становится экономически невыгодной, так как расходы начинают превышать доходы.

Кроме того, при учете и анализе издержек предприятий пристальное внимание следует обращать на их классификацию на виды по следующим при-

знакам: а) по экономическим элементам на: материальные затраты (за вычетом стоимости возвратных отходов); затраты на оплату труда; отчисления на социальные нужды; амортизация основных фондов и прочие затраты; б) по статьям себестоимости – статьи калькуляции себестоимости (установлен их типовой перечень с учетом специфики предприятий); в) по способу отнесения на себестоимость отдельных видов продукции: прямые, косвенные; г) по участию в процессе производства: производственные, внепроизводственные, (коммерческие); д) по целесообразности расходов: производительные и непроизводительные (брак продукции, потеря от простоев, оплата сверхурочных работ и т.п.).

Таким образом, можно в целом сделать вывод, что затраты – это «жертва» ценностью определенных ресурсов для получения положительного результата в будущем. В условиях рыночных отношений издержки (затраты) производства – это представленная в денежной форме величина ресурсов (факторов производства), использованных для получения некоторых полезных результатов. Полный научно обоснованный учет и анализ будет способствовать их рациональному использованию, снижению себестоимости продукции, повышению эффективности работы предприятий (доходы/расходы), уровня и качества жизни наших людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Экономическая теория*. Учебник для вузов / Под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича. – СПб., 1999.
2. *Маркс К. Теория прибавочной стоимости* / Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 26, ч. III. – С. 265.

S U M M A R Y

In the article «Production costs: their economical nature and classification criteria» (by P. TSANDA, V. TSANDA) in an accessible form the main problems and the ways to solve them are stated taking into account different conceptions (Marxist, neoclassical, etc.).

Поступила в редакцию 14.04.2004

УДК 343.973

М.Г. Жук

Криминалистическая стратегия экономической безопасности государства

Проблемы криминалистического обеспечения экономической безопасности, сформулированные в «Модели обеспечения экономической безопасности» М.В. Мясниковичем и В.В. Пузиковым [1], вызвали адекватную форму криминалистического реагирования на экономическую проблемную ситуацию в плане развития потенциально возможной криминалистики экономической безопасности.

Идея модели экономической безопасности Республики Беларусь «детонирует» необходимость оправданной дифференциации «материнской» классической криминалистики с добавлением к ней криминалистических новообра-

зований, интегрированных и дочерних форм криминалистики: криминалистика экономической безопасности (в широком смысле); банковская криминалистика; таможенная криминалистика; налоговая криминалистика; антикоррупционная криминалистика.

При этом «материнская» классическая криминалистика сохраняется в полном объеме, но к ней «подключаются» новые, усиленные методологические и методические «дочерние» и ранее названные криминалистики, которые, как криминалистическая «гвардия», принимают на себя основную ответственность за многочисленное и полифункциональное противостояние профессионально организованной экономической преступности. Эта идея была инициирована Г.А. Зориным и декларирована на ряде конференций в России и Белоруссии. Он мотивировал эту позицию следующим образом:

«Если исходить из тезиса, что криминалистика отражает всю палитру жизненных отношений, то можно осознать острую необходимость дифференциации криминалистики как отрасли науки. Правовая наука интенсивно дифференцируется. Уже заняли законное место отрасли права: таможенное, налоговое, космическое, хозяйственное, но вместе с ними рождаются отношения криминогенного характера, которые воспринимаются наукой криминалистикой как необходимость создания методики расследования отдельных видов преступлений» [2].

Разноплановые нарушения в сфере банковской деятельности породили значительное число новых преступлений: «отмывание грязных денег», «бегство» капиталов за границу, криминальное использование оффшорных зон, мошенничество и хищения в банковской сфере, фиктивные банкротства, выдача заранее невозвратных кредитов, преступные операции в сфере страхования и т.д. Если добавить операции с ценными бумагами и фальшивомонетничество на фоне феномена «теневой экономики», то получается весьма сложная пирамида, состоящая из комплекса переплетаемых между собой элементов, которую можно назвать «банковской криминалистикой».

Следование принципу экономической безопасности позволяет государству создать условия для обеспечения конкурентоспособности на внешних и внутренних рынках, что служит гарантом устойчивости от различного рода угроз и потерь.

«Экономическая безопасность – это устойчивое состояние национальной экономики, при котором она способна обеспечить:

а) технологическую самостоятельность и неуязвимость страны от внешних и внутренних угроз и влияний;

б) защиту интересов на внутреннем и внешнем рынках, вне зависимости от изменения тактических целей государства и соответствующей им трансформации внутренних и внешних угроз и влияний;

в) эффективное удовлетворение общественных потребностей при условии сохранения социально-политической и военной безопасности государства» [3].

Для обеспечения экономической безопасности страны необходимо использовать все средства государственной политики и все институты, участвующие в ее выработке и реализации. В систему обеспечения экономической безопасности могут входить соответствующие государственные органы, которые в меру своей компетенции обеспечивают экономическую безопасность.

Стратегия криминалистического обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь – это криминалистическая деятельность субъектов обеспечения экономической безопасности, направленная на защиту экономических интересов Республики Беларусь, осуществляемая посредством:

– разработки, реализации и контроля криминалистической стратегии, тактики, методики, методологии;

– выполнения социально-экономических, научно-технических, экспертно-криминалистических практических мер, а также стратегических и организационно-тактических технологий, направленных на защиту экономических интересов Республики Беларусь.

Криминалистическая деятельность субъектов обеспечения экономической безопасности осуществляется в рамках:

- Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- Концепции «О национальной безопасности Республики Беларусь»;
- уголовно-правовых норм;
- уголовно-процессуальных норм;
- методологии формирования криминалистики экономической безопасности;
- технологии экономической стабилизации;
- диагностических и интеграционных технологий криминалистического характера.

Для обеспечения экономической безопасности требуется решение управленческих задач, направленных на разрешение выявленных противоречий, противодействие угрозам, а также снижение тяжести последствий. В отечественной науке накоплен определенный опыт разработки методических подходов к решению подобных задач. Одним из них является специфическая разновидность сценарного подхода [4].

Сценарный подход базируется на модельном представлении системы, а в силу дискретности измерения оперирует сведениями лишь о выделенных дискретных ее состояниях. Следовательно, любой прогноз поведения сложной системы фактически является прогнозом «некоторого сценария поведения системы», определяемый теми предпосылками, на которые опирается анализ поведения системы. Под сценариями в данном случае подразумеваются односторонние, внутренне непротиворечивые варианты решения проблемы, попытки взглянуть на нее с разных сторон, сформулировать точки зрения различных участников федеральной и региональной политики (в какой-то степени за них самих), предназначенные для взаимной адаптации.

На основе разработанных сценариев, предлагающих концепцию и пути решения проблем экономической безопасности, строятся конкретные планы и программы управленческих действий и мероприятий. На следующем этапе решаются традиционные задачи контроля исполнения планов и анализа их эффективности в экономическом и криминалистическом аспектах.

На основании вышеизложенного следует сформулировать авторское видение стратегии криминалистического обеспечения экономической безопасности.

Стратегия криминалистического обеспечения экономической безопасности – это основанная на диагностических ситуациях генеральная линия реализации криминалистических технологий, проверенных логикой и криминалистической практикой. Это процесс и результат обеспечения экономической безопасности, отраженной в формах:

- особого (специального) носителя информации в криминалистическом системно-структурном оформлении;
- технологий поиска, обнаружения угроз и криминалистического анализа экономической безопасности;
- образного представления в диагностике угроз экономической безопасности;
- логического суждения (умозаключения) на основе симптомокомплексов по диагностике экономических ситуаций;
- системы специальных понятий по поводу совершения преступления, расследования или защиты по уголовным делам в сфере экономики;
- частных и общих теорий, имеющих специальную направленность

(в рамках стратегии, тактики, методики обвинения и защиты по уголовным делам) в сфере экономики;

- принципов, правил, приемов, методов, технологий и алгоритмов криминалистического обеспечения экономической безопасности;
- научных источников, концепций, смыслов, криминалистических функций, процессуальных процедур;
- стратегических целей, опосредованных специальными средствами реализации технологий экономической безопасности;
- технологических качеств, позитивно меняющихся в процессах целевого преобразования;
- стратегических идей, моделей, программ, операций, комбинаций, обеспечивающих экономическую безопасность;
- механизмов, закономерностей, связей, взаимозависимостей экономических и криминалистических элементов;
- процессуально-криминалистических действий (моторных и интеллектуальных);
- критериев стратегических технологий (надежности, продуктивности, целесообразности, аргументированности, экономичности, безопасности, процессуальности, этичности, относительности, релевантности...);
- криминалистических учений, касающихся криминалистического обеспечения экономической безопасности;
- стратегических и тактических криминалистических задач (решений);
- криминалистических ситуаций и их систем и ситуационных подходов;
- интегративных криминалистических методологий, стратегий, тактик, методик, технологий, комплексно обеспечивающих экономическую безопасность.

Использование специальных криминалистических знаний по криминалистическому обеспечению экономической безопасности предполагает неизбежное системотехническое соединение компонентов на основе интегрирования стратегии с: 1) «Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь», 2) моделью экономической безопасности Республики Беларусь, что в итоге порождает необходимость криминалистики экономической безопасности, создающей в своей структуре систему частных видов криминалистик.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мясникович М.В., Пузиков В.В.** Модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь // *Белорусский экономический журнал*, 2002, № 3. – С. 57.
2. **Зорин Г.А.** Проблемы развития банковской криминалистики / *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения* // *Вестник Нижегородской Академии МВД России*, 2002, № 2. – С. 83.
3. **Дадалко В.А.** «Основные аспекты экономической безопасности Республики Беларусь» // *Предпринимательство в Белоруссии*, 1999, № 3, 4; 1999, № 5. – С. 17–20.
4. **Кононов Д.А., Кульба В.В., Ковалевский С.С., Косяченко С.А.** Формирование сценарных пространств и анализ динамики поведения социально-экономических систем. – М., 1999. – С. 3.

S U M M A R Y

The analysis of the problems of safeguarding the economic security of the Republic of Belarus must include the directions of developing the criminalistic strategy and tactics for the prospective with the purpose of national interest defense.

Поступила в редакцию 21.09.2004

Е.А. Данина

Актуальные проблемы правового регулирования налогового контроля в Республике Беларусь

Сегодняшняя Беларусь переживает этап экономических реформ, и ключевой их элемент – налоговая реформа. От того, каким будет налоговое законодательство Беларуси, зависит ее развитие в ближайшие десятилетия.

Между тем, процесс формирования налогового законодательства еще не завершен, принята только Общая часть Налогового кодекса [1], которая вступила в действие с 1 января 2004 года (при этом в данный нормативный акт уже вносятся изменения и дополнения), действует большой массив подзаконных актов, часто противоречащих друг другу. Несформированность налогового законодательства не может не отражаться на экономике страны. Положение усугубляется и таким явлением, как нежелание налогоплательщиков выполнять обязанности по уплате налогов и сборов, стремлением использовать несовершенство законодательства и недостатки в работе налоговых органов для уклонения от уплаты налогов. В связи с вышеизложенным, все острее встает проблема обеспечения безусловного соблюдения налогового законодательства.

Осуществление налогового контроля – одна из важнейших функций налоговых органов. Это сложный, комплексный процесс, который регулируется нормативно-правовыми актами, как в области регулирования налоговых правоотношений, так и в других областях.

К сожалению, на практике нередки случаи, когда налоговый контроль осуществляется некачественно, допускаются нарушения в производстве по делам о правонарушениях в налоговой сфере. Это связано и со сложностью, противоречивостью, нестабильностью действующего налогового законодательства, и с отсутствием всеобъемлющих и точных алгоритмов применения института контроля в сфере налогообложения, а нередко и с недостаточной компетентностью сотрудников налоговых органов.

Вообще, потребность в организации налоговой службы, на которую, в основном, и возложены контрольные функции, в современном ее виде возникла в Беларуси на рубеже 90-х гг. минувшего столетия в связи с коренными изменениями в социально-экономическом строе.

Пока экономика перестраивалась, становилась на рыночные рельсы, первоочередная задача налоговой службы заключалась в том, чтобы приучить налогоплательщиков во что бы то ни стало исправно платить налоги – бюджет требовал налоговых вливаний.

Эта задача остается важнейшей и сегодня. По данным Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (МНС), количество состоящих на учете юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) за 2003 год увеличилось на 280 и по состоянию на 1 января 2004 года составило 279597. Весь прирост к соответствующему периоду прошлого года получен за счет увеличения количества зарегистрированных юридических лиц негосударственного сектора экономики, который возрос на 2285 юридических лиц. Сокращение состоящих на учете юридических лиц государственного сектора

экономики и ИП составило 1231 и 774 плательщика соответственно. По состоянию на 1 апреля 2004 года на налоговом учете состояло уже 278754 юридических лиц и ИП.

Проверки в 2003 году проведены у 31,8% состоящих на учете плательщиков, что ниже показателя 2002 года на 8,3%. По результатам проверок доначислено сумм налогов и экономических санкций на 37273 млн. руб. больше, чем за 2002 год. В сопоставимых ценах (с учетом дефлятора ВВП) увеличение по сравнению с 2002 годом в целом по республике составило 2941,3 млн. руб., при этом самый высокий прирост отмечен по г. Минску – 8562,1 млн. руб. По результатам проверок в 2003 году поступило в доход бюджета на 14161 млн. руб. больше, чем в 2002 году.

За I квартал 2004 года нарушения законодательства выявлены у 7409 юридических лиц (или 69,1% от проверенных) и 6922 ИП (или 48,5% от проверенных). По результатам проверок доначислено налогов и экономических санкций на 7406,7 млн. руб. больше, чем за соответствующий период 2003 года. В доход бюджета взыскано в целом по республике в сопоставимых ценах на 9904,1 млн. руб. больше, чем за соответствующий период прошлого года (с учетом дефлятора ВВП).

Очевидно, что совершенствование не только системы налогов, но и порядка их сбора, а также правил налогового контроля, которые бы исключали или хотя бы минимизировали злоупотребления и произвол со стороны контролирующих органов, является приоритетной задачей в сфере налогообложения на сегодняшний день.

Так, в 2004 году был продолжен начатый в 2002 году курс на максимальное вовлечение в сферу налогообложения участников теневой экономической деятельности и обеспечение своевременной уплаты налоговых платежей. Особенно активно в этих целях стала использоваться такая форма налогового контроля, как налоговые посты на предприятиях. Они были открыты на некоторых предприятиях, производящих и реализующих подакцизные товары – табачные изделия, алкоголь, пиво. Рациональным было бы внедрять такую форму контроля и на рынках, что позволит не только активизировать работу контролирующих органов на данных объектах, но и будет стимулировать плательщиков к выполнению в срок и в полном объеме налогового обязательства, поскольку упростит процедуру внесения сумм налогов лицами, осуществляющими торговлю на рынках.

Между тем, отмечается, что бухгалтерская отчетность не упрощается, а наоборот, усложняется. В результате, предпринимательство страдает не только от больших налогов, но и в не меньшей мере от излишнего давления, оказываемого при осуществлении налоговых проверок. Кроме того, Общей частью Налогового кодекса Республики Беларусь (НК) введено понятие налогового учета. Статья 62 НК определяет налоговый учет как осуществление плательщиками (иными обязанными лицами) учета объектов налогообложения и определения налоговой базы по налогам, сборам (пошлинам) путем расчетных корректировок к данным бухгалтерского учета, если иное не установлено налоговым законодательством. При этом отмечается, что налоговый учет ведется исключительно в целях налогообложения и осуществления налогового контроля.

Из содержания приведенных положений следует, что налоговый учет представляет собой специальную систему учета хозяйственных операций налогоплательщика. Но в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» от 18.10.1994 № 3321-XII [2] организации обязаны вести бухгалтерский учет. В качестве объектов бухгалтерского учета выступают имущество организации, обязательства организа-

ции и хозяйственные операции, осуществляемые в процессе деятельности организации. В качестве одной из основных задач бухгалтерского учета указанный Закон определяет формирование информации о деятельности организации и ее имущественном положении, необходимой внутренним пользователям отчетности – руководителям, учредителям, участникам и собственникам имущества организации, а также внешним – инвесторам, кредиторам и др. Сравнивая приведенные положения законодательства, можно прийти к выводу, что система бухгалтерского учета преследует более общую цель по отношению к системе налогового учета. Возникает вопрос: а были ли объективные предпосылки у законодателя к выделению из бухгалтерского учета налогового учета? Но в любом случае, отсутствие предпосылок не означает, что требование законодательства не нужно исполнять.

Серьезные вопросы возникают в связи с взаимодействием органов, осуществляющих налоговый контроль, к которым относят МНС, Комитет государственного контроля Республики Беларусь (КГК) и Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (ГТК). Однако необходимо отметить, что в течение последних двух лет данной проблеме уделялось некоторое внимание.

В частности, принято совместное постановление КГК и МНС «Об утверждении положения о порядке взаимодействия органов КГК и инспекций МНС при обращении взыскания задолженности по уплате сумм экономических санкций, примененных органами КГК, на денежные средства, находящиеся на счетах дебиторов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей-правонарушителей» (от 2.09.2002 № 2/91) [3], разработаны правила направления налоговыми органами в органы финансовых расследований КГК сообщений о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности (Утв. Постановлением МНС от 2.04.2002 № 41) [4] и др.

К сожалению, вопрос о количестве контролирующих органов и их взаимодействии является не только проблемой координации деятельности государственных органов, но и существенно осложняет деятельность плательщиков. Особенно это касается ИП, осуществляющих розничную торговлю через ларьки, палатки, торговые павильоны. По различным вопросам, связанным с налогообложением и осуществлением предпринимательской деятельности, эти торговые точки проверяют достаточно большое количество контролирующих органов, в частности, должностные лица налоговых органов, КГК, ряда подразделений МВД (ОБЭП, ГАИ). Возникают ситуации, когда в одном и том же ларьке за неделю проводится 5–6 различных проверок. При этом проверки, проводимые подразделениями МВД, осуществляются по иным правилам, нежели установлены для проведения налоговых проверок (отсутствуют предписания на проведение проверок, акт проверки составляется в одном экземпляре). В результате этого ИП вынужден тратить время на дополнительные разбирательства с контролирующими органами, поскольку из-за отсутствия экземпляра акта о результатах проверки, о причинах составления акта владелец торговой точки узнает только от продавца, который не всегда точно может объяснить создавшуюся ситуацию.

Необходимо отметить, что в целом Республика Беларусь несколько отстает от Российской Федерации в вопросах совершенствования налогового законодательства. Достаточно сказать, что в РФ Налоговый кодекс принят полностью, а в Беларуси – только Общая часть [5]. Как в России, так и в Беларуси законодатель разделил все налоговые проверки на два основных вида – камеральные и выездные. Однако в РФ сфера применения камеральных проверок значительно расширена, что, на наш взгляд, более рационально. В Республике Беларусь камеральная проверка сводится только к проверке

сданных плательщиком или иным обязанным лицом налоговых расчетов (деклараций). Эта проверка является, по сути, формой систематического контроля. В РФ камеральная проверка применяется и в случаях, когда нецелесообразно выезжать по местонахождению плательщика, а можно ограничиться требованием о предоставлении необходимых для проверки документов и исследовать их в помещении налогового органа. Такие проверки рационально проводить в отношении небольших фирм (маленькие офисы, небольшой штат работников и объем деятельности), особенно, если проводится по вопросам правильности уплаты одного или нескольких налогов, т.е. носит тематический характер.

Что касается выездной проверки, то здесь есть ряд различий в порядке назначения, сроках и порядке оформления результатов. В частности, статья 69 НК Республики Беларусь содержит норму о том, что «плановые налоговые проверки одного и того же плательщика (иного обязанного лица) могут проводиться не более одного раза в год». НК РФ более детально регламентирует данное положение: «Налоговый орган не вправе проводить в течение одного календарного года две выездные налоговые проверки и более по одним и тем же налогам за один и тот же период» (ч. 2 ст. 89 НК РФ). Исключение составляют только выездные проверки, осуществляемые в связи с реорганизацией или ликвидацией организации-налогоплательщика, а также вышестоящим налоговым органом в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего проверку. Такие проверки могут проводиться независимо от времени проведения предыдущей проверки (ч. 3 ст. 89 НК РФ). Кроме того, НК РФ четко оговаривает, что налоговой проверкой могут быть охвачены только три календарных года деятельности налогоплательщика (иного обязанного лица), непосредственно предшествовавшие году проведения проверки (ч. 1 ст. 87). При этом запрещается проведение налоговыми органами повторных выездных проверок по одним и тем же налогам, подлежащим уплате или уплаченным плательщиком за уже проверенный налоговый период. И хотя фраза «только три календарных года, непосредственно предшествовавшие году проведения проверки» вызывает вопросы, поскольку при буквальном толковании означает запрет на проведение проверки за отчетные периоды текущего года, это ограничение является очень важным для защиты интересов плательщиков. Не секрет, что в Республике Беларусь, на практике нередки случаи, когда в ходе различных проверок проверяют одни и те же вопросы и документы, внося тем самым неразбериху и нервозность в работу организации-плательщика.

Серьезные различия содержатся и в сроках проведения выездных проверок. Часть 2 статьи 89 НК РФ указывает на то, что выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев. Однако, при проведении выездных проверок организаций, имеющих филиалы и представительства, срок увеличивается на один месяц на проведение проверки каждого структурного подразделения, а в исключительных случаях вышестоящий налоговый орган может увеличить продолжительность проверки до трех месяцев. НК Республики Беларусь устанавливает, что общий срок проведения проверки не должен превышать 30 рабочих дней. При этом в 30 дней не входит срок, необходимый проверяющим для проведения подготовительной работы, а также для написания акта проверки. При наличии объективных причин этот срок может быть продлен на основании служебной записки проверяющего, причем не вышестоящим органом, а руководителем налогового органа, проводившего проверку, и не до 3-х месяцев, а на неограниченный срок. Кроме того, законодательство обеих стран не содержит хотя бы примерного перечня оснований, по которым может быть принято решение о продлении срока проведения проверки, но в РФ плательщик все же знает, что дольше 3-х месяцев

проверка не продлится, а в Республике Беларусь подконтрольное лицо с этой точки зрения практически не защищено.

И, наконец, по поводу оформления результатов проведенных выездных налоговых проверок следует сказать, что нормы российского и белорусского права также существенно различаются. В частности, в РФ пребывание проверяющих на территории подконтрольного объекта завершается составлением справки о проведенной выездной налоговой проверке. Справка, в сущности, является документом, свидетельствующим о завершении выездной налоговой проверки на территории плательщика, и после ее подписания доступ проверяющих на эту территорию возможен только с его добровольного согласия, даже если не истек допустимый двухмесячный срок. Акт выездной налоговой проверки составляется в течение двух месяцев с момента составления справки, затем плательщик может предоставить возражения по акту в двухнедельный срок, и еще 14 дней отводится для принятия по акту решения руководителя налогового органа. Таким образом, с момента окончания проверки и до момента, когда плательщик узнает о ее реальных результатах, может пройти почти три месяца, что, по мнению автора, может неблагоприятно повлиять на работу организации-плательщика, поскольку ему необходимо планировать свою дальнейшую работу с учетом материалов проверки, т.е. изыскать средства для уплаты штрафов, пеней, исправить выявленные недостатки в ведении бухгалтерского и налогового учета и т.д., причем сделать это надо как можно быстрее. В Республике Беларусь сроки подведения итогов проверки гораздо меньше. Во-первых, справка составляется только в том случае, если в ходе проверки нарушений не выявлено. Во-вторых, акт проверки составляется проверяющими не позднее 5-ти рабочих дней с даты завершения проверки (за исключением актов рейдовых проверок). При наличии возражений по акту подписывающие его лица делают об этом запись перед своей подписью и не позднее 5-ти рабочих дней представляют свои письменные возражения по его содержанию. По истечении того же срока со дня вручения акта проверки плательщику при отсутствии его возражений, а при наличии возражений – на следующий день после составления по ним заключения начальником отдела, обеспечивается внесение руководителю налогового органа проекта решения по акту проверки. Столь небольшие сроки, с одной стороны, заставляют действовать всех участников данных отношений быстрее, возможно иногда допуская некоторые погрешности, с другой стороны, позволяют в максимально короткие сроки устранять выявленные нарушения и принимать меры к устранению причин и условий, приведших к ним.

Подводя итог, следует отметить, что в целом российское налоговое законодательство в большей степени направлено на защиту прав и интересов плательщиков, позволяя, при этом, налоговым органам в полной мере осуществлять возложенные на них функции контроля. В белорусском законодательстве многие вопросы регламентированы не столь подробно, в результате чего возникает достаточно много разного рода разночтений, которые налоговыми органами трактуются отнюдь не в пользу плательщика. При этом необходимо подчеркнуть, что прежде чем мотивировать налогоплательщика на правомерное поведение в отношении соблюдения налогового законодательства, государство должно завоевать авторитет у тех, кто обязан уплачивать налоги. Государство обязано продемонстрировать максимум уважения к правам налогоплательщиков, а значит – к закону, что будет являться условием установления и поддержания принципа взаимной ответственности гражданина и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Налоговый кодекс Республики Беларусь*. Общая часть. 2003 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2003, № 4.
2. *О бухгалтерском учете и отчетности*: Закон Республики Беларусь от 18.10.1994 г. № 3321-XII // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001, № 63.
3. Об утверждении инструкции о взаимодействии работников контрольно-ревизионных подразделений министерств, других республиканских органов республиканского управления, государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, местных исполнительных и распорядительных органов, налоговых, таможенных органов, органов уголовного преследования и судов по организации и проведению проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Постановление Министерства финансов Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 12.06.2002 г. № 83/33/16/149/62/14/8/35 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002, № 86.
4. Об утверждении положения о порядке взаимодействия органов Комитета государственного контроля и инспекций Министерства по налогам и сборам при обращении взыскания задолженности по уплате сумм экономических санкций, применяемых органами Комитета государственного контроля, на денежные средства, находящиеся на счетах дебиторов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей-правонарушителей: Постановление Комитета государственного контроля Республики Беларусь и Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 26.09.2002 г. № 2/91 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002, № 115.
5. *Налоговый кодекс Российской Федерации*. Часть I. 1998 г. – М., 2004.

S U M M A R Y

The article highlights the general issues of legal regulation of tax control in the Republic of Belarus. The basic aspects of tax bodies' activity and their interactions with other state bodies carrying out tax control are considered. The comparative characteristic of legal regulation of tax control in Russian and Belarusian legislation is given.

Поступила в редакцию 29.09.2004

УДК 378.16:80

Л.И. Бобылева

Актуальные вопросы методической подготовки студентов к профессиональной деятельности учителя иностранного языка

Сегодня основной целью подготовки учителя иностранного языка является формирование активной, творческой личности, глубоко знающей свой предмет, владеющей разнообразными методическими средствами и приемами, имеющей основательное психолого-педагогическое образование, обладающей эрудицией, культурой, стремящейся к постоянному самосовершенствованию.

Современный специалист данного профиля должен уметь реализовывать на практике свои основные профессиональные функции – конструктивную, организаторскую, гностическую, коммуникативную [1].

Конструктивная функция обеспечивает: а) отбор и организацию содержания учебной информации, которая должна быть усвоена учащимися; б) проектирование деятельности учащихся, в которой информация может быть усвоена; в) проектирование собственной деятельности в процессе взаимодействия с учащимися.

Организаторская функция реализуется через организацию: а) информации в процессе сообщения ее учащимся; б) различных видов деятельности учащихся; в) собственной деятельности. При этом успешность учебного процесса обеспечивается профессиональной гибкостью учителя по перестраиванию методической ситуации в случае необходимости.

Гностическая (исследовательская) функция предполагает изучение: а) содержания и способов воздействия на учебную аудиторию; б) возрастных и индивидуально-психологических особенностей обучаемых; в) результатов собственной деятельности, ее достоинств и недостатков.

Коммуникативная функция предусматривает установление таких взаимоотношений с учащимися, при которых учитель является организатором и руководителем учебно-воспитательного процесса и в то же время выступает в роли партнера по речевой коммуникации. Он должен быть одновременно формальным руководителем и неформальным лидером учебного коллектива, обеспечивающим создание атмосферы иноязычного общения и выступающим как помощник, друг, собеседник, координатор и участник межличностных отношений, предполагающих взаимное уважение и эмоциональное сопереживание совместной творческой деятельности.

Реализация педагогических функций учителя иностранного языка основывается на профессиональных способностях, которые развиваются в деятельности и определяют пригодность человека к ней. К их числу следует отнести дидактические, перцептивные, экспрессивные, авторитарные, коммуникативные, прогностические способности [2–3].

Дидактические способности – способности доступно излагать учебный материал и адаптировать его в случае необходимости, вызывать интерес к предмету, стимулировать речемыслительную активность учащихся, организовывать их самостоятельную работу. Разновидностью дидактических способностей являются речевые способности ясно, четко и убежденно выражать свои мысли с помощью речи, мимики и пантомимики.

Академические способности – способности к соответствующей области науки. Способный учитель знает предмет не только в объеме учебного курса, а значительно глубже, постоянно следит за развитием методических концепций преподавания иностранного языка, а также лингвистических, педагогических, психологических исследований. Особое значение для учителя иностранного языка имеет наличие иноязычно-речевых способностей. Проведенные исследования иноязычных способностей [4; 1, с. 45] выявили зависимость развития данных способностей от: 1) объема оперативной памяти; 2) наличия умений вероятностного прогнозирования; 3) скорости языкового обобщения; 4) уровня слуховой дифференциальной чувствительности; 5) уровня грамматической чувствительности, предполагающей способность определять грамматическую форму и выводить правило.

Перцептивные способности – способности проникать во внутренний мир ученика, психологическая наблюдательность, связанная с тонким пониманием личности учащегося и его временных психических состояний, умение своевременно оказать помощь.

Авторитарные способности – способности эмоционально-волевого влияния на учащихся и умение на этой основе добиваться у них авторитета наряду с такими, например, факторами, как прекрасное знание предмета, внимание к интересам учеников, чуткость, такт и т.д. Авторитарные способности зависят от целого комплекса личностных качеств учителя, в частности, его волевых качеств (решительности, настойчивости, требовательности и т.д.), а также от чувства ответственности за обучение и воспитание школьников, от умения передать им свою убежденность.

Коммуникативные способности – способности к общению с детьми, умение найти индивидуальный подход к каждому ученику, создать положительную мотивацию к овладению иностранным языком.

Прогностические способности – способности к предвидению последствий своих действий, к воспитательному и языковому проектированию личности учащихся, связанному с представлением о том, какие качества личности, а также языковые и речевые навыки и умения будут сформированы в итоге.

Основным объектом совершенствования профессиональной подготовки учителя иностранного языка должно быть взаимодействие и систематизация трех компонентов обучения и обуславливающих их характер учебных дисциплин. К *первой* группе относятся лекции, семинарские, лабораторно-практические занятия, самостоятельная, учебно- и научно-исследовательская работа студентов, курсовые и дипломные работы по курсу методики, педагогическая практика в школе. В процессе непосредственной методической подготовки формируются методические навыки и умения, развивается методическое мышление. Студенты учатся реализовывать в учебно-воспитательном процессе все имеющиеся в их арсенале профессионально значимые знания, навыки и умения, качества личности, ценностные ориентации.

Ко *второй* группе дисциплин, обеспечивающих профессиональную подготовку, относятся обучение иностранным языкам (*первой* и *второй* специальности), изучение лингвистических дисциплин (общего языкознания, теоретической фонетики, лексикологии, теоретической грамматики, истории языка, стилистики, сравнительной типологии, страноведения, литературы, лексической интерпретации текста, теории перевода, спецкурсов), а также психолого-педагогических дисциплин.

В процессе так называемой опосредственной профессиональной подготовки студенты приобретают опыт владения иностранным языком в разных функциях, а также опыт обучения языку «изнутри», т.е. они на практике постигают технику обучения, систему работы над языком и имеют представление о ее эффективности, постоянно ассоциируя методические действия преподавателей со своей будущей специальностью.

Лингвистические дисциплины должны создавать у будущих учителей основу дальнейшего самообразования в области теории и практики языка, формировать лингвистическое мышление, развивать их дидактические, академические, коммуникативные, прогностические способности.

Дисциплины психолого-педагогического цикла призваны сформировать у студентов социально-психологические, общепсихологические и педагогические основы общения, ознакомить их с методиками изучения личности, побудить их к самовоспитанию профессионально значимых качеств, развить их дидактические, академические, перцептивные, авторитарные, коммуникативные, прогностические способности.

Третьим компонентом профессиональной подготовки являются дисциплины, формирующие мировоззрение, умения и навыки идеологического, нравственного, трудового, эстетического воспитания учащихся средствами иностранного языка, общую культуру мышления и поведения будущего специалиста. В эту группу входят общественно-политические и общеобразовательные дисциплины.

Переориентация учебно-воспитательного процесса по иностранному языку с монокультурного на мультикультурный и интеркультурный подходы предполагает подготовку специалиста, который знает особенности нескольких культур, включая и родную, и обладает умениями, необходимыми для интерпретации иной культуры. Интеркультурное образование включает: 1) понимание содержания культуры и ее значения для успешного взаимодействия в диалоге культур; 2) знание и позитивное отношение к культурам родной страны и стран изучаемого языка; 3) умения, обеспечивающие успешное взаимодействие в межкультурной коммуникации [5].

Мы рассмотрели основные направления, обеспечивающие подготовку квалифицированного учителя иностранного языка в соответствии с современной парадигмой образования, которая не только предусматривает формирование знаний, умений, навыков и воспитание, но и требует развития творческих начал и культуры личности, гармоничности в способах и уровнях мышления, готовит выпускников к проектированию новых видов деятельности, формирует мотивационную готовность к профессии учителя.

Для целенаправленной подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности особое внимание следует уделить их собственно методическому образованию. Его совершенствованию будут способствовать: разработка межпредметной сквозной программы методической подготовки; внедрение в практику работы ряда новых спецкурсов по отдельным разделам методики; разработка системы управления методическим самообразованием студентов; создание методического тренинга с использованием приемов проблемного и профессионально-педагогического игрового обучения, театральной педагогики, видеозаписи и ЭВМ; четкая внутренняя организация педагогической практики студентов.

В целях развития познавательной активности, творческих способностей и навыков самостоятельной работы будущих учителей иностранного языка в практику проведения семинарских занятий по методике преподавания английского языка в Витебском государственном университете наряду с традиционным обсуждением теоретических вопросов широко внедрена система учебно-исследовательских и письменных практических заданий, а также заданий для самостоятельной работы во внеаудиторное время. Особую помощь призваны также оказать различного рода схемы последовательности деятельности учи-

теля при решении определенных методических задач; образцы наглядных пособий, раздаточного материала, планов уроков; перечень обязательной и дополнительной литературы по каждой теме.

Учебно-исследовательские задания направлены на развитие у студентов познавательных умений, связанных с анализом: а) задач урока; б) отбора и дозировки учебного материала; в) упражнений, методов, приемов и средств обучения, представленных в школьном УМК, и др. (Например: «Сравните упражнения для формирования продуктивных и рецептивных грамматических навыков в ... классе и определите их виды и типы», «Проанализируйте предлагаемую в книге для учителя к учебнику для ... класса методику работы с аудиотекстом и сравните ее со схемой последовательности работы, приложенной к плану семинарского занятия. В случае необходимости внесите соответствующие дополнения в методические указания авторов учебника», «Проанализируйте языковой и речевой материал учебника ... и, используя примерный план работы, данный в «Книге для учителя», и алгоритм составления тематического плана, определите тип, вид и цель каждого урока цикла»).

Письменные практические задания способствуют формированию проективных методических умений и предназначены научить студентов подбирать в соответствии с целями и задачами урока языковой и речевой материал, правильно определять последовательность его предъявления, рационально использовать средства обучения, режимы работы, систему упражнений, способы контроля и самоконтроля. Все виды письменных практических заданий можно условно разделить на следующие группы:

I. Подбор студентами необходимого языкового и речевого материала для проведения урока, например: «Составьте правило-инструкцию для объяснения грамматической темы ... в ... классе на коммуникативно-функциональной основе»; «Подберите дополнительные тексты для обучения учащихся ... класса ознакомительному чтению с учетом дифференцированного подхода», «Подберите стихотворение (песню, поговорку, изречение) для совершенствования произносительных навыков (... класс, цикл ...)», «Составьте речевые ситуации для введения лексического материала» и др.

II. Данная группа письменных практических заданий предусматривает составление студентами комплекса упражнений для формирования языковых и речевых навыков и умений, обучения различным видам речевой деятельности, например: «Составьте серию проблемных заданий для развития монологической речи учащихся ... класса по данной теме», «Разработайте комплекс предтекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений для обучения учащихся ... класса извлечению основной информации из текста» и др.

III. Составление плана-конспекта фрагмента урока по определенной теме в соответствии со схемой методической последовательности действий учителя и образцом фрагмента урока, данными в приложении к практическому занятию.

Особое место в системе письменных практических заданий занимает изготовление образцов наглядных пособий и раздаточного дидактического материала (грамматические таблицы, схемы, подстановочные таблицы, иллюстрации, кроссворды и т.д.).

При изучении каждой темы систематически практикуется решение методических задач и обсуждение проблемных вопросов. Широко используются учебные видеофильмы и конспекты уроков студентов-практикантов, в которых представлен как положительный, так и отрицательный опыт обучения, проанализированный групповыми руководителями в период педагогической практики.

Съемка видеофильмов проводилась в ряде школ г. Витебска таким образом, чтобы максимально охватить различные типы школ, этапы обучения и уровни усвоения иноязычного материала. Продолжительность некоторых

видеофильмов составляет 15–20 мин., т.е. урок представлен в них в «сжатом виде». В процессе работы с видеофильмом студенты *распознают* уже известные им приемы и средства обучения, упражнения, задания, адекватные той или иной цели, и *описывают* их; *решают методические задачи*, связанные с распределением учебного материала, выявлением последовательности выполнения упражнений, адекватности заданий и др.; *анализируют* структуру и содержание уроков, деятельность учителя, направленную на реализацию практических, воспитательных, развивающих и образовательных целей обучения. Таким образом студенты проводят мини-исследования диагностического, проектировочного и поисково-рефлексивного плана. Диагностические исследования направлены на выявление проблемы, диагностики уровня обученности и обучаемости учеников, их индивидуальных особенностей, мотивации в изучении иностранного языка, что в итоге позволяет ставить адекватные цели и задачи по обучению и воспитанию учащихся. Проектировочные исследования являются основой моделирования учебного процесса и связаны с анализом таких вопросов, как логика построения урока; трудности, которые испытывают ученики, и их причины; иные варианты реализации методических задач и др. Поисково-рефлексивные исследования нацелены на установление обратной связи и осознание результатов обучающего воздействия.

Сложность методического анализа урока иностранного языка заключается в его многоплановости, а также в специфике его отдельных типов и видов. В связи с этим студентам сначала предлагается общая схема анализа, в которой выделены моменты, в одинаковой мере присущие урокам всех типов и видов. Затем, перед просмотром видеофильма, иллюстрирующего конкретный тип урока, предъявляются задания, направленные на анализ структуры и содержания данного урока.

В качестве примера приведем ход практического занятия с использованием видеофильма «Урок английского языка в 3 классе» (в фильме представлен урок по развитию навыков и умений устной речи по теме «Спорт»).

Основными задачами занятия являются: 1. Обеспечить усвоение студентами теоретических знаний по проблемам обучения устной речи в младших классах. 2. Развить у них умения планировать и проводить фрагмент урока, посвященного обучению устной речи. 3. Развить у них умения методического анализа уроков разных видов и типов.

1. Начало занятия (ознакомление студентов с задачами семинара).
2. Обсуждение теоретических вопросов, связанных со спецификой обучения иностранному языку в младших классах.
3. Анализ комплекса упражнений для обучения устной речи с использованием различного вида опор.
4. Ознакомление студентов с заданиями по просмотру видеофильма.
5. Просмотр, сопровождаемый синхронным протоколированием урока, и анализ видеофильма.
6. Проведение студентами подготовленного дома фрагмента урока по обучению устной речи в младших классах (деловая игра).
7. Устный анализ проведенного фрагмента урока.
8. Заключительная часть занятия (обобщение ключевых вопросов, оценка деятельности студентов).

Проведение студентами заранее подготовленных собственных фрагментов уроков позволяет: а) развить у будущего учителя умения ролевого взаимодействия (понять, принять и исполнить определенную функциональную роль; ориентироваться в ролях партнеров по общению; регулировать свое поведение в конфликтной ситуации и т.д.); б) выявить особенности навыков и умений профессионально-педагогического общения у разных студентов и индивидуа-

лизировать процесс обучения; в) выработать навыки анализа ситуаций педагогического общения, причем анализ и коллективное обсуждение поведения участников игры требует от студентов актуализации практических знаний по педагогике, психологии, методике преподавания иностранного языка и развивает способность реалистически оценивать собственные уроки. Чтобы помочь самооценке урока, студентам предлагается ответить на вопросы типа:

1. Прошел ли урок так, как Вы его представляли, как запланировали? Достигли ли Вы поставленных целей и задач?

2. Что положительного или отрицательного осталось у Вас в памяти после проведения урока? Что Вам удалось во время урока лучше всего? Что нужно доработать в уроке? Если бы Вам пришлось провести этот урок еще раз, чтобы Вы сделали по-другому?

3. О чем бы Вы хотели поговорить на обсуждении Вашего урока? Чтобы Вы хотели объяснить? Какие вопросы остались невыясненными?

4. Ощущали ли Вы чувство стеснения оттого, что за Вами наблюдали? Если да, то как Вы смогли справиться с этим чувством?

Проведение студентами собственных фрагментов уроков является эффективным средством их подготовки к педагогической практике в школе. Оно помогает им расширить репертуар речевых форм общения с учащимися; преодолеть некоторую скованность, неуверенность в себе; развить отдельные профессиональные личностные качества (такие, например, как самокритичность, самоконтроль, умение быстро реагировать на проблемную ситуацию, творчески подходить к организации учебного процесса); сформировать профессионально значимые проективные, исследовательские, адаптационные умения.

Как показывает практика, комплексный, системный подход к совершенствованию методической подготовки будущих учителей иностранного языка на основе межпредметного взаимодействия, с одной стороны, и указанные методы работы на семинарских занятиях, с другой стороны, помогают преодолеть определенный разрыв между теорией и практикой, развернуть содержание образования в динамике, придать целостность и личностный смысл усваиваемому материалу, обеспечить органичное развитие познавательных и профессиональных мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. – М., 1991. – С. 47.
2. *Колкер Я.М., Устинова Е.С., Еналиева Т.М.* Практическая методика обучения иностранному языку. – М., 2000. – С. 235–238.
3. *Harmer J.* The Practice of English Language Teaching. – Edinburgh, 2002. – P. 57–62.
4. *Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М., 1965. – С. 193–195.
5. *Пассов Е.И.* Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур. – М., 2003. – 181 с.

S U M M A R Y

Professional training of future foreign language teachers is based on the interaction of three teaching components and their corresponding subjects. New special methodological courses introduction, elaboration of students' individual work managing system, designing a methodological training syllabus on the basis of communicative, problem-solving, video and role-play teaching are to contribute to the development of future foreign language teachers.

Поступила в редакцию 27.08.2004

С.А. Александрова

Педагогические условия организации творческой деятельности младших школьников на уроках музыки

Формирование и развитие творческих потенциалов личности становится доминирующей задачей в концепции современной школы. Это обусловлено тем, что в общеобразовательной школе наблюдается подавление потребности учащихся в творческой самореализации, что приводит к их познавательной пассивности.

В.В. Давыдов, один из создателей теории учебной деятельности, считает, что ее важной особенностью является то, что она всегда носит явный или неявный предметный характер, все ее компоненты имеют то или иное предметное содержание, а сама она направлена на творческое созидание определенного материального или духовного продукта. Вместе с тем, в существующей практике учение ребенка далеко не всегда деятельностно. Отсюда возникает основное противоречие между потребностью учащегося активно и деятельностно осваивать произведения искусства и отсутствием у педагогов навыков организации такой деятельности.

Для того, чтобы определить педагогические условия эффективной организации творческой деятельности младших школьников на уроках музыки, необходимо выявить ее специфику, характерные черты, которые отличают ее от какой-либо другой деятельности, а также отличия учебного предмета «Музыка» от других предметов, изучаемых в начальной школе.

Специфика преподавания музыки в общеобразовательной школе вызвана тем, что в основе данного учебного предмета лежат не научные знания, а отношение человека к окружающему миру, выраженное в произведениях музыкального искусства. Особенности урока музыки как урока искусства заключаются в следующем:

1) в художественной деятельности чувства, эмоции доминируют над логическим мышлением;

2) наука исследует сам предмет, а искусство – отношение человека к предмету;

3) знания, умения, навыки при познании музыкальных произведений становятся не самоцелью, а средством овладения языком искусства с тем, чтобы через него воспринимать художественную информацию. Общение детей с произведениями художественного творчества предусматривает проявление у них склонности к сопереживанию тех мыслей и чувств, которые выражены в музыке.

Все это требует особых подходов к преподаванию музыки в начальной школе. В частности, анализ содержания учебной программы по музыке показал, что в учебном предмете «Музыка» ведущими компонентами содержания образования являются опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностное отношение к действительности, то есть те аспекты социального опыта, которые непосредственно формируют художественный потенциал личности и вследствие этого могут оказать позитивное влияние на воспитание эстетического отношения к действительности [1].

Музыкальная педагогика отмечает важность и необходимость присутствия творческой деятельности в учебном процессе. Однако на практике, как отмечает Л.В. Школяр, «творчество, рассматриваемое как отдельный вид деятельности учащихся, связанный, прежде всего, с импровизацией, элементами сочинения музыки, сводится к усвоению детьми традиционно «общемюзикальных» ритмических и мелодических формул, интервальных схем, когда мышление, внутреннее слышание детьми музыки движется по заранее определенному пути», то есть, подчеркивает ученый, «такая деятельность не является подлинно творческой» [2].

Музыкально-художественная деятельность протекает в форме учебной тогда, когда школьники воспроизводят сам процесс рождения музыки, самостоятельно осуществляют творческий отбор выразительных средств, интонаций, которые, по их мнению, лучше и полнее раскрывают жизненное содержание произведения, творческий замысел автора (и исполнителя). В качестве основной методической позиции, обеспечивающей реализацию идей развивающего обучения на уроках музыки, должно выступать моделирование художественно-творческого процесса, когда школьники становятся в позицию творца-композитора, как бы заново создающего произведение искусства для себя и для других людей.

Как указывалось выше, творческая деятельность является необходимым условием успешного формирования любых музыкальных способностей, однако творчество может проявляться не только в создании оригинальных законченных музыкальных произведений. Эта задача является непосильной для абсолютного большинства детей младшего школьного возраста. Это, скорее, задача максимум, на пути стремления к которой ребенок, тем не менее, может значительно продвинуться в своем музыкальном развитии.

Когда говорят о творчестве, под этим понятием подразумевается и процесс, и способность, и результат, и многогранное явление, и дидактический фактор, и путь воспитания, и сторона саморазвития личности, и педагогическая проблема. Поэтому необходимо выявить сущность понятия «творчество», его природу.

Как отмечает В.И. Петрушин, творчество – это деятельность человека, направленная на создание какого-либо нового, оригинального продукта в сфере идей, искусства, а также производства и организации. Субъективная ценность продуктов творчества имеет место тогда, когда продукт творчества нов не сам по себе, объективно, а нов для человека, его впервые создавшего. Творческому акту предшествует длительное накопление соответствующего опыта, знаний, навыков, тщательное обдумывание того, что человек хочет воплотить. С точки зрения психофизиологов, творчество есть образование новых сочетаний из элементов нейронной связи, которые уже ранее были сформированы в коре больших полушарий.

Знания, умения и навыки являются обязательным условием для совершения того или иного творческого акта. Но суть творчества не в их формальном накоплении, а в использовании их как средства открытия новых путей, закономерностей и способов действий, ведущих к получению результатов, не известных до этого [3].

Творчество представляет собой возникшую прежде способность человека из доставляемого действительностью материала созидать (на основе познания закономерностей объективного мира) новую реальность, удовлетворяющую многообразным общественным потребностям. Виды творчества определяются формой созидательной деятельности: творчество изобретателя, организатора, научное и художественное творчество и т.п. Оно выражается в способности человека к зрелищному мышлению и самостоятельному це-

леполаганию, развитой интуиции, художественной фантазии, способности не только адаптироваться к новому, но и создавать его, творить самого себя.

Для выяснения специфики творческой деятельности методически важно рассмотреть взаимосвязь таких понятий, как «деятельность» и «творчество». Второе понятие шире первого, так как может соответствовать любому созданию новых продуктов, вплоть до природного творчества. Применительно же к деятельности конкретных людей эта взаимосвязь раскрывается в таком аспекте: всякое творчество может рассматриваться как деятельность, но не всякая деятельность является творчеством. Поэтому и возникает строгая необходимость введения понятия «творческая деятельность» как деятельности созидательной; в противовес деятельности репродуктивной (по образцу), направленной на воспроизведение уже имеющихся в прежнем опыте продуктов [4].

Вопрос организации творческой деятельности школьников имеет важное и принципиальное значение. Принцип «Делай, как я» («Повторяй за мной») не может выступать стимулом для творчества. Строгая регламентация учебно-воспитательного процесса, командно-авторитарные методы работы, репродуктивный режим обучения, отсутствие целенаправленного подхода к развитию творческого мышления приводят к тому, что творческая деятельность не является собственн таковой. В результате свободному полету фантазии противостоит деятельность по готовым алгоритмам, творческой самостоятельности – подражание, имитация.

Однако существует реальная возможность создать такие условия и такие методы преподавания, которые в большей степени будут соответствовать требованиям учебной деятельности на уроках музыки.

В частности, важным условием является предоставление детям творческой свободы. Свободы не тождественной вседозволенности, а свободы с точным пониманием дисциплины и ответственности. Это условие предполагает свободу выбора вида деятельности (пение, движение под музыку, слушание, импровизация), средств для выполнения задания (характер звукоизвлечения, тембр, ритм и т.д.), свободу действий (возможность двигаться по классу, посоветоваться).

С приходом в школу у ребенка не только изменяется ведущий вид деятельности, но и происходит смена устремлений, мотивов, интересов. Однако потребность проявлять себя в художественной (изобразительной, музыкальной) деятельности у младших школьников довольно высока. Они испытывают стойкое желание заниматься художественно-творческой деятельностью, но с возрастом, как правило, оно гаснет. Это является не возрастной неизбежностью, а следствием не совсем правильной организации учебно-воспитательного процесса, и, что более важно, недостаточного внимания к формированию мотивации творчества. Таким образом, следующим необходимым условием является создание творческой атмосферы, которая способствовала бы формированию творческой фантазии детей.

Желание ребенка выразить свои эмоции и чувства – сильный стимулирующий фактор, позволяющий детям активно включаться в художественно-творческую деятельность. Исследование механизмов стимулирования творчества привело нас к выводу, что важную роль в проявлении творческой активности играет интерес. Наличие интереса ребенка можно установить по регулярному выбору чего-то значимого для себя лично. Часто выбор говорит об уровне творческой активности учащегося, а также характере его предпочтений. Обогащение опыта новыми впечатлениями позволяет корректировать интерес ребенка.

Безусловно, важным в творческой деятельности является активизация человеческих чувств и эмоций. Эмоции стимулируют творческий акт, вдохнов-

ляют творца. С другой стороны, они определяют отношение человека к жизни. Важно сформировать особое отношение, называемое эстетическим, то есть осознанное переживание своего непосредственного единства с миром, восприятие неповторимого чувственного облика людей, предметов, явлений природы не как внешнюю их сторону, а как прямое выражение внутреннего состояния, настроения, характера. Но приобрести эстетическое отношение к действительности – это значит измениться и самому, проделать определенную работу над самим собой, пройти некоторый путь саморазвития. Сознательное, ценностное отношение к знаниям, положительные, рождающие успех эмоции – это условие и цель завершеного, глубокого усвоения содержания изучаемой дисциплины.

Особенно важны положительные эмоции при освоении опыта творческой деятельности. Оценочно-эмоциональное отношение к деятельности формируется в самой деятельности, для осуществления которой необходимы знания и навыки. На уроках эстетического цикла эмоциональное переживание является результатом выполнения искусством своих функций. Из чего следует, что эмоциональное переживание на музыкальных занятиях – это закономерный итог организации учебного процесса, всех действий учителя на уроке и деятельности учащихся.

Стремление ребенка выразить свой внутренний мир в музыкальном творчестве во многом зависит от личности учителя-воспитателя. Следует исходить из аксиомы, что творческую личность может вырастить только творческий педагог. И поскольку проблема выявления задатков и трансформации их в совокупность качеств, определяющих творческую личность, выступает как педагогическая, имеет смысл выделить ее «рычаги», которые качественно меняют учебно-воспитательный процесс, делая его творческим. Это возможно в случае грамотного педагогического руководства, учитывающего возрастные и индивидуальные особенности детей. Важно, стремясь к данной цели, смотреть на ученика как на личность, для которой необходима не только сама деятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельности. Для того, чтобы младшие школьники работали с полной творческой отдачей, им необходимы положительные эмоции и признание, что возможно в случае осторожного подхода к оценке результата творческой деятельности – переход от количественной оценки к качественному анализу индивидуального уровня развития.

Творческая деятельность младших школьников имеет не только большую самоценность, но и является действенным средством формирования музыкального мышления, под которым мы понимаем реализацию способности личности осмысленно и выразительно интонировать, в результате чего рождается индивидуальный вариант музыкального образа и собственное эмоционально-ценностное отношение. При создании необходимых педагогических условий для ее организации мы можем решать важные задачи, стоящие перед начальным музыкальным образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Программы средней общеобразовательной школы. Музыка (I–VIII классы).* – М., 1997. – 88 с.
2. *Музыкальное образование в школе: Учеб. пособие для студ. муз. фак. и отд. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Л.В. Школяр, В.А. Школяр, Е.Д. Критская и др.; под ред. Л.В. Школяр.* – М., 2001. – С. 130.
3. *Петрушин В.И.* Музыкальная психология: Учеб. пособие для студ. и преп. – М., 1997. – 384 с.

4. **Александрова С.А.** Творческая деятельность как средство формирования музыкального мышления младших школьников // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: Материалы междунар. научн. конф. / Отв. ред. У.Д. Розенфельд. В 2 ч. – Ч. 2. – Гродно, 2004. – С. 172–175.

S U M M A R Y

Educational conditions of organizing junior pupils' creative activity at music lessons are considered in the article. Peculiarities of children's creativity and educational management are described.

Поступила в редакцию 20.12.04

УДК 159.922.7

В.П. Волчок

Взаимодействие родителей с детьми как объект психологического исследования

История взаимодействия и взаимоотношений родителей с детьми тесно связана с историей существования семьи. Семья, по мнению Л.Г. Моргана, никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей [1]. В первобытном обществе отношение к детям отражало суровую борьбу за существование. Мак-Леннан, основоположник истории семьи и авторитет в этой области, приводит данные о широко распространенном среди дикарей обычае убивать детей женского пола тотчас после их рождения [1]. Существовавшая тогда форма группового брака вела к распространению половых связей между родителями и детьми. Дети не знали своего отца, а воспитание детей было задачей всего первобытного рода.

С развитием цивилизации утвердилась моногамная форма семьи как следствие победы частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью. Согласно Ф. Энгельсу, целью единобрачия, провозглашенного греками, было господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство [1]. Влияние родителей на детей возрастает с переходом от общинных форм существования семьи к моногамной семье, вместе с тем возрастает и значение детей в жизни родителей. Моногамная форма семьи способствует более тесным и близким эмоциональным отношениям между родителями и детьми, а, следовательно, большей их взаимозависимости.

Процесс отрыва от семейных уз описан К.Г. Юнгом через обряд инициации, после которого матерям запрещено разговаривать с собственными сыновьями, так как молодые люди уже не их дети, матери становятся женщинами среди прочих. Таким образом дети освобождаются от влияния матери [2].

Моментом рождения современной семьи Е. Шортер считает середину девятнадцатого века, именно в этот период семья начинает существовать как ограниченная ячейка общества из матери, отца, детей, проводящих повседневную жизнь у домашнего очага, который является основным местом частной жизни [3]. Дж. Элдер пишет о том, что индустриализация общества принесла в семью усиление родительского контроля над подростками и уменьше-

ние юношеской независимости [3]. Смыслом существования семьи все больше становится частная жизнь, и она сосредотачивается на воспитательных задачах: обеспечении социального продвижения детей и поддержании своей системы ценностей. При этом родители в семье исполняют различные социальные функции. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, отец проторяет ребенку путь к человеческому обществу. По словам А. Гремса, материнская забота обеспечивает возможность принятия, отцовская же забота побуждает к отдаче. И то, и другое необходимо для развития личности [4]. Э. Фромм также указывал на социально-экономическую функцию отца и связывал ее с возникновением частной собственности и возможностью передавать наследство одному из потомков, когда отец стал ждать появления сына, чтобы оставить ему свое дело [5].

Отец также представляет для детей естественный источник знаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социальных целей и идеалов. Часто отец олицетворяет авторитет, дисциплину и порядок в семье, а его профессия представляет экономическую базу обеспечения семьи, поэтому присутствие отца в семье повышает уверенность и устойчивость детей в обществе [4].

Вместе с изменением взаимоотношений в семье меняется и отношение к детям в обществе. Анализ популярных книг о воспитании детей в семье, изданных в период с 1850 по 1950 годы, позволил Й. Лангмейеру и Э. Матейчику установить сдвиги в приоритетных ценностях: постоянное понижение морализующей оценки характера выносливости и, наконец, явное возрастание подчеркивания связей с ребенком, возрастание акцента на продуктивность и успешность. Семья выступает как фактор социализации ребенка, как один из важнейших социальных институтов.

Конференция экспертов (педиатров, психологов, педопсихиатров и социальных работников), устроенная в 1954 году в Стокгольме Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), пришла почти к единодушному заключению, что госпитализация ребенка может представлять опасность для его здорового психического развития [4, с. 171]. Отсюда выводились определенные требования, направленные на профилактику; рекомендовалось по возможности избегать госпитализации, принимать матерей совместно с малыми детьми, предоставлять возможность ежедневных посещений и, кроме того, провести глубокие изменения режима и превратить всю среду больниц в «более гуманную» [4, с. 109].

Изменение общественно-экономических условий неизбежно ведет к изменениям взаимоотношений и взаимодействия в семье. Ярким примером этого является Китай, где в течение короткого периода времени произошел «революционный переворот» в области общественных отношений. Он характеризуется резким переходом от постфигуративной культуры (основанной на традиции и почитании предков) к префигуративной, в которой ведущая роль принадлежит молодежи. Это связано с двумя факторами: во-первых, молодежь гораздо лучше приспособлена к восприятию и внедрению технических новшеств, во-вторых, она в большей степени способна отказаться от традиционных представлений, заменяя их новым мировоззрением [6]. Новое заключается и в том, что законодательно предписывается семье иметь одного ребенка, а это находится в резком противоречии с многовековой традицией китайцев. Господство мужчин, старшего поколения (например, старшего брата) обеспечивалось сильной экономической зависимостью, определенными социальными и религиозными принципами. Освобождение от экономической зависимости, переход к нуклеарной семье (семье, состоящей из матери, отца

и детей, не включающей дедушек, бабушек и т.д.) в корне изменил отношения между родителями и детьми.

Большое значение для формирования определенного стиля общения с детьми в семье имеют социокультурные традиции, которые влияют на выбор тех или иных стратегий взаимодействия родителей с детьми. А.Г. Асмолов отмечает, что исследования, проводимые социологами, историками культуры, филологами, этнографами, часто не попадают в поле зрения психологов. Вместе с тем, без ориентации на исследования представителей этих наук проблема о том, что социализируется личностью, какое предметное содержание вычерпывается ею в культуре, остается нерешенной [7].

Изучение культуры может углубить и представление о механизмах передачи социально-типических образцов родительского поведения от поколения к поколению. Д. Штерн и А. Фогель показали, что на привязанность матери к младенцу влияет ее собственная привязанность к своим родителям [8]. Существует достаточно аргументированная точка зрения, что воспроизведение стиля воспитания из поколения в поколение – общая закономерность [9–13]. Внутрисемейные взаимодействия, с одной стороны, способствуют ассимиляции культурных схем общества в структуру личности, с другой – аккомодируют внутренний мир индивида к культурным схемам общества [14].

Э.Л. Дугарова обнаружила в своем экспериментальном исследовании, что в бурятских семьях наблюдается меньшее количество запретов, меньшее проявление расширения сферы родительских чувств (по Эйдемиллеру), чем в русских семьях [14].

В кросс-культурном исследовании взаимодействия с детьми русских и немецких матерей, выполненным Л. Анерт, Т. Майшнер, А. Шмидт и В.А. Доскиным [9], установлены различия в использовании интерактивных средств. Русские матери применяли их чаще в эмоциональной манере (похвала, одобрение), в то время как немецкие матери предпочитали прагматически направленные средства взаимодействия (скупость на слова, конкретный характер высказываний). Авторы делают вывод о влиянии религиозных моделей на формирование воспитательных концепций. Воспитательные концепции русских носят в большей степени морально-эмоциональный характер, обусловленный характерными для русских семей ценностями братства и взаимопомощи в смысле христианской любви к ближнему. Немецкие же воспитательные концепции можно описать скорее как рационально-прагматические, представляющие собой конгломерат представлений о ценности дисциплины, послушания, авторитета и протестантской этики индивидуализма и достижений [9].

Большое внимание традициям воспитания в семье уделяется в позитивной семейной психотерапии Н. Пезешкиана. Носсрат Пезешкиан пишет о том, что определенные паттерны взаимодействия можно рассматривать в качестве культурных особенностей, свидетельством тому служит восточная привязанность детей к родителям. «Это своеобразная социальная пуповина, на которую почти не влияет расстояние. Подарки, личные знаки внимания из дома, частые телефонные звонки, финансовая помощь помогают поддерживать семейные связи. В западном же индустриальном обществе в противовес этому желательными качествами являются независимость и автономия.

М. Бэкон, И. Чайлд и Х. Берри из Йельского университета проанализировали данные о 48 общинах (8 – африканских, 11 – североамериканских индейских, 5 – южноамериканских индейских, 16 – островных тихоокеанских и 8 – азиатских), где отсутствовала письменность, для выяснения вопроса о наличии связи между традициями воспитания детей и уровнем преступности. Общины были выбраны по признаку географического разнообразия и

наличия информации о них (из проведенных ранее антропологических исследований). Уровень преступности определялся по распространенности воровства и причинения вреда конкретной личности (насилие, клевета, наведение порчи). Эти данные сопоставлялись с традициями воспитания детей. Были обнаружены следующие ярко выраженные тенденции: 1. Общины, где родители были заботливы (отзывчивы на потребности ребенка, ласковы, не строги), отличались низким уровнем преступности. 2. Воровство было наиболее распространено в общинах, где для воспитания послушания, ответственности и самостоятельности применялись методы наказаний и строгости. 3. И воровство, и преступления против личности были весьма распространены там, где воспитание мальчиков было исключительно обязанностью матерей и где отсутствовала возможность возникновения тесных эмоциональных связей с отцами. 4. Преступления против личности были наиболее частыми в общинах, где детей грубо и неожиданно заставляли проявлять самостоятельность.

Существенное влияние на процесс взаимодействия родителей с детьми оказывает тот или иной уровень социокультурного развития семьи. А. Бревертон, Е. Батес и Д. Штерн установили непосредственную связь между уровнем интеллектуального развития матери и способностью понимать и удовлетворять потребности ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1973. – 240 с.
2. **Юнг К.Г.** Аналитическая психология. – СПб., 1994. – С. 136, 182.
3. **Кле М.** Психология подростка. – М., 1991. – 173 с.
4. **Лангмейер Й., Матейчик З.** Психическая депривация в детском возрасте / Пер. с чешск. – Прага, 1984. – 335 с.
5. **Фромм Э.** Искусство любить. Исследование природы любви / Пер. с англ. – М., 1990. – 160 с.
6. **Ремшидт Х.** Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / Пер. с нем. – М., 1994. – 320 с.
7. **Асмолов А.Г.** Личность как предмет психологического исследования. – М., 1984. – 104 с.
8. **Мухамедрахимов Р.Ж.** Формы взаимодействия матери и младенца // Вопросы психологии, 1994, № 6. – С. 16–25.
9. **Захаров А.И.** Как предупредить отклонения в поведении ребенка. – М., 1993. – 192 с.
10. **Кон И.О.** Психология юношеского возраста. – М., 1979. – 175 с.
11. **Семья как объект философского и социологического исследования.** – М., 1974. – 150 с.
12. **Семья у народов Америки** / Под ред. **Ш.А. Богиной.** – М., 1991. – 312 с.
13. **Дугарова Э.Л.** Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных отношений // Вопросы психологии, 1994, № 4. – С. 45–56.
14. **Дугарова Э.Л.** Влияние стилевых особенностей семейного воспитания на складывающийся тип личности младшего школьника. Автореф. на соискание уч. ст. канд. психол. наук. – Иркутск, 1995. – 20 с.

S U M M A R Y

In the modern world the family is regarded as determining not only a child's development of the child, but the whole society as well. The article deals with the study of interaction between parents and their children.

Поступила в редакцию 20.12.2004

наличия информации о них (из проведенных ранее антропологических исследований). Уровень преступности определялся по распространенности воровства и причинения вреда конкретной личности (насилие, клевета, наведение порчи). Эти данные сопоставлялись с традициями воспитания детей. Были обнаружены следующие ярко выраженные тенденции: 1. Общины, где родители были заботливы (отзывчивы на потребности ребенка, ласковы, не строги), отличались низким уровнем преступности. 2. Воровство было наиболее распространено в общинах, где для воспитания послушания, ответственности и самостоятельности применялись методы наказаний и строгости. 3. И воровство, и преступления против личности были весьма распространены там, где воспитание мальчиков было исключительно обязанностью матерей и где отсутствовала возможность возникновения тесных эмоциональных связей с отцами. 4. Преступления против личности были наиболее частыми в общинах, где детей грубо и неожиданно заставляли проявлять самостоятельность.

Существенное влияние на процесс взаимодействия родителей с детьми оказывает тот или иной уровень социокультурного развития семьи. А. Бревертон, Е. Батес и Д. Штерн установили непосредственную связь между уровнем интеллектуального развития матери и способностью понимать и удовлетворять потребности ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1973. – 240 с.
2. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. – СПб., 1994. – С. 136, 182.
3. *Клв М.* Психология подростка. – М., 1991. – 173 с.
4. *Лангмейер Й., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте / Пер. с чешск. – Прага, 1984. – 335 с.
5. *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви / Пер. с англ. – М., 1990. – 160 с.
6. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / Пер. с нем. – М., 1994. – 320 с.
7. *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. – М., 1984. – 104 с.
8. *Мухамедрахимов Р.Ж.* Формы взаимодействия матери и младенца // Вопросы психологии, 1994, № 6. – С. 16–25.
9. *Захаров А.И.* Как предупредить отклонения в поведении ребенка. – М., 1993. – 192 с.
10. *Кон И.О.* Психология юношеского возраста. – М., 1979. – 175 с.
11. *Семья как объект философского и социологического исследования.* – М., 1974. – 150 с.
12. *Семья у народов Америки* / Под ред. *Ш.А. Богиной.* – М., 1991. – 312 с.
13. *Дугарова Э.Л.* Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных отношений // Вопросы психологии, 1994, № 4. – С. 45–56.
14. *Дугарова Э.Л.* Влияние стилевых особенностей семейного воспитания на складывающийся тип личности младшего школьника. Автореф. на соискание уч. ст. канд. психол. наук. – Иркутск, 1995. – 20 с.

S U M M A R Y

In the modern world the family is regarded as determining not only a child's development of the child, but the whole society as well. The article deals with the study of interaction between parents and their children.

Поступила в редакцию 20.12.2004

Пытанні як сродак засваення лінгвістычнай інфармацыі школьнага падручніка

Школьнае навучанне, арыентаванае на спасціжэнне элементарных навучковых ісцін, можна ўявіць як пошукі адказаў на пытанні настаўніка, падручніка, аднакласнікаў, у ідэале – на пытанні, звернутыя да сябе. Як дыдактычны сродак, кампанент вучэбнай камунікацыі пытанне пранізвае ўвесь працэс навучання. Іншая справа, што традыцыйна яно суадносіцца ў вучняў не з актыўнай разумовай дзейнасцю, не з неабходным элементам пазнання, а найчасцей з яго завяршальнай стадыяй – кантралючай. Выніковыя спробы даследаваць тэорыю пытання з дыдактыка-метадычных пазіцый належаць В.Ф. Беркаву, Л.П. Даблаеву, Б.В. Жураўлёву, Н.А. Мянчынскай. Так, Л.П. Даблаеў эксперыментальна даказвае, што змест вучэбнага тэксту выступае як сукупнасць тэкставых сітуацый з патэнцыяльнымі («схаванымі») пытаннямі. Аднак адна эфектыўнасць працэсу пазнання залежыць ад ступені сфарміраванасці ўменняў выяўляць і асэнсоўваць гэтыя сітуацыі: «Спецыфіка разумення тэксту ў канчатковым выніку праяўляецца менавіта ў вырашэнні пэўных, няхай вельмі своеасаблівых задач або праблемных сітуацый, запраграмаваных у тэксце, у пошуках адказаў на пытанні, якія тэкст выклікае ў чытача (нават калі адказы ўтрымліваюцца ў самім тэксце)» [1].

Праецыруючыся на змест таго ці іншага школьнага прадмета, не страчваючы і не змяняючы сваёй агульнай скіраванасці, – быць своеасаблівым правадніком паміж пазнаным і непазнаным (або не да канца пазнаным), пытанні набываюць спецыфічныя асаблівасці з улікам дыдактычных задач і характарыстык. Паколькі пытанні – традыцыйны элемент вучэбнай кнігі па мове, звернемся да іх функцыянальнага прызначэння ў структуры дзейных школьных падручнікаў з мэтай акрэсліць іх ролю і месца ў сістэме працы з навуковым тэкстам. Падчас аналізу ўлічваліся «чыстыя» звароты, у якіх пытанне перадаецца пыталым сказам, і заданні, аформленыя як «папрабаванне выбару правільнага меркавання або клас прапанаваных меркаванняў, якія пэўным чынам суадносяцца адзін з адным і з'яўляюцца магчымымі прамымі адказамі» [2]. Умовімся прымаць пад увагу толькі пытанні, што выкарыстоўваюцца пры аналізе метатэкстаў і адзінак навуковага стылю.

З пазіцый пазнавальнай функцыі ў школьных падручніках пераважаюць пытанні *рэпрадуктыўнага* (інфармацыйнага, вытлумачальнага) *зместу*. Як правіла, яны накіраваны на літаральнае ўзнаўленне звестак, азначэнняў, паняццяў, фактаў. Матэрыял, які неабходна задзейнічаць пры адказах, утрымліваецца ў тэкстах у гатовым выглядзе. Звычайна падобныя пытанні суправаджаюцца папрабаваннем прывесці ўласныя прыклады. У такім выпадку пераказ інфармацыі дапаўняецца тлумачэннем лінгвістычных фактаў, інтэрпрэтацыя якіх адбываецца пераважна паводле ўзору, прапанаванага ме-

татакстам (настаўнікам). Узнаўляльны характар пытанняў адпаведна мае перадумовай адказы-рэпрадукцыі, якія не падразумеваюць атрымання новай інфармацыі.

Нязначную частку ў школьным падручніку па мове складаюць *праблемныя* пытанні. Як элемент пазнавальнай сітуацыі, такія пытанні-задачы прымушаюць выйсці за межы вядомага, уключаюць у вырашэнне вучэбнай супярэчнасці, якая ўзнікае як дыдактычная няўзгодненасць паміж вывучанымі правіламі і новымі моўнымі фактамі, засвоенай тэорыяй і яе практычным прымяненнем, навуковымі і жыццэйскімі ведамі. Малалікасць праблемных пытанняў, на нашу думку, можа тлумачыцца наступнымі прычынамі:

– сённяшнія падручнікі традыцыйна выкарыстоўваюць інфармацыйна-тлумачальны спосаб выкладу вучэбнага матэрыялу. Лінейная падача лінгвістычных звестак выключае магчымасць прадэманстраваць супярэчлівасць, недасканаласць і нявырашанасць пэўных мовазнаўчых пытанняў;

– агульнапрыняты стыль выкладу ў школьных падручніках пазбягае праблемных момантаў пры падачы тэорыі. Славыты прынцып даступнасці вучэбнага матэрыялу, узведзены ў абсалют, фактычна дае санкцыю на уніфікаванасць магчымасцей і здольнасцей дзіцяці. Так, падручнікі па мове для сярэдніх і старэйшых класаў адрозніваюцца, як правіла, аб'ёмам лінгвістычнай інфармацыі. Змены ж павінны насіць сутнасны характар (напрыклад, увядзенне спрэчных момантаў, фарміраванне даследніцкіх навыкаў). На сённяшні дзень тэарэтычная частка падручніка ўяўляе сабой статычную сістэму звестак без асвятлення нявырашаных, складаных праблем. У гэтым выпадку дыстыляваная, прафільтраваная лінгвістычная тэорыя ў чарговы раз падмяняе дыялог маналогам. Ідэя дыялога як формы існавання чалавека ў сітуацыі бытавання «множнасці» («многместного множества», паводле В.С. Біблера) культур патрабуе асэнсавання дыялогавых формаў навучання, што павінна праяўляцца як у знешнім, так і ва ўнутраным дыялогу з падручнікам, на аснове якога вучань фармулюе пытанні да тэкстаў і самастойна знаходзіць на іх адказ;

– праблемныя пытанні патрабуюць выбару правільнага рашэння з некалькіх варыянтаў, пазіцый. Гэта магчыма тады, калі падручнік змяшчае разнародныя паводле сваёй сутнасці матэрыялы, ацэнкі, меркаванні адносна моўных з'яў і фактаў. Паколькі «аднапазіцыйны» характар падручніка не дазваляе ўключаць падобныя звесткі, страчваецца сама магчымасць выбару. У выніку ўспрыманне «гатовай» інфармацыі і «готовых» узораў вяртае вучняў у рэчышча апісальна-вытлумачальнага мыслення;

– выкарыстанне праблемных пытанняў абмяжоўваецца дыдактычным патэнцыялам вучэбнага матэрыялу, а таксама творчымі магчымасцямі складальнікаў. Трэба пагадзіцца з тым, што ўзровень падручнікаў не ў апошняй ступені абумоўлены метадычным майстэрствам, канцэпцыяй аўтараў.

Удзельная вага *крытычных* пытанняў у школьных падручніках па мове мінімальна. Як крытычныя мы кваліфікуем пытанні, якія сваёй сутнасцю накіраваны не толькі на пазнанне новых характарыстык, уласцівасцей, функцый моўных з'яў, але і на асэнсаванне, уласную ацэнку вучнем атрыманай інфармацыі. Такія пытанні патрабуюць выхаду за межы абавязковых (базавых) ведаў і разлічаны на ўменне аналізаваць, разважаць, абагульняць. Адказы на іх не вынікаюць непасрэдна з тэксту, а разлічаны на выкарыстанне вядомага, засвоенага ва ўмовах новай маўленчай сітуацыі. Пазнавальная сутнасць крытычных пытанняў выяўляецца ў заданнях на ўстанаўленне прычына-на-выніковых сувязей у лінгвістычных тэкстах. Як вядома, якраз «для мовы навукі, у якой разважанне выступае пераважным функцыянальна-сэнсавым тыпам маўлення, асабліва значныя прычынна-выніковыя адносіны» [3]. Кры-

тычныя пытанні патрабуюць сутнаскага параўнання моўных з'яў, класіфікацыйных аперацый, сфарміраванай гатоўнасці вылучаць, кваліфікаваць і тлумачыць пэўныя заканамернасці, абагульняць і сістэматызаваць звесткі. У сістэме заданняў падручніка яны сведчаць пра неабходнасць выпрацоўваць свядомыя навыкі аналізу тэксту, што мае на ўвазе а) выяўленне сэнсавых прагалаў у тэксце і спробы ўласных дапаўненняў да прачытанага, б) выказванне сумненняў або нязгоды і в) адстойванне сваіх поглядаў, уласнай пазіцыі» [1, с. 135].

Такім чынам, аналіз заданняў да навуковых тэкстаў у падручніках па мове адлюстроўвае спецыфіку школьных ведаў і выяўляе відавочныя дыспарорцыі ў характары пытанняў (інфармацыйныя, праблемныя, крытычныя). Удзельная вага апошніх у структуры заданняў мінімальная. З улікам выяўленых тэндэнцый (недасканаласць, адсутнасць сістэмы пытанняў у вучэбных кнігах па мове) стваралася праграма *навучальнага эксперыменту*, мэта якога акрэслівалася як фарміраванне навыку выяўляць «патэнцыяльныя» тэкставыя сітуацыі.

Адной з задач эксперыментальнай працы з'яўлялася распрацоўка сістэмы навучання, якая забяспечвала б фарміраванне асэнсаванага і адэкватнага ўмення фармуляваць пытанні да навуковага тэксту. Праграма навучальнага эксперыменту будавалася з улікам наступных палажэнняў:

а) станаўленне практычных навыкаў адбываецца на тэарэтычнай аснове. У сувязі з гэтым школьныя падручнікі па мове павінны змяшчаць «метадалагічны мінімум» неабходнай інфармацыі:

– пытанне адлюстроўвае прадуктыўны характар мыслення;

– пытанне сведчыць пра актыўнасць разумовай дзейнасці;

– пытанне як пазнавальны сродак акрэслівае характар і напрамак працэсу пазнання як пераходу «ад няведання да ведання, ад ведання менш глыбокага і дакладнага да ведання больш глыбокага і трывалага» [2, с. 3];

– сукупнасць пытанняў да тэксту (адпаведна прагназаваныя разгорнутыя адказы на іх) адлюстроўвае логіку развіцця асноўнай думкі выказвання;

– лагічныя («правільныя») пытанні патрабуюць адпаведных сродкаў моўнага афармлення;

б) праграма эксперыменту прадугледжвала як змест, характар (рэпрадуктыўны, прадуктыўны), патрабаванні да фармулёвак, так і паслядоўнасць увядзення пытанняў. Традыцыйна пытанні ў падручніку змяшчаюцца пасля тэксту. У сістэме эксперыментальнага навучання вучні знаёміліся з пытаннямі да яго прачытання. Гэта папярэдне арыентавала на пошукі, знаходжанне сэнсавых апор тэксту пры яго першасным успрыманні і, што надзвычай важна, змяняла сутнасць пытанняў. Заданні па ўзнаўленні зместу набывалі характар пошукавай вучэбнай дзейнасці;

в) абсалют пытанняў, накіраваных на фактаграфічнае ўзнаўленне зместу, адлюстроўвае дамінуючы тып рэпрадуктыўнай пазнавальнай дзейнасці. Пазіцыя спажываць «готовыя» веды абумоўлівае тэндэнцыю фармуляваць пытанні, адказы на якія патрабуюць элементарнага прагаворвання, агучвання пройдзенага матэрыялу. У выніку адбываецца фетышызацыя школьных ведаў, своеасаблівая катэхізацыя пытанняў. У такім выпадку пытанні як абсалютны сродак праверкі ведаў і сугучныя ім адказы-рэпрадукцыі становяцца неад'емным атрыбутам вучэбнага працэсу;

г) мэтанакіраваны характар пытанняў, кожнае з якіх усведамляецца як арганічны элемент цэласнага аналізу, стварае аснову для свядомай працы з навуковым тэкстам;

д) самастойнае выяўленне і фармулёўка патэнцыяльных пытанняў, «схаваных» у змесце, з'яўляецца істотным прыёмам самакантролю ў працы з навуковым тэкстам. Як «састаўная частка любога інтэлектуальнага ўмення» (Н.А. Мянчынская) самакантроль сведчыць пра наяўнасць устойлівых навыкаў.

Гэты момант лічым надзвычай важным у фарміраванні метадалагічных ведаў, паколькі вучань у такім выпадку арыентуецца на абагульнены ўзор, пэўны стандарт, агульнапрынятыя правілы асэнсавання і разумення тэксту;

е) у сістэме эксперыментальнага навучання змяняўся не толькі характар, але і тып заданняў – ад пытанняў, патэнцыяльна звернутых да рэальных або ўяўных суб'ектаў, да пытанняў рэфлексійнага зместу, якія ставяць за мэту ацаніць, удакладніць, канкрэтызаваць логіку ўласных меркаванняў. Самапастаноўка пытанняў сведчыць пра якасна новы этап інтэлектуальнага развіцця вучняў, іх здольнасць выявіць праблемную сітуацыю, накіраваную на «расчлянненне» і аналіз тэксту.

Параўнанне вынікаў навучання ў эксперыментальных і кантрольных класах засведчыла дастаткова высокі ўзровень сфарміраванага ўмення фармуляваць пытанні да навуковага тэксту. Адекватнасць дасягнутых паказчыкаў можа быць забяспечана захаваннем сутнасна вызначальных падыходаў, рэалізаваных у праграме навучальнага эксперыменту:

1) як правіла, у практыцы школьнага навучання пытанні найперш суадносяцца з формай кантролю за засваеннем ведаў. Трэба дапамагчы вучням зняць гэты псіхалагічны бар'ер, прывучыць іх да думкі, што спасціжэнне любога прадмета не можа абысціся без пытанняў як пазнавальнага сродку. Пытанні – паўнацэнны кампанент працэсу пазнання, асэнсавання новага матэрыялу, неабходны лагічны элемент пераходу ад няведання да ўсвядомленых ведаў, эфектыўны сродак разумення і аналізу тэксту. З гэтай прычыны важна, каб вучні ўспрымалі пытанне як логіка-лінгвістычную катэгорыю, форму прадуктыўнага мыслення, накіраванага на актыўнае асваенне матэрыялу;

2) уменні фармуляваць пытанні да зместу прачытанага, прымяняць іх у якасці сродку самакантролю не фарміруюцца стыхійна, а патрабуюць папярэдняй свядомай і сістэматычнай працы. У адваротным выпадку пастаноўка пытанняў вучнямі не прад'явілася неабходнасцю зразумець тэкст, ранжыраваць інфармацыю, вылучыць галоўнае і другаснае. Неўсвядомленае фармуляванне пытанняў (як рэакцыя на прад'яўленую настаўнікам задачу) з'яўляецца малакаштоўным у пазнавальных адносінах. Спонтанныя, адвольныя пытанні не канцэнтруюцца вакол «сэнсавых апор», носяць, як правіла, павярхоўны характар, у лепшым выпадку перафразіруюць, дубліруюць інфармацыю, якую змяшчаюць асобныя сказы, часткі тэксту;

3) логіка пытанняў да прачытанага асэнсоўваецца вучнямі на аснове папярэдне засвоенай інфармацыі аб зместавых і структурных асаблівасцях тэксту. Пытанні вучняў павінны мець пад сабой «лінгвістычны грунт» у выглядзе тэарэтычных ведаў пра тэкст, яго кампаненты, сэнсава-структурную арганізацыю. У такім выпадку кожнае пытанне будзе скіравана на спасціжэнне сутнасных адзнак тэкставых катэгорый. Надзвычай важна, каб гэтая інфармацыя – пры ўсёй яе фрагментарнасці – адпавядала лінгвістычнай арганізацыі тэксту: дамінантнымі пазіцыямі такога аналізу выступаюць моўныя характарыстыкі адзінкі.

Такім чынам, уменне фармуляваць пытанні да тэксту, прымяняць іх як форму свядомага самакантролю для разумення прачытанага можа быць сфарміравана ў выніку сістэматычнай мэтанакіраванай працы. Улічваючы многааспектны характар тэксту, пытанні павінны ахопліваць розныя ўзроўні адзінкі: камунікатыўны, зместавы, структурны, моўны. Вучням неабходна засвоіць элементы структуры вучэбнага тэксту як рацыянальнай асновы для фармулёўкі пытанняў: тэма навуковага паведамлення, камунікатыўнае ядро адзінкі, кампазіцыйная, лагічная ўзаемасувязь семантычных блокаў, моўныя сродкі афармлення.

Тэарэтычнае асэнсаванне універсальных характарыстык вучэбнага тэксту дазваляе свядома выплываць сэнсавыя апоры адзінкі, выяўляць патэнцыяльныя лініі, што выступаюць асновай для фармулёўкі прадуктыўных, праблемных пытанняў. У перспектыве пытанні вучняў да зместу прачытанага (як і прагназаваныя адказы на іх) могуць паслужыць асновай для звязных выказванняў пра тэкст з улікам яго камунікатыўных і лінгвістычных параметраў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Доблава Л.П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. – М., 1982. – С. 9.
2. *Берков В.Ф.* Вопрос как форма мысли. – Мн., 1972. – С. 133.
3. *Слагодородская Л.В.* Научный диалог: лингвистические проблемы. – Л., 1986. – С. 36.

S U M M A R Y

The article is devoted to comprehension of a question as a traditional component of school textbooks on the Belarusian language. The detailed analysis reveals the peculiarity of linguistic knowledge and evident disproportions in the nature of tasks: reproductive, brain-storming and critical.

Поступила в редакцию 8.09.2004

УДК 808. 26 – 323

Г.К. Семянькова, І.М. Грушэўская

Неафіцыйныя найменні ў студэнцкім асяроддзі

Ва ўсе часы побач з абавязковай формай называння асобы беларусы шырока выкарыстоўвалі такія неафіцыйныя найменні, як мянушкі. У сучаснай беларускай мове слова *мянушка* мае два значэнні: 1) назва, дадзеная чалавеку жартам, у насмешку або для канспірацыі; 2) назва, дадзеная адной жывёле ў адрозненне ад іншых падобных. У першым значэнні мянушка – адзінка антрапаніміі, у другім – зааніміі [1].

Сярод мовазнаўцаў усталявалася думка, што мянушкі набывалі асаблівую папулярнасць у тых народаў, у якіх існуючая сістэма ўласных асабовых імёнаў была запазычана, таму простыя людзі не разумелі першаснага, зыходнага значэння, напрыклад, грэчаскага або лацінскага імені [2]. Неафіцыйныя найменні распаўсюджваюцца і тады, калі колькасць уласных асабовых імёнаў, якія могуць быць выкарыстаны, з'яўляецца абмежаванай. Так, ва ўсходніх славян доўгі час пасля прыняцця хрысціянства амаль кожны чалавек меў, акрамя кананічнага, царкоўнага, яшчэ і язычніцкае імя, якое, па сутнасці, і было мянушкай. Так было і ў арабскіх народаў доўгі час пасля мусульманізацыі [3]. Усё вышэйсказанае мае адносіны ў першую чаргу да перыяду, калі нашы далёкія продкі разам з прыняццем хрысціянства атрымалі новую сістэму іменавання, а разам з ёй – і незразумелыя для іх імёны лацінскага і грэчаскага паходжання.

Цікава, што нават у XXI стагоддзі, калі існуе вялікая колькасць мадэлей называння асобы, мянушкі не страцілі сваёй папулярнасці. Узнікае пытанне: ці адрозніваюцца сучасныя мянушкі ад тых, што ўжываліся нашымі продкамі? Мэта прапанаванага артыкула – апісаць мянушкі, якія бытуюць у студэнцкім асяроддзі: выявіць іх матывацыю, вылучыць групы, вызначыць месца сярод іншых форм ідэнтыфікацыі асобы. Матэрыялам для даследавання паслужылі сучасныя найменні, сабраныя ў 2003–2004 г. метадам апытання студэнтаў УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».

Як вядома, мянушкі называюць чалавека паводле пэўных характарыстычных рыс – знешніх і ўнутраных. У залежнасці ад таго, якая асаблівасць носьбіта пакладзена ў аснову, усе сабраныя адзінкі могуць быць аднесены да некалькіх груп, сярод якіх па колькасці пераважае група найменняў, утвораных ад прозвішчаў (ім належыць амаль 40% у агульнай колькасці сабраных адзінак): *Рыбка* – ад прозвішча Рыбакоў, *Курс* – ад Курсік, *Пачэл* – ад Пачопка і інш.

Адзначым, што не ўсе даследчыкі адносяць адпрозвішчныя дэрываты да мянушак, сцвярджаючы, што функцыя такіх адзінак выключна намінатыўная, яны нічога не могуць характарызаваць, з’яўляюцца асемантычнымі [4]. Г.М. Мезенка слухна заўважае, што «адпрозвішчныя дэрываты – асаблівы тып антрапанімаў. Асаблівасць іх заключаецца ў тым, што яны, у адрозненне ад мянушак, найчасцей не маркіраваныя, не выклікаюць негатыўных эмоцый, характарызуюцца нулявой унутранай формай» [1, с. 67].

З прыведзенай вышэй думкай не згаджаецца І.А. Шумская, якая адзначае наступнае: «І сапраўды, адпрозвішчныя мянушкі ў адрозненне ад ацэнчна-характарыстычных не заўсёды паказваюць на пэўныя прыкметы і ўласцівасці чалавека, але цалкам пагадзіцца, што яны ніяк не характарызуюць чалавека, мусіць, нельга. Бо ўсякая мянушка ёсць моўны знак, і ён, як і іншыя словы-знакі, мае багатую гаму адценняў. Таму і адпрозвішчныя мянушкі не могуць быць асемантычнымі, гэта супярэчыла б іх прызначэнню» [5]. У якасці пацвярджэння сваёй думкі І.А. Шумская прыводзіць прыклады розных мянушак, утвораных ад аднаго і таго ж прозвішча: *Баран* і *Баранчык* – ад прозвішча *Баранаў*, *Сцепанючка* і *Сцепанючыха* – ад *Сцепанюк*. У сабраным намі матэрыяле таксама сустракаюцца выпадкі ўтварэння розных антрапанімных адзінак ад аднаго і таго ж прозвішча: мянушкі *Масла* і *Маслёнак* – ад прозвішча *Маслюкова*, *Воўк*, *Ваўчок* і *Ваўчыха* – ад *Волкава*. Як бачна, прыведзеныя неафіцыйныя найменні адрозніваюцца семантычным адценнем, а інфарматыўная характарыстыка выражаецца ў іх пры дапамозе экспрэсіўна-эмацыянальных суфіксаў.

Такім чынам, нягледзячы на адрозненні ад ацэнчна-характарыстычных, адпрозвішчныя мянушкі маюць і шмат агульнага з названымі: яны, як і ўсе мянушкі, ужываюцца ў абмежаваным асяроддзі, акрамя асноўнай анамастычнай (намінатыўнай), выконваюць інфарматыўную і кантактную функцыі.

Мянушкі дадзенай групы ўтвараюцца, як правіла, шляхам усячэння фінальнай часткі прозвішча (*Кузя* – ад Кузьмянкова, *Амбра* – ад Амбразевіч) нярэдка з дапучэннем суфіксаў *-ік/-ык*, *-чык* (*Усік* – ад *Усава*, *Шарык* – ад *Шарава*, *Захарчык* – ад *Захарава*). Зрэдку ўсякаецца пачатак прозвішча (*Чук* – ад *Раманчук*, *Ніна* – ад *Мамоніна*) або адначасова пачатак і фінал (*Фіма* – ад *Яфіменка*, *Сечка* – ад *Жарнасекаў*).

Значную колькасць (20% ад усіх зафіксаваных мянушак) складаюць антрапанімныя адзінкі, што паходзяць ад уласных асабовых імёнаў: *Кактус* – ад імені Каця, *Ваевэрачка* – ад Вера, *Ленор* – ад Лена, *Канстанцыя* – ад Косця, *Алень* – ад Алена, *Анегіна* – ад Яўгенія, *Алянтайчык* і *Лёлік* – ад Вольга, *Вальдэмар* – ад Валеры, *Жанэт* – ад Жанна і інш. Адна частка такіх мянушак

уяўляе сабой арыгінальныя іншамоўныя «адпаведнікі», блізкія па гучанні з уласнымі асабовымі імёнамі (*Жанэт* і *Жанна*, *Вальдэмар* і *Валеры*), другая ж з'яўляецца вынікам своеасаблівых асацыяцый з уласным імем, якія цяжка растлумачыць (*Кактус* – *Каця*, *Вавёрачка* – *Вера*). Магчыма, пры ўтварэнні мянушак тыпу *Кактус* і *Вавёрачка* ўлічваліся пэўныя знешнія ці ўнутраныя якасці носьбіта.

Зафіксавана даволі шматлікая група антрапонімаў, у аснову якіх пакладзены рысы характару носьбіта (іх налічваецца крыху больш за 20% ад усіх мянушак):

- а) хітрая: *Галка*, *Маня* (дзяўчына вельмі любіць падманваць);
- б) ганарлівы: *Зорка Экрана*, *Марго* (паводзіць сябе як каралева), *Граф* (пераацэньвае свае магчымасці);
- в) з мастацкімі здольнасцямі: *Артыст*;
- г) спрытны: *Кузнечык*, *Шмыг* (вельмі хутка бегае, заўсёды знаходзіцца там, дзе цікава);
- д) клопатлівы: *Баця* (клопоціцца пра сваіх сяброў), *Міністр Лясгаса* (любіць прыроду);
- е) добрая: *Сястра* (праяўляе клопат, уласцівы старэйшым людзям);
- ж) летуценнік: *Космас*;
- з) надакучлівы, да ўсіх чэпіцца: *Шнурок*;
- і) востры на язык: *Язвачка*;
- к) разумны: *Мозг*, *Калейдаскоп*, *Док*, *Дацэнт*;
- л) няўключны: *Слон*, *Панда* (дзе ні павернецца – усё пераверне);
- м) дзівак: *Уці-Пуці*;
- н) нелюдзімы: *Дзікі*;
- о) гаваркі: *Балабол* (гаворыць пастаянна, без перапынку).

Названая група даволі разнастайная паводле матывацыйных прымет, пакладзеных у аснову найменняў. Як бачна, у большасці выпадкаў мянушкі фіксуюць адмоўныя якасці носьбіта, што з'яўляецца не выпадковым. Так, даследаванне прозвішчаў жыхароў Віцебскай вобласці выяўляе такую ж тэндэнцыю: лексемы, якія называюць адмоўныя рысы характару, выкарыстоўваюцца ў прозвішчаўтварэнні ў два разы часцей, чым тыя, што абазначаюць станоўчыя якасці [6]. Такая традыцыя існуе не толькі на тэрыторыі Віцебшчыны, але і ў беларускай антрапаніміі ўвогуле.

Мянушкі, матываваныя апелятывамі, што характарызуюць знешнасць, па колькасці не ўступаюць папярэдняй групе (каля 20%). Сярод іх прэвалююць найменні, якія апісваюць асаблівасці частак цела і паталагічныя адхіленні: *Суслік* (з вялікімі вушамі), *Кулік-Нага* (кульгавы), *Філін* (з дрэнным зрокам), *Кузнечык* (пры хадзе падскоквае), *Мурык* (дышае – нібы мурлыкае), *Касабланка* (каса паходка), *Трасагузка* (робіць шмат рэзкіх рухаў). Шэраг антрапонімаў паходзіць ад апелятываў, якія апісваюць колер валасоў носьбіта: *Белы* (валасы выпалены сонцам), *Белка*, *Рыжая* або яго рост і целасклад: *Кроха*, *Малы* (малога росту), *Сала*, *Жыр* (тоўсты), *Кашчэй*, *Косці* (худы).

Арыгінальнай, на наш погляд, з'яўляецца група мянушак, якія ўзніклі на аснове падабенства ў знешнасці або паводзінах носьбіта з нейкім чалавекам, жывёлай ці прадметам: *Крот* (таўставаты, жмурыцца пры яркім святле), *Кітайка* (з вузкімі вачамі), *Конь* (з вялікімі зубамі), *Дзяцел* (ніжняя частка твару нагадвае дзюбу), *Рыба* (вусны – як у рыбы), *Кролік* (зубы – як у зайца).

Штуршком для ўзнікнення мянушак можа служыць нават манера апранацца: *Клоун* (ходзіць у адзенні яркага колеру), *Плюша* (носіць вопратку з плюшу), *Цыплёнак* (часта апранаецца ў жоўтае).

Вылучана група мянушак, дадзеных па характары заняткаў у вольны час: *Карась* (аматар рыбнай лоўлі), *Дэцл* (захапляецца музычнай дзейнасцю спевака Дэцла), *Казачнік* (прыдумвае цікавыя гісторыі і анекдоты), *Пегас* (займаецца конным спортам, мянушка ўтварылася ад назвы конна-спартыўнай секцыі). Удзельная вага названай тэматычнай групы невялікая – менш за 2%.

Вельмі часта прычынай узнікнення неафіцыйных найменняў з'яўляюцца незвычайныя паводзіны і ўчынкі чалавека, яркі выпадак у яго жыцці, сведкам (ці сведкамі) чаго бывае той, хто і надзяляе носьбіта мянушкай. Напрыклад, мянушку *Трапіканка* атрымала дзяўчына, якая носіць кароткія спадніцы, мянушку *Князь* – хлопец, што ходзіць з вялікім пярсцёнкам, *Халява* – чалавек, які падчас сесіі нічога не вучыць. У дадзеную групу намі аднесены таксама антрапонімы *Аса* (балюча шчыплецца), *Маркоўка* (заўсёды ў спартыўным касцюме колеру морквы), *Мужык* (дзяўчына, якая паводзіць сябе як хлопец), *Свісь* (бярэ ўсё, што дрэнна ляжыць), *Ку-Ку* (з паводзінамі дзівака), *Гіпс* (схільны да траўматызму).

Матывацыйная база мянушак надзвычай разнастайная. Яна можа ўключаць нават словы, якія чалавек часта ўжывае: напрыклад, *Балван* (так носьбіт называе ўсіх, хто яго не разумее), *Радзі Бога*, *Цудоўненька*, *Чуда*, *Пух* (любімы выраз – «я прыпух») або лексемы, што называюць прадукты харчавання, якім аддаецца перавага: *Карамелька* (сапсаваны настрой дзяўчына ўздывае тым, што з'ядае шмат карамелек), *Маруся-Лакамка* (у аснову мянушкі пакладзены назвы любімых гатункаў марожанага – «Маруся» і «Лакамка»), *Віні-Пух* (вельмі любіць мёд). Цікавай з'яўляецца гісторыя ўзнікнення апошняй мянушкі: без дазволу дарослых хлопец залез у вулей, каб паласавацца мёдам, але быў пакусаны пчоламі. Нагадаем, што падобны выпадак адбыўся з Віні-Пухам – персанажам аднайменнага мультфільма.

Як вядома, кінематограф, тэлебачанне, эстрада, літаратура заўсёды ўплывалі на склад антрапанімікону. У наш час гэты ўплыў яшчэ больш узмацніўся. У студэнцкім асяроддзі выяўлены мянушкі, утвораныя ад іменаў герояў кіна- і мультфільмаў, тэлесерыялаў і нават рэкламных ролікаў. Носьбітам гэтых мянушак уласцівы тыя ж унутраныя або знешнія рысы, што і адпаведным персанажам. У дадзенай антрапанімнай групе можна вылучыць неафіцыйныя найменні, звязаныя:

а) з кінафільмамі: мянушку *Будулай* атрымаў малады чалавек, які знешне падобны на героя кінафільма «Цыган», *Лёлік* – мае рысы героя з «Брыльянтавай рукі», *Фантамас* – такі ж лысы, як і герой аднайменнага фільма, *Тарзан* – моцны, дужы;

б) з мультфільмамі: *Насатая* (так звалі мыш у адным з мультфільмаў), *Поначка* (дзяўчына вельмі падобна на персанаж з мультфільма У. Дыснея), *Скрудж* (скупы), *Дзюймовачка* (невысокая), *Вадзяны* (з вялікім жыватам);

в) з тэлеперадачамі: *Зелібоба* (паводзіны носьбіта нагадваюць паводзіны і маўленне героя праграмы «Вуліца Сезам»);

г) з рэкламнымі ролікамі: *Дося* (дзяўчына знешне падобна на парася), *Колгейт* (носьбіт падобны на хлопца, які рэкламуе пасту «Колгейт»).

Як відаць з прыведзенага вышэй матэрыялу, мянушкі могуць уступаць у адносіны аманіміі, калі ў адну і тую ж гукавую абалонку (*Кузнечык*, *Лёлік*) укладзена розная ўнутраная форма, г.зн. розныя ўласцівасці чалавека.

Такім чынам, сабраны матэрыял паказвае, што мянушкі ў студэнцкім асяроддзі даволі разнастайныя паводле матывацыйных прымет, пакладзеных у іх аснову. Гэтыя найменні адлюстроўваюць сённяшнія рэаліі, дэманструюць светапогляд, характар заняткаў сучасных студэнтаў. Большасць мянушак валодае празрыстай унутранай формай, некаторыя ж маюць глыбокі падтэкст і

без спецыяльных звестак пра іх носьбіта не могуць быць растлумачаны. Іх роля ў тым, што яны не проста называюць асобу, але яшчэ і характарызуюць яе па нейкай адметнай рысе. Некаторыя мянушкі блізкія да нейтральных (але не роўныя ім) – у першую чаргу адпозвішчныя.

ЛІТАРАТУРА

1. **Мезенка Г.М.** Беларуская анамастыка: Навуч. дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў. – Мн., 1997. – 119 с.
2. **Шур В.** Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка: Дапаможнік для настаўнікаў. – Мн., 1998. – 239 с.
3. **Івашка У.** Некаторыя актуальныя пытанні беларускай антрапанімікі // Дыялекталогія і культура беларускай мовы. – Мн., 1991. – С. 218.
4. **Нікуліна З.П.** Лексико-семантические и структурные особенности отфамильных детских прозвищ // Лингвистика: Материалы межвуз. научн. конф., посвящ. 50-летию образования СССР. – Томск. – С. 63–64.
5. **Шумская І.А.** Пра адзін тып антрапонімаў // Беларуская анамастыка. – Мн., 1992. – С. 26.
6. **Семянькова Г.К.** Прозвішчы жыхароў Віцебшчыны: Аўтарэф. дыс. ... канд. філалаг. навук: 10.02.01 / Беларускі дзярж. пед. інстытут імя Максіма Танка. – 21 с.

S U M M A R Y

Modern nicknames existing in the university students' usage are quite various due to their motivation features. These nicknames reflect today's reality; demonstrate the outlook and nature of students' activities.

Поступила в редакцию 28.06.2004

УДК 808.26-3

С.М. Лясовіч

Шматкампанентная колеравая гармонія ў творчасці Уладзіміра Караткевіча

Мова кожнага мастака слова мае свае асаблівасці. Для вызначэння індывідуальна-аўтарскага моўнага стылю важнае значэнне мае характарыстыка сродкаў, якімі карыстаецца пісьменнік для стварэння вобразнасці. Сярод стылістычных сродкаў мовы твораў У. Караткевіча вылучаецца колеравая гармонія. Л. Міронавай акрэслены 9 прымет, паводле якіх спалучэнне колераў можна назваць колеравай гармоніяй: «сувязь і суладдзе, адзінства супрацьлегласцей, мера, прапарцыянальнасць, раўнавага, лёгкасць успрымання, прыгожае, узвышанае, арганізаванае і рацыянальнае» [1], іншым словам, тое, што стварае пазітыўнае ўражанне. У лінгвістыцы пад гэтым паняццем разумеюць мэтанакіраванае спалучэнне некалькіх каларонімаў у межах аднаго мікракантэксту, што ў сукупнасці рэалізуюць станоўчую эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку. І ў жываліце, і ў літаратуры дэкаратыўная функцыя – гэта толькі перадумова змястоўна-эмацыянальнай, светапогляднай функцыі, якую выконвае колеравая гармонія.

Існуе лінгвістычная класіфікацыя колеравай гармоніі ў кантэксце паняцця «колеракод». Вылучаюцца аднакодавая гармонія, заснаваная на выкарыстанні роз-

ных колераэлементарна аднаго колеракода, і двухкодавая, якая грунтуецца на выкарыстанні каларонімаў двух розных кодаў, а таксама шматкодавая, якая пабудавана на ўжыванні каларонімаў трох і больш розных кодаў. Пад увагу бярэцца і колькасць кампанентаў, якія ўтвараюць пэўны тып гармоніі [2]. У. Караткевіч прадуцтыўна карыстаецца шматкампанентнай колеравай гармоніяй.

Пісьменнік стварае незвычайныя малюнкi самабытнымі колеравымі эпітэтамi: *«Ляс быў увесь засыпаны звонкай сухой лістотай, залатой, іржавай, чырвонай, вiшнёвай. Яна шастала пад нагамi і аж звiнела, калi праносiўся подых ветру: мiльёны лiмонных і вiнных матылёў узляталi ў паветра і мiльгалi мiж дрэў»* [3]. 2-кодавая 6-кампанентная гармонія пабудавана на сіметрычным чаргаванні каларонімаў кодаў «жоўты» і «чырвоны». Усе колераэлементы адсубстантыўнага ўтварэння і выклікаюць у чытача багатую гаму асацыяцый.

Жаданнем пісьменніка зрабіць карціну яркай, запамінальнай і дакладнай можна патлумачыць яго асаблівую прыхільнасць да колеракампазітаў: *«Іржава-жоўты, вохрыста-аранжавы на баках і спіне, беласнежны на бруху магутны самец»* (3, 494). Дарэчы, калі ў склад адна-, двухкодавай гарманічнай ці дысгарманічнай сінтагмы ўваходзіць колеравы кампазіт, часткі якога належаць да нятоесных кодаў, то такі тып спалучэнняў мэтазгодна лічыць пераходным: *«Яліны, тоўстыя – дваім не абхапіць, падступалі да самых муроў палаца, заглядалі лапамі ў вокны, узвышаліся сiне-зялёнымі конусамі над дахам. Стаўбуры іх зацягнула сiвая барада імоў і пішайнікаў... Толькі ля самага дома бачны былі там-сям пахмурныя, чорныя ад дажджу, амаль голыя волаты-ліпы і адзін каржакаваты дуб...»* (7, 30). Колеракампазіт утрымлівае дзве розныя фарбы, але адзін з кампанентаў самастойны, а другі – дапаўняе першы, актуалізуе колер пры характарыстыцы з'явы. Гэта прыклад гармоніі пераходнага тыпу ад трохкодавай да чатырохкодавай.

На нашу думку, мэтазгодна класіфікаваць як шматкодавыя спалучэнні, у склад якіх уваходзяць лексемы са значэннем «шматфарбнасць», бо ўжо іх семантыка паказвае на прысутнасць некалькіх колераў, хаця не называе іх. Таму канатацыя сінтагмы будзе залежыць ад другога кампанента, а каларонімы групы «шматфарбнасць» з'яўляюцца часцей канатацыйна нейтральнымі: *«Гарэлі за акном шматлікія гарадскія агні, рознакаляровыя, ад сiладжава-аранжавых да безжыццёва-зеленаватых»* (7, 553). У адным сказе трапнымі кампазітамі аўтар перадаў сваё адчуванне-настрой «нежывога» гарадскога жыцця. Дысгармонію ўтвараюць два апошнія кампазіты, а ў большай ступені – іх няколеравыя часткі.

Складовымі часткамі шматкампанентнай колеравай гармоніі, якія часта выконваюць ролю вобразнага ядра ў мастацкіх творах У. Караткевіча, выступаюць каларонімы-назоўнікі: *«Мора штохвіліны мяняла колер: падаў на яго цень дрэў, скал, зноў прарываліся сонечныя прамяні. Было яно, як васьміног, то сiняватае, то злёжку чырвань, то ярка-зялёнае, то жаўтавата-шэрае. Але што далей, то болей лерамагала, панавала ў ім глыбокая сiнь»* (3, 461). Адзначым, што кожны марфалагічны выбар сэнсава абумоўлены: у першым кантэксте назоўнік стварае эфект колеравых плям, а ў другім – чаргаванне каларонімаў-прыметнікаў з назоўнікамі як бы стварае рытмічны рух марскіх хваляў. Назоўнік «сiнь» перадае тут дзве аптычныя якасці – не толькі адлегласць, але і зрокавую ілюзію роўнядзі мора на гарызонце: «сiнь»=«даль»=«спакой».

У. Караткевіч выкарыстоўвае своеасаблівыя колеравыя спалучэнні, дзе галоўны кампанент – каларонім-прыметнік (ён перадае асноўную афарбоўку), а другі – залежны кампанент – гэта назоўнік ці радзей таксама прыметнік са значэннем колеру. Звязваюцца два кампаненты пры дапамозе прыназоўніка «у»:

«Футра ў ката было вельмі прыгожае. Дымчата-рыжае, трохі ў брудна-ватую вохру, і ўсё ў цёмна-шэрыя і бурія ільсьняныя вялікія плямы. На хвасце – амаль чорныя колцы» (3, 469). «Будрыс азірнуўся і ўбачыў, што за ім крадзеца беласнежная, сям-там у палевае, лайка Амур» (3, 475). «Язычок у таго быў шэры і толькі ледзь-ледзь у ружовае» (2, 406). Дадатковы, залежны кампанент указвае на адценне, неаднароднасць асноўнага колеру. Другая частка спалучэння, як правіла, мае лексему са значэннем невысокага ўзроўню канкрэтнай колеравай насычанасці ў афарбоўцы, што сведчыць пра малую колькасць колеравага адцення ў афарбоўцы прадмета: сям-там, ледзь-ледзь, трохі і інш., іншым словам, перадаецца непаўната праяўлення прыметы.

Часам гэтая сема перадаецца ў другім кампаненце прэфіксам непаўнаты якасці «про-» («пра-»): «На тым баку ўзвышаўся мур і вежа (астатняе хавалі дрэвы), крыху-крыху толькі ў пражоўць, цёмна-свінцовага, амаль чорнага колеру» (7, 309). «Маленькі круглы тварык, зеленаватыя галодныя вочкі, выцерттыя кароткія валасы на галаве – чорныя, у проседзь, вусы рэдкія, спрабуюць тырчаць» (6, 25). У цэлым такія словазлучэнні ствараюць уражанне імкнення да дакладных, натуральных характарыстык. У колерах адлюстравана сапраўдная гармонія прыроды. Канструкцыі больш экспрэсіўныя, таму можна пагадзіцца з Дз. Паўлаўцом, што яны абумоўленыя «народна-паэтычнай творчасцю ці гутарковай мовай» [4]. Як паказвае матэрыял, падобныя кампазіцыі ўжываюцца часта ў апісанні чалавека, жывёл, а ў прыродзе афарбоўка жывых істот у чыстыя колеры амаль не сустракаецца, перадаць яе дакладна адным словам немагчыма. Таму ў згаданых спалучэннях зразумела прысутнасць лексемы ці фарманта са значэннем непаўнаты якасці.

Паўнай своеасаблівасцю вылучаюцца гарманічныя ўтварэнні, якія ілюструюць ступень праяўлення колеравай якасці прадмета: «І толькі вышэй, куды рукі розных там Х не даставалі, быў першазданнай чысціні крэмавы стол. Крэмавы, аж белы» (2, 311). «Адзін шырокі ў касці, да сіняга чорны і добра такі сівы, падстаркаваты гараджанін цягнуў, нібы звязку аеру, ахапак адкутых мечных палосаў» (6, 43). Калі матывацыя ўжывання лексемы «белы» як вышэйшай ступені колеравай якасці наймення «крэмавы» празрыстая (колераабзначэнне ўваходзіць у склад кода «белы»), то апошні прыклад патрабуе тлумачэнняў. Па-першае, сіні – самы цёмны храматычны колер у спектры, па-другое, як зазначыла В. Фаміна, «генетычна лексема паходзіць з індаеўрапейскага *chaya са значэннем: 1. «бляск», «мігценне» і 2. «цень» [5]. Таму можна меркаваць, што лексема «сіні», у першую чаргу, мае на ўвазе бляск валасоў, гэта заўсёды з'яўлялася прыкметай здароўя і прыгажосці. Бляск жа і стварае той эфект каляровай афарбоўкі, які абумоўлены прыроднымі ўласцівасцямі. Так, на прыкладзе камянёў даследчык В. Шаронаў тлумачыць, што «матавая паверхня сухога бруку моцна рассеівае промні, і гэта рассеянае святло аказваецца нейтральным, як гэта ўласціва шклянному адлюстраванню. Мокры камень пакрыты вадзяной плёнкай, якая значна памяншае паверхнявае шэрае рассеіванне, і дзякуючы гэтаму адбываецца ўнутранае рассеіванне промняў ў самім рэчыве каменя, які і дае афарбаванае святло» [6]. Іншымі словамі ахраматычныя паверхні з бляскам набываюць храматычнае адценне. У нашым выпадку чорны набывае менавіта сіняе адценне, бо гэта, як ужо згадвалася, самы цёмны храматычны колер. Таму, мяркуюем, у выразах тыпу да сіняга чорны, іссіня-чорны і падобных адлюстравана не толькі гармонія колераў, але і змяшчаецца інфармацыя і пра фактуру матэрыялу прадмета, а своеасаблівасць сінтаксічнай будовы звязана з гутарковай асновай такіх спалучэнняў.

Трэба заўважыць, што часткі некаторых гарманічных канструкцый пісьменнік часам ужывае як колеравую характарыстыку многіх сваіх герояў, як матыў, неаднойчы паўтарае на працягу твора: *«Шкаляр міжвольна кінуў позірк туды і раптам убачыў, амаль ля самай галавы мула, блакітны са срэбрам караблік на дзявочай галаве, касу, чорныя з сінявою вочы, якія глядзелі на яго...»* (6, 167). *«Блакітны са срэбрам «караблік» маладзёковымі рожкамі тырчаў над галавою, а з-пад яго падала да самых каленяў таўсценная залацістая каса»* (6, 156). *«Чорныя з сінявою вочы з пострахам глядзелі то на яго, то на шыбеніцы»* (6, 394). Колеравая гармонія пры стварэнні вобраза Анеі ў рамане «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» на працягу ўсяго апаведу падкрэслівае прыгажосць дзяўчыны і асаблівыя адносіны да яе. Матыў пэўных колераабзначэнняў дапамагае ідэнтыфікацыі персанажаў у кантэксце твораў.

Шматкампанентную колеравую гармонію значна радзей складаюць каларонімы-дзеясловы. Часцей гарманічныя дзеяслоўныя спалучэнні маюць два кампаненты. Характэрна прадуктыўнае ўжыванне сярод іх элементаў кода «чырвоны»: *«За роўняддзю ракі, за паплавамі з манашымі шапкамі стагоў, за сінімі хваёвымі лясамі палымнеў, барсавеў, разліваўся, прарочачы вецер, трывожны захад»* (2, 253). *«Пайсці, уцячы, з'ехаць кудысьці ў лес, туды, дзе жаўцеюць бярозы і ліпы, дзе чырванюць асіны»* (3, 417). Чырвоны па сваёй інтэнсіўнасці, здольнасці ўзбуджальна ўздзейнічаць на псіхіку мае найбольшы энергетычны зарад, у параўнанні з іншымі колерамі, дзеяслоў жа таксама перадае дзеянне, рух, а значыць – энергію, таму выражэнне чырвонага колеру дзеясловам не выпадковае. Да таго ж колеравыя дзеясловы гарманічна ўпісваюцца ў сэнсава-інтанацыйную тканіну тэксту, падтрымліваюць асноўную рытміку сказаў, дзе аўтар, у першую чаргу, жадаў падкрэсліць рух, працэс.

Вялікім вобразна-выяўленчым патэнцыялам валодаюць дыстрыбуцыі, што сумяшчаюць колеравую гармонію з нізкамі параўнанняў: *«У буйным кветніку – ружы, што снегам бялюць, Чырванюць пралітай крыеёй і жаўцеюць, як здрада. Ружы маняць, бо ў жніўні не падае снег, а муры, зялёныя ад рэфлексаў Сакавітай і чыстай садовай лістоты, Як сярэдневяковы ізумруд маўрытанскі, адштурхнуць, абясшкодзяць вераломства і кроў»* (1, 173). Тут прысутнічае яшчэ і колеравы кантраст: рознакаляровым ружам, што «маняць», супрацьпастаўляецца зялёны колер прыроды, якой уласціва натуральнасць, адсутнасць ілжывасці. Параўнанне зялёнага з сярэдневяковым ізумрудам падмацоўвае, дапаўняе такую сімволіку. Згодна са старажытнымі вераваннямі, ізумруд валодаў цудадзейнымі ўласцівасцямі. Акрамя таго ў Сярэднявеччы «зялёны» – колер выраю, а «ад гэтага райскага каларыту, – як мяркуе Л. Міронава, – паходзіць сярэдневяковая сімволіка зялёнага як колеру закаханасці, юнага каханя, поўнага спадзяваннямі» [1, с. 66]. Такім чынам, у згаданым кантэксце «зялёны» – мае значэнне цудадзейнага, усёпераможнага каханя.

Але часам параўнанне ў колеравых гарманічных спалучэннях з'яўляецца не толькі элементам удакладнення, а перадае колер непасрэдна праз асацыяцыю з пэўным прадметам, з'явай: *«А паверхню ён гуляў, як той камень, што старая калісь бачыла ў пярсцёнку на руцэ настаўніцы: то ён табе як бэз, то як сліва, а то як ружовае сонейка»* (2, 361). *«На вулках людзі хадзілі з вярбою, а пад нагамі храбусцела малінавае, блакітнае і жоўтае шкарлупінне. І, супернічаючы з ім у бляску, калыхаліся ў паветры вязкі запырсканых сонцам паветраных шароў, нібы налітых небам, сонечным сідарам або крыеёй»* (5, 498). У апошнім прыкладзе нізка параўнанняў, складаных па структуры, асноўным колеравым тонам дублюе згаданыя вышэй у мікракантэксце каларонімы, але параўнанні, як заўважыў У. Караткевіч, «супернічаючы»

з імі, уяўляюць сабой вобразы, што найбольш ярка для аўтара прадстаўляюць гэтыя колеры.

Сустракаюцца канструкцыі колеравай гармоніі, якія не маюць у сваім складзе ўласна каларонімаў, дзе колерасема перадаецца асацыятыўным шляхам, праз метафару: «*Аддаў азёрам – вочы, чуб – ільнам, Смех – ручаінам, песні – цёмным пушчам, Закатам – кроў, мужыцкім бунтам – гнеў*» (8, 96). Так пазычна, з лірызмам у межах метафары-простага сказа дзейсны патрыятызм Кастуся Каліноўскага У. Караткевіч выразіў шляхам асацыятыўнага супастаўлення з'яў.

З дапамогай шматкампанентных гарманічных колеравых спалучэнняў

У. Караткевіч стварае цудоўныя імпрэсіяністычныя замалёўкі. Для імпрэсіяністаў на першым месцы «колера, які ператварыўся ў святло. Форма – толькі непазбежнае поле, на якім размешчаны фарбавыя кропкі. ...гэта і абрысы (малюнак) целаў, і іх аб'ёмы (лепка), і кампазіцыя карціны, і яе сюжэт...» [1, с. 128–129]. Што датычыцца сумяшчэння колеру і святла, то лепшым чынам яно ўвасоблена ў «металічных» лексемах, бо акрамя асноўнага колеравага тону яны маюць сему бляску: «*Сінь, зелень, залацістасць шаўкоў, срэбнасць намістаў, дымная чырвань шырокіх сукняў, медзь твараў*» (2, 427). «*Грабяні іхнія [хваля] па меры таго як паміралі сонечныя праменні, бы нейкім злым чарадзеяствам ператвараліся ў цяжкое волава і свінец*» (2, 328). У адносінах да формы паводле вышэйпададзенага азначэння, можна меркаваць, што марфалагічна «бясформеннасць» перадаецца назоўнікам са значэннем колеру, абстрактным назоўнікам, бо менавіта такія лексемы (у адносінах ад дзеясловаў, якія ствараюць дынаміку, рухаюць сюжэт, і прыметнікаў, што часцей з'яўляюцца азначэннямі да пэўнага, акрэсленага абрысамі прадмета) абазначаюць колеравую пляму: «*Нібы вар'ят, мастак пырскаў на свет пурпурам, барэай, атрутнай зелянінай... Смерць прыходзіла не ў дабраторнай цемры, а ў шаленстве фарбаў і колераў, у расплаўленых плынях чыгуну, у пырсках палаючага фосфару, у вар'яцкіх патоках крыві і вадкага золата*» (2, 286).

На выкарыстанні колеравай гармоніі і дысгармоніі поўнасцю пабудаваны верш «Чорная балада Гаркушы». Колер у вершы – паказчык самаадчування героя ў жыцці, яго радасці ці гора. Шчасце адлюстравана бясконцай рознакаляровасцю гармоніі: «*Наплывалі чароды ліловых хмар, Залатыя злівы лілі, І вясёлкі сямікаляровы пажар Піў вадку з ізумруднай зямлі. Серабрысты, густы вадзяны пасеў Шумеў па цяжкіх садах, Быў зялёны па-рознаму мох на стразе І бляшаны замкавы дах. І сівепа, звінела ад кропель рака... І ў гарачым святле плылі Сінія песенькі жаўрука Над карычнёвай песняй раллі. Чырваней, бялеў і ліўся кірмаш, Цей і пахнуў, як бэз і язмін. Сапяжанак сангіна, цыганак гуаш І ракаў нясцерпны кармін. Цьмянай меддзю дыхалі ў дзежках ліны...» (1, 159). Дыяпазон кампанентаў прадстаўлены 15-цю колеранайменнямі амаль усіх кодаў (акрамя чорнага і шэрага), якія, у сваю чаргу, з'яўляюцца ў пазытычным тэксце яшчэ і эпітэтамі, метафарамі, параўнаннямі, што значна павялічвае выяўленчы эфект.*

Пакуты за сваю Радзіму і людзей адлюстраваны не толькі трывожнай колеравай гамай, але такой жа разнастайнасцю каларонімаў і тропаяў: «*Свечкі воск. Агеньчык над ім, як лязо. Жоўты воск каханаў рукі. Дымна-шызыя, плиткія рызы ксяндзоў, Малінавыя бадзякі. «На каго ж ты?!» Марозна-зялёны палын, Горкі верас ліловых палян. Мірыяды помстаў. Нястрымная плынь. Барэяны гнейны вулкан. Быццам балая лава, што з Этны цячэ, Бруіла лава палкоў, І ўцякала цемра ад сініх мячэй, Ад блакітнага грому падкоў. Потым барэу зарніц глытала імгла, І пад покрывам буры сухой Беларусь, Як макава поле, цвіла. Кожны мак – пажар пад страхой...» (1, 160).*

Зніжаную эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку ўтвараюць не змрочныя фарбы, а іх кантраст, а дакладней нават не самі колераабзначэнні, а тропы, у склад якіх яны ўваходзяць. Чаму ж верш называецца «Чорная балада Гаркушы»? Гэты каларонім ужыты аднойчы ў канцы твора: «Памяць! Памяць! Малю! Малю! Аднаві мне фарбы палёў і нябёс... Аднаві мой край! Аднаві!!! Як махровая сажа ў хаце курной, Чарнела навокал імгла» (1, 160). Чорны абзначае забыццё. Такім чынам, колеравая лексіка адыгрывае выключную ролю ў разуменні ідэі верша. У буянні фарбаў намалёваны ўспаміны, колер наогул ператвараецца ў сімвал жыцця, жыцця ў радасці ці ў змаганні, але жыцця. Чарната, як згадвалася, – гэта забыццё, а яшчэ – поўная адсутнасць святла і колеру, а значыць – і жыцця, смерць. Пакуль чалавек памятае, ён жыве, калі забываецца – духоўна памірае.

Як паказвае прааналізаваны матэрыял, шматкампанентная колеравая гармонія, як правіла, мае ў сваім складзе кампаненты больш як двух колеравых кодаў. Іншымі словамі, шматкампанентнасць у творчасці У. Караткевіча непасрэдна звязана са шматкодаваасцю колеравай гармоніі. Акрамя таго складовыя часткі гарманічных спалучэнняў марфалагічна разнастайныя: кампаненты могуць быць не проста колераабзначэннямі, але і тропамі – эпітэтамі, параўнаннямі, метафарамі. Колеравая гармонія з’яўляецца своеасаблівым прыёмам колерапісу, праз які праяўляецца непаўторная, індывідуальна-аўтарская манера пісьма У. Караткевіча.

ЛІТАРАТУРА

1. *Миронова Л.Н.* Цвет в изобразительном искусстве. – Мн., 2002. – С. 109–112.
2. *Бабіч Ю.М.* Колеравая і светлавая зстэтыка ў мове твораў Якуба Коласа. – Віцебск, 2002. – С. 53.
3. *Караткевіч У.* Збор твораў. У 8 т. – Т. 2. – С. 418. – Мн., 1989. – С. 418. Далей цытаты падаюцца па гэтым выданні з пазначэннем у дужках тома і старонкі.
4. *Паўлавец Дз.* Колеравы тон апелятыва вочы ў творчасці Уладзіміра Караткевіча / Уладзімір Караткевіч і сучаснасць: Зборнік артыкулаў. (Рэдкал.: *А.Л. Верабей* (адказы рэд.) і інш.). – Наваполацк, 2001. – С. 106.
5. *Фомина В.С.* Формирование и развитие фразеологизмов с названиями основных цветов спектра как их компонентами: Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.02. – Мн., 2002. – С. 122.
6. *Шаронов В.В.* Свет и цвет. – М., 1961. – С. 190.

S U M M A R Y

The aim of the article is to analyse colouronyms in Vladimir Korotkevich's works. The attention is paid to stylistic function of colour harmony. The role of a trope in revealing the author's ideas is described.

Поступила в редакцию 4.02.2004

В.Ю. Бароўка

Мастацкі этнаграфізм у падарожных нарысах беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя

Падарожны нарыс – адзін з распаўсюджаных і старажытных жанраў. Яго асаблівасцю з'яўляецца спалучэнне дакументальнага і мастацкага матэрыялу. У падарожным нарысе даюцца геаграфічныя, этнаграфічныя, сацыяльна-гістарычныя звесткі пра наведаныя мясціны. Л. Гінзбург пісала: «Устаноўка на сапраўднасць як структурны прынцып (...) робіць дакументальную літаратуру дакументальнай, літаратурай жа як з'явай мастацтва яе робіць эстэтычна арганізаванасць» [1].

Нацыянальная беларускамоўная мастацкая нарысістыка нараджалася з падарожных нарысаў, пра што сведчылі такія творы, як «З дарогі» (1908 г.), «Успаміны з паездкі ў Фінляндыю» (1914 г.) Цёткі, «Лісты з дарогі» і «Думкі з падарожы» (абодва ў 1910 г.) Ядвігіна Ш. Мастацкі этнаграфізм у творах пачатку XX стагоддзя ўключаў галоўным чынам апісанне паўсядзённага быту людзей з розных мясцін беларускай зямлі, а Цётка параўноўвала прыроду і быт землякоў з прыродай і бытам іншых еўрапейскіх народаў.

Падарожны нарыс меў значнае пашырэнне ў 20-х гадах мінулага стагоддзя. Яго аўтары ставілі за мэту пазнаёміць чытачоў з беларускім краем. У гэты перыяд былі напісаны «У глыбі Беларусі» Цішкі Гартнага, «1200 вёрст па Беларусі» Міхася Чарота, «Новае ў старым» Платона Галавача, «На поўначы Беларусі» Алеся Дудара і іншыя. Як слухна адзначыла А. Лысенка, «падарожны нарыс 20-х гадоў будзеца звычайна на супрацьпастаўленні мінулага і сучаснага» [2], каб паказаць неабходнасць карэнных перамен у грамадстве, аднак гэтае проціпастаўленне выяўлялася ў розных формах у залежнасці ад узроўню таленту і жыццёвага вопыту аўтара. Нарыс Ц. Гартнага «У глыбі Беларусі» (1924 г.) быў напісаны ў форме гутаркі з чытачом-селянінам, якому аўтар тлумачыць палітыку дзяржавы, этнаграфічна-бытавыя падрабязнасці тут эпізодычныя і служаць таму, каб даказаць неабходнасць перабудовы грамадства на новы лад. «1200 вёрст па Беларусі» М. Чарота мелі падзагаловак «З падарожнага блакнота». М. Чарот раскажаў пра вандроўку летам 1924 года па Беларусі разам з усебеларускім старастам А.Г. Чарвяковым. Твор багаты на этнаграфічныя падрабязнасці, бо мэта яго – паказаць жыццё ў цэнтральнай і ўсходняй Беларусі. Пісьменнік з гумарам згадваў народныя прыкметы, якія прадказваюць наступствы далёкай дарогі. Чарот адзначаў беднасць і забітасць тагачаснай вёскі: «Вёскі, вуліцы якіх прыходзілася ехаць, здзіўлялі надзвычайнай сваёй беднасцю. Ветрам разбураныя стрэхі, выбітыя вокны, струхлелыя бярвенні, вырытыя ямы пад падрубамі. А дзеці, абарваныя, грязныя, уцякаюць ва ўсе бакі, хаваюцца пад падрубамі. А дзеці, абарваныя, грязныя, уцякаюць ва ўсе бакі, хаваюцца пад ушулы, лезуць пад вароты, як толькі пабачаць аўтамабіль...» [3]. Аўтар як бы паміж іншым знаёміў чытачоў з паходжаннем назваў гарадоў Рагачоў і Крычаў. «А вось там, – паказвае мне рукою стары рабочы, -- за тымі будынкамі, дзе Днепр заварочвае крута ўлева, стаіць замак графіні Боны... Прыгожае месца. Там рэчка Друць упадае ў Днепр,

і паміж двюма рэчкамі, нібы рог такі выходзіць, дзе і пабудаваны замак... Вось ад гэтага месца, ад гэтага рогу і горад, як гавораць, назваўся Рагачоў» [3, с. 102]. Старшыня Клімавіцкага павета напамніў пра гістарычнае мінулае Крычава: «Крычаў – напэўна, ад слова «крымаць». Гэта было месца, куды калісьці ссылалі ўсіх п'яніц і разбойнікаў. Наогул, людзей, якія вялі сябе буйна. Нават і зараз сярод вакалічных сялян ходзяць аб тым розныя легенды. Крымаць стаіць на рацэ Сошы, пад якой, як кажуць легенды, ёсць падзямельныя ходы» [3, с. 108]. Нарыс «На поўначы Беларусі» (1925 г.) А. Дудара, надрукаваны 20 чэрвеня 1925 года на старонках «Савецкай Беларусі», – гэта ланцуг дарожных уражанняў, абумоўленых сутыкненнем праяў старога і новага быту: «Едзем дарогаю. Тут бачым: цягне хлапец дахаты новенькую спранжыновую барану. І тут жа побач варочае прывід каня старою, як свет, саху. Сам гаспадар з трудом спраўляецца, жонка памагае». Мастацкі этнаграфізм у нарысе А. Дудара выконваў ролю агітацыйна-прапагандысцкую, заклікаў актыўна ўводзіць новы быт. Твор «10 дзён падарожжа па Беларусі» (1925 г.) Змітрака Бядулі змяшчаў апісанне вандроўкі па паўночнай Беларусі, шмат увагі надавалася там падрабязнасцям сучаснага гарадскога быту, кароткім экскурсам у гісторыю Оршы, Віцебска, Полацка. Нарыс-імпрэсія Андрэя Александровіча «На мяжы» (1925 г.) – узор дэкларацыйнасці і рытарычнасці, бо аўтар плакатна супастаўляў жыццё ва ўсходняй і заходняй частцы Беларусі.

У 1929 годзе было напісана «Падарожжа на новую зямлю» Міхася Зарэцкага. Письменнік раскажаў у ім пра мінулае і сучаснае з аптымістычным прагнозам на будучае палескай зямлі. Гістарычны пейзаж Мар'інага балота – «вада і неба, як у легендарным біблейскім хаосе», ды адзінокая, а таму бездапаможная постаць палешука. А сучаснае – рык «магутнага жалезнага звера» пад кіраўніцтвам меліяратараў, якія прынеслі на Палессе «гарачыя павевы чараўніцы-культуры». Увагу М. Зарэцкага прыцягвала літаральна ўсё: прырода, людзі, іх звычаі. Падрабязна пра гэта гаворыць ён у раздзеле «Некалькі слоў пра туземцаў», дзе характарызуе не самую горшую палескую вёску Кузьмічы: «Вясной яе залівае вада, а таму ўсё збожжа, увесь корм, уся салома вісіць тут на высокіх азяродах, пастаўленых цэлымі вяткамі на спецыяльна адведзеных для гэтага гарадных пляцоўках. Цікава пабудаваны тут сялянскія двары. Фактычна двароў – у звычайным значэнні гэтага слова – амаль што няма. Стаіць убогая хата (акенцы не больш як па кукішу), за хатай гужам, адзін за адным, прытуліліся дворныя будынкi – якія будынкi! – крывыя, дзіравыя, пакалечаныя будынкi... Вось і ўсё. Ні платоў, ні варот, ні павецяў» [4]. Пафас твора зводзіўся да сцвярджэння думкі аб паляпшэнні ўмоў жыцця палешукоў.

Падарожныя нарысы 30-х гадоў мінулага стагоддзя тэматычна і ідэйна даволі аднастайныя: у іх раскажвалася пра падарожжа ў новую сацыялістычную вёску, выкарыстоўваўся прыём кантрасту паміж ранейшым аднаасобніцкім існаваннем сялян і іх цяперашнім калгасным бытам. Тыповыя творы таго часу – «Па сонечным шляху» (1930 г.) Васіля Шашэўскага, дзе этнаграфічныя малюнкi ранейшага быту палешукоў адцянялі шчаслівае і светлае сучаснае, і кніга нарысаў «Крокі пяцігодкі» (1931 г.) Юркі Лявоннага пра радасныя лерамены на беларускай зямлі, пра ўздым сацыялістычнага будаўніцтва. У полі зроку Ю. Лявоннага былі змены ў сферы светаадчування і быту, яго цікавіла не гісторыя, а сённяшні дзень: «... Ніхто не ведае, адкуль узнікла назва «Чавусы». Толькі на змену старым Чавусам, брудным вуліцам, «рэбе» з «тэлесамі» ды прыватным селядцо-вым крамам ідуць Чавусы радыёэнтэн і электрыфікацыі».

Падарожны нарыс фактычна адсутнічаў у часы Вялікай Айчыннай вайны, выключэннем служаць хіба што «Шляхамі вайны» Міхася Лынькова, напісаныя ў 1944 годзе. Мастацкі этнаграфізм, прадстаўлены бытавымі карцінамі, тут падначальваўся ідэі паказаць разбуральны характар вайны і сцвярдзіць жыццёстойкасць беларускага народа.

Беларускі падарожны нарыс атрымаў другое нараджэнне з сярэдзіны 50-х гадоў мінулага стагоддзя, бо яго аўтары імкнуліся адысці ад практычна-гаспадарчай праблематыкі, адлюстраваць непаўторнасць мясцін, дзе ім удалося пабываць. Як і раней, пісьменніцкую ўвагу прыцягвала Палессе дзякуючы непаўторнай прыгажосці прыроды і ў сувязі з наступствамі меліярацыі. Да ліку лепшых нарысаў пра Палессе, напісаных у 60-я гады, належаць творы А. Клышкі і Я. Сіпакова, Б. Сачанкі, В. Палтаран, У. Караткевіча. «Пазма дарог» (1961 г.) Анатоля Клышкі і Янкі Сіпакова была прасякнута патрыятычным і краязнаўчым пафасам: «Чалавек павінен падарожнічаць, ведаць сваю зямлю, на якой нарадзіўся, – яе легенды, мову, яе дарогі» [4, с. 78]. Твор наследваў традыцыі рускіх і сусветных вандроўных нарысаў, бо яго аўтары цытавалі навуковыя і мастацкія крыніцы, каб паказаць, як мяняецца твар палескай зямлі. «Зямля маіх продкаў» (1963 г.) Барыса Сачанкі адметная тым, што напісана палешуком і пра Палессе. Тут пісьменнік параўноўваў даваеннае і сучаснае жыццё роднага краю, згадваў яго прыроду, апавядаў пра звычаі сваіх землякоў, рабіў акцэнт на працавітасці і жыццёвым аптымізме насельнікаў Палесся. Б. Сачанка, напрыклад, адзначыў своеасаблівае стаўленне палешукоў да продкаў: «Думку, што палешукі былі і засталіся язычнікамі, пацвярджаюць і іх адносіны да пакланення культуры продкаў, які даволі высока развіты ва ўсіх усходніх славян. Колькі ні падарожнічаеш па Палессі, нідзе не бачыш могілак, як бы і не жылі тут цэлыя вякі людзі, як бы яны толькі-толькі тут пасяліліся. А калі дзе і бачыш, дык яны маленькія, нібы да часу прытхнутыя дзе-небудзь на пагорачку пад раскошнымі, панурымі хвоймі. Што гэта – непавага да магіл сваіх продкаў альбо іншае што? Не, гэта хутчэй за ўсё само жыццё ў тутэйшым краі – узыходзіць дрэва, вырастае, старэе, падае, гніе, на змену яму вырастае новае. У тым і жыццё – менш думай пра тое, што было, а больш пра тое, што ёсць, што будзе» [4, с. 192].

Белетрызацыяй нарысавай формы вылучаецца «Дзівасіл» (1968 г.) і іншыя творы Веры Палтаран. Сюжэтную аснову «Дзівасіла» складае апавед пра экследыцыю на Палессе, у склад якой уваходзілі В. Палтаран, фалькларыст Зінаіда Мажэйка і мастак Янка Раманоўскі, іх судакрананне з прыродай Палесся, бытам сялян і настаўнікаў, з векавой народнай спадчынай. Украінскі даследчык У. Шкляр адзначыў: «Жанравая адметнасць нарыса, яго ідэйна-мастацкая структура надае яму максімальную набліжанасць да чыстых жанраў белетрыстыкі – апавядання, аповесці» [5]. «Дзівасіл» В. Палтаран – твор такога тыпу, бо ён пабудаваны на мікрагісторыях насельнікаў вёскі Тонеч.

Нарыс «Званы ў прадоннях азёр» (1969 г.) Уладзіміра Караткевіча пазначыў рэфармаванне зместу беларускіх падарожных нарысаў. Пісьменнік расказваў пра падарожжа ў «краіну Палессе», пра «прыгожы паход на старую палескую культуру». Назву твору далі палескія паданні, згодна з якімі ў даўнія часы «ў правалах танулі замкі, цэрквы і гарады», а людзі, што апынуліся пад зямлёй, маюць шанц уваскрэснуць, толькі для гэтага неабходна, каб не перарывалася духоўная сувязь паміж пакаленнямі. На Палессе У. Караткевіч глядзеў вачыма гісторыка, этнографа, мастака. Яго захапленне выклікалі палескія гарады Гомель, Нароўля, Тураў, Мазыр, Пінск, цікавілі сляды даўніны, вопратка палешукоў, іх уяўленні пра свет. Палешукі ў мастацкім успрыняцці У. Караткевіча – людзі, моцныя духам, працавітыя і дасціпныя. Апавядаючы пра Палессе, пісьменнік не аддае перавагі дню сённяшняму, як гэта рабілі яго сучаснікі, не пазбягае «балавых» кропак: ён напамінае, што ўмяшанне чалавека ў прыроду непрадказальнае па сваіх наступствах, прыводзіць прыклады варварскага стаўлення да помнікаў культуры, народных рамёстваў. Аўтарскі апавед пра Палессе падсвечваўся гумарам і іроніяй, а гэта надавала твору непаўторнае гучанне. Варта прыгадаць, як дасціпна У. Караткевіч уводзіць паданне пра гаючыя ўласціваасці травы росіцы: «... Хай вам будзе вядома! – дужа

дапамагае ад няшчаснага кахання. Рэцэпт – даць у страве ці зашыць у адзенне. Я-то, праўда, сам не спрабаваў, але, як лёс мне тое няшчаснае каханне (толькі яго мне ў маім шматпакутным жыцці не хапала) пашле, – абавязкова паспрабую [6]. Спецыяльна для ўкраінскіх школьнікаў у пачатку 70-х гадоў мінулага стагоддзя У. Караткевіч напісаў нарыс «Зямля пад белымі крыламі», свайго кшталту міні-энцыклапедыю гісторыі, этнаграфіі, культуры беларусаў. Мастацкі этнаграфізм у Караткевіча выконваў функцыю пазнавальную, быў сродкам «нацыянальна-самабытнай аргументацыі» (тэрмін В. Бялінскага). Кампрамісным варыянтам паміж караткевічаўскай і распаўсюджанай раней манерай апавядання стаў нарыс Адама Мальдзіса «Ёсць такая зямля – Астравеччына» (1976 г.) – апавед пра ўчарашні і сённяшні дзень роднай зямлі, на якой з даўніх часоў панавала «шматмоўнае і шматнацыянальнае суседства». Аўтар з гонарам зазначаў, што на яго малой радзіме маглі б размясціцца тры Сінгапуры, дзесяць Ліхтэнштэйнаў і тысяча Манака. Вядомая раней прымаўка «Астравец – усяму свету канец», на думку А. Мальдзіса, не мае рацыі, паколькі Астравеччына імкліва развіваецца. Традыцыі У. Караткевіча знайшлі працяг у творы «Паміж Масквой і Варшавай» Вольгі Іпатавай, выдадзенай у 1996 годзе. Гэты гісторыка-этнаграфічны нарыс даваў агульнае ўяўленне праз этнагенез беларусаў, іх светаадчуванне, міфалогію, норавы, гісторыю нашых старажытных гарадоў і мястэчак. Письменніца ўказвала на талерантнасць беларусаў і іх гістарычныя карані.

Падарожныя нарысы беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя інтэравалі вопыт дакументалістыкі, публіцыстыкі і прыгожага пісьменства. Думаецца, сцвярджаючы не Р. Юсуфава аб тым, што неправамерна адносіць падарожныя нарысы да мастацкай літаратуры [7], празмерна катэгарычнае, бо эстэтычная вартасць твора вызначаецца ўзроўнем таленавітасці яго аўтара. Дарэчы, тыпалогію падарожнага нарыса ў беларускай літаратуры фарміравалі не журналісты, а пісьменнікі так званана першага рада. Мастацкі этнаграфізм – неад’емная рыса падарожных нарысаў. Этна-эстэтычны кантэкст у падарожных нарысах першай паловы XX стагоддзя забяспечваўся апісаннем прыроды і лаўсядзённага быту беларусаў, у другой палове мінулага стагоддзя, акрамя таго, уводзілася апісанне звычайў, паданняў, рабіўся экскурс у гісторыю. Дынаміка зместу і функцый этна-эстэтычнага кантэксту ў іх залежала не толькі ад аўтарскай індывідуальнасці, але і ад грамадскіх і эстэтычных патрабаванняў часу. Беларускія аўтары пісалі не толькі пра Беларусь, аднак падарожныя нарысы пра замежжа, як правіла, на першае месца вылучалі не этнаграфічна-бытавы ці гістарычны план, а ідэалагічны, таму ў народазнаўчым плане іх каштоўнасць неадназначная.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л., 1977. – С. 10.
2. *Лысенка А.Ф.* Нарыс // Беларуская савецкая проза: Апавяданне і нарыс. – Мн., 1971. – С. 260.
3. *Чарот М.* Выбранае. – Мн., 2001. – С. 99.
4. *Беларускі савецкі нарыс:* У 2 т. – Т. 1. – Мн., 1977. – С. 164–165.
5. *Шкляр В.И.* Энергия мысли и искусство слова. – Киев, 1988. – С. 35.
6. *Караткевіч У.* Збор твораў: У 8 т. – Т. 8. – Кн. 2. – Мн., 1991. – С. 57.
7. *Юсуфов Р.Ф.* Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. – М., 1985. – С. 114.

S U M M A R Y

The article deals with the issue of art ethnographism as an organic part of the traveller's notes. The dynamics and functions of ethno-aesthetical context of the traveller's notes created by Belarusian writers in the 20th century are under research.

Поступила в редакцию 30.08.2004

Праблема архетыпу: філасофскі, культуралагічны, літаратуразнаўчы аспект

У сучаснай навуковай літаратуры паняцце «архетып» з'яўляецца катэгорыяй, якая шырока выкарыстоўваецца ў філасофіі, мовазнаўстве, культуралогіі, псіхалогіі і іншых навуковых дысцыплінах. Прымяненне дадзенай катэгорыі да тэарэтычнага аналізу міфалогіі ў першую чаргу звязана з працамі швейцарскага псіханаалітыка і даследчыка міфаў К.Г. Юнга. У сваіх працах ён вылучыў ідэю аб калектыўным неўсвядомленым, адпаведна якой мадэлі чалавечага вопыту не знікаюць бясследна, а згодна феномену генетычнага кадзіравання, пераходзяць ад пакалення да пакалення. Менавіта дзякуючы гэтай сістэме сацыяльнай кадзіроўкі і існуюць архетыпы. «Правобраз, ці архетып, – піша К.Г. Юнг, – ёсць фігура, – будзь то дэмана, чалавека або з'явы, – якая паўтараецца на працягу гісторыі ўсюды, дзе павольна дзейнічае творчая фантазія. Пры падрабязным даследаванні гэтых вобразаў мы ведаем, што ў вядомым сэнсе яны з'яўляюцца сфармуляваным вынікам велізарнага тыповага вопыту безасабовага роду продкаў: гэта, так сказаць, рэшта безлічных перажыванняў аднаго і таго ж тыпу. Адлюстравваючы мільёны індывідуальных перажыванняў, яны даюць такім шляхам адзіны вобраз псіхалагічнага жыцця, расчлянёнага і спраецыраванага на розныя персанажы міфалагічнага пандэмоніума» [1]. У кожным з гэтых вобразаў крышталізавалася частка чалавечай псіхікі і чалавечага лёсу, частка пакуты і асалоды – тых перажыванняў, якія паўтараліся ў бясконцы радзе продкаў і ў агульным заўсёды прымалі адзін і той жа ход.

Звернем увагу на тое, што адпаведна швейцарскаму вучонаму, архетыпы з'яўляюцца не вобразамі, а толькі схемамі вобразаў. Само паняцце архетып мае значэнне «першаснай схемы вобразаў, якія несвядома аднаўляюць і апрыйёрна фарміруюць актыўнасць уяўлення, а таму выяўляюцца ў міфах і вераваннях, у творах літаратуры і мастацтва, у снах і непрытомных фантазіях» [2]. Як мы бачым, у сваім разуменні К.Г. Юнг некалькі адыходзіць ад этымалогіі самога слова «архетып». Апошнія ў перакладзе са старажытнагрэчаскай мовы абазначае «першавобраз» (старажытнагрэчаскае *αρχετυπον* – паходзіць ад *αρχη* – пачатак і *τυπος* – вобраз), менавіта ў значэнні «першавобраз», «ідэя» ўпершыню з'явілася само паняцце архетып у працах старажытнагрэчаскіх філосафаў Платона і Арыстоцеля. Першавобраз – гэта не проста вобраз, так як ён уключае ў сябе схему, ідэю, паводле якой будуецца іншыя вобразы. «Архе, – адзначае нямецкі філосаф К. Хюбнер, – гэта гісторыя паходжання. Калісьці нейкая нумінозная істота ўпершыню здзейсніла пэўнае дзеянне, і з тых часоў гэта падзея ідэнтычна паўтараецца» [3]. Гэта дзеянне знаходзіць сваё адлюстраванне ў старажытнагрэчаскай міфалогіі як архетып, першавобраз, якім кіруюцца не толькі людзі, але і прыродныя з'явы. Натуральна, што адпаведна з такімі поглядамі архетып не можа быць вынікам чалавечай дзейнасці. Архе створана нейкай вечнай субстанцыяй (напрыклад, багамі ці платонаўскай ідэяй), а значыць яно з'яўляецца для старажытных грэкаў тым першавобразам, які нараджае нават не сабе падобныя, а поўнасцю тоесныя вобразы.

Такім чынам, К.Г. Юнг, ачысціўшы архе ад міфалагічна рэлігійнага зместу, па сутнасці пазбавіў паняцце архетып значэння вобраза, які нараджае падобныя сабе вобразы, і з'яўляецца дадзенае паняцце, галоўным чынам, да яго псіха-

лагічнага зместу, тым самым пазбавіўшы яго аб'ектыўнай анталагічнай асновы. У прымяненні да міфалогіі, такое разуменне архетыпу ператварае яе ў міфалагізаваную псіхалогію, якая, як адзначае Е.М. Меляцінскі: «... ёсць толькі гісторыя ўзаемаадносін неўсвядомленага і свядомага пачаткаў асобы, працэсу іх паступовай гарманізацыі на працягу чалавечага жыцця, пераход ад звернутай вонкі «персоны» («маскі») да вышэйшай «самасці» асобы. Акаляючы свет пры гэтым у асноўным толькі пастаўляе некаторыя рэаліі дзеля метафізічнага выражэння душэўных станаў. Нават стварэнне свету ў міфах трактуецца юнгіянцамі (напрыклад, Э. Нойманам) як гісторыя нараджэння «я», пастаянная эмансipaцыя чалавека» [4].

У адносінах да літаратуразнаўства ідэя архетыпу, вылучаная К.Г. Юнгам, мае пазітыўнае значэнне, аднак яе метафізічная абсалютызацыя можа прывесці і да негатыўных наступстваў. «Псіхааналітыка ў літаратуразнаўстве, – адзначае Г. Бутырчык, – спрыяе найглыбейшаму доследу твора, прыроды яго стварэння, суаднесенасці падзей, апісаных у ім, з біяграфіяй пісьменніка, разглядае ўплыў пэўнага твора на чытача. Разам з тым існуе небяспека змяшчэння акцэнта непасрэдна з мастацкага тэксту на асобу яго аўтара, часта ў цэнтр увагі трапляе не пазычына літаратурны вобраз, а несвядомы чалавек, паказаны праз гэты вобраз» [5].

Да аналізу паняцця архетып у 90-я гады ХХ стагоддзя пачынаюць звяртацца і беларускія даследчыкі. Так, напрыклад, літаратуразнаўца У. Мархель, вылучаючы два пласты складнікаў мастацкай свядомасці, знешні і ўнутраны, сцвярджае, што апошні з названых абавязкова набліжаны да першапрычыны і зародкавых формаў, арганізуецца архетыпам. Згодна з разважанымі К.Г. Юнга, ён лічыць архетып своеасаблівым псіхічным успрыманнем, якое атрымліваецца ў спадчыну як першабытна-калектыўны псіханабытак продкаў і менш за ўсё паддаецца змяненню пад удзеяннем гістарычных працэсаў. У рабоце «Прысутнасць былога» У. Мархель дае наступнае азначэнне даследуемага намі паняцця: «Архетып – гэта амаль нязменная і непарушаная зададзенасць, якая ўступае ў рэалізацыю на мяккі інтуітыўнай падказкі і ва ўсякай дзейнасці чалавека, у тым ліку і ў мастацкай творчасці, выконвае ахоўную ролю, прытым на ўзроўні родавага інстынкту самазахавання» [6].

Як мы бачым, у дадзеным азначэнні няма прамога ўказання ні на калектыўна-псіхалагічную, ні на аб'ектыўна-анталагічную прыроду архетыпу. Такую недасказанасць імкнецца пераадолець У. Гніпамёдаў. У сваім артыкуле «Пазычаныя традыцыі і менталітэт» ён імкнецца знайсці аб'ектыўную аснову існавання архетыпаў у сацыяльных працэсах, нормах чалавечых паводзін. Спрабуючы высветліць нацыянальнае аблічча і непаўторнасць духоўнай традыцыі беларусаў, звяртаецца да матывуючага базісу паводзін беларускага насельніцтва, да маральна-этычных імператываў, якімі чалавек кіруецца ў жыцці («Паміраеш, а жьга сей», «Не пажадай бліжняму таго, чаго не жадаеш сабе»). Аналіз гэтых імператываў прыводзіць яго да вываду, што яны з'яўляюцца маральна-этычнымі архетыпамі, а значыць, такім чынам, робіць вынік даследчык, архетып – гэта «ўстойлівая псіхічная мадэль жыццёвых працэсаў і сітуацый, якая ўтрымліваецца і захоўваецца ў чалавеку (калектыве) у сферы падсвядомага і праяўляе сябе (гэта значыць, пераходзіць у сферу свядомага) у чалавечай жыццядзейнасці, уключаючы і мастацкую творчасць» [7].

На наш погляд, дадзенае азначэнне мэтазгодна экстрапаляваць з во-бласці «праходаў і сітуацый» на сферу любых аб'ектаў як сацыяльнага, так і прыроднага паходжання. Акрамя таго, неабходна адзначыць, што ва ўсіх разгледжаных намі азначэннях архетып як феномен чалавечай свядомасці звязваецца або з псіхічнымі падсвядомымі працэсамі, або з аб'ектыўнай рэальнасцю, але ніякім чынам не звязваецца з паняццёвай моўнай дзейнасцю чала-

века. І гэта не выпадкова. Сам К.Г. Юнг бачыць неразрыўнае адзінства міфалагічнага мыслення і архетыпаў. А міфалагічнае мысленне, як вядома, анталогізуе словесна-паняціны апарат. «Назва ці адлюстраванне прадмета ці з’явы, — адзначае М. Макоўскі, — успрымалася як штосьці нераздзельнае і рэчыўнае, напрыклад, імя — як рэчыўная частка названага» [8]. Такі пункт гледжання на архетып дазваляе дастаткова адэкватна аналізаваць ролю апошняга ў літаратуры, створанай аўтарамі, якія валодаюць першабытна-міфалагічным мысленнем, аднак пры аналізе іншай літаратуры, яна, на наш погляд, метадычна неаэтазгодна. Неабходна перайсці да такога разумення архетыпу, у рамках якога акцэнтуюцца яго ўзаемасувязь з моўна-паняцінай дзейнасцю чалавека. Менавіта такога разумення прытрымліваецца Г. Бутырчык. «Пад паняццем «архетып», — адзначае яна, — разумеецца базавая мадэль, узор, абстрактная ідэя, якая змяшчае ў сабе найбольш тыповыя і істотныя характарыстыкі, уласцівыя пэўнаму паняццю» [5, с. 10].

Такім чынам, архетып, калі яго разумець як мадэль, набывае эпістэмалагічныя рысы, не ўласцівыя архетыпу як стваральнай сістэме вобразаў. Неабходна адзначыць, што ў сучаснай літаратуры знаходзяць шырокае прымяненне архетыпы абодвух тыпаў. З аднаго боку, у ёй шырока выкарыстоўваюцца архетыпы, звязаныя з традыцыйнай міфалогіяй. Як адзначае Я. Меляцінскі: «У літаратуры ХХ стагоддзя з’яўляецца сапраўдная плынь «рэміфалагізацыі», якая захваціла паэзію (Йетч, Паунд і інш.), драму (Кладэль, Кокто, О’Ніл і інш.) і раман (Т. Ман, Дж. Джойс, Г. Брэх, Дж. Апдайк, Дж. Лоўрэнс, А. Карпенцэр, М. Астурнас, Х.М. Аргодас, Г.Г. Маркес, М. Булгакаў)» [4, с. 41–42]. З другога боку, у літаратурных творах з’яўляюцца новыя архетыпы, менавіта архетыпы-мадэлі, не звязаныя (ва ўсякім разе ў яўнай форме) з традыцыйнай міфалогіяй, але якія могуць быць прадуктам асабістай міфатворчасці пісьменнікаў. Менавіта да такога роду архетыпаў і адносіцца архетып беларуса, які з’яўляецца прадметам нашага даследавання.

Сказанае, безумоўна, не азначае, што архетыпы ў беларускай літаратуры з’яўляюцца прадуктам толькі самастойнай творчасці пісьменнікаў, напрыклад, іх міфатворчасці, і не звязаны з міфалогіяй беларускага народа. Гэта ўзаемасувязь адчувалася заўсёды, і многія майстры мастацкага слова адкрыта гаварылі аб ёй. Так, напрыклад, паэт Алесь Барскі ў паэме «Блізкасць далёкага» заўважае:

*Без міфаў нельга жыць
Не толькі грэкам
Таёмнае гэта для нас святоў [9].*

Чым маладзей нацыянальная літаратура (а сапраўдная літаратура можа быць толькі нацыянальнай), тым бліжэй яна да сваёй першакрыніцы — міфалогіі, выражанай у народным фальклоры. Нямецкі філосаф Ф.В.Й. Шэлінг лічыў, што павінна існаваць некаторая першапачатковая паэзія, якая «папярэднічала б любому выяўленчаму і паэтычнаму мастацтву і, у прыватнасці, выдумляла і нараджала б яго матэрыял. Аднак тое, у чым можна бачыць падобнае пачатковае нараджэнне ідэй, якое папярэднічала б любой свядомай паэзіі, створанай па ўсёй форме, выяўляецца толькі ў міфалогіі» [10]. Менавіта дзякуючы сваім міфалагічным вытокам, лічыў Ф.В.Й. Шэлінг, літаратура і мастацтва ў цэлым дасягаюць сваіх творчых вяршынь. «Сярод прычын, якія надзвычайна спрыялі грэчаскаму мастацтву, — адзначаў нямецкі філосаф, — першай трэба назваць яго ўласціваці дадзеных перш за ўсё міфалогіяй прадметаў: з аднаго боку, яны належаць вышэйшай гісторыі і іншаму парадку рэчаў, чым тутэйшаму выпадковаму і пераходзячаму, а з другога — знаходзіліся ва ўнутранай сутнаснай і пастаяннай звязанасці з прыродай» [10, с. 364–365].

Узнікшы на базе міфалогіі як «першапачатковай паэзіі», літаратура затым пераходзіць да самаразвіцця, яна становіцца сама для сябе крыніцай. Аднак побач з працэсам аддалення нацыянальнай літаратуры ад сваіх міфалагічных каранёў, ад фальклору адбываецца адначасова і дыялектычна супрацьлеглы працэс звароту, а тым самым набліжэння да гэтых каранёў. Кожная літаратура набліжаецца і аддаляецца ад фальклору неаднолькавымі тэмпамі і па законах розных акалічнасцяў, якія залежаць ад узроўню грамадска-культурнага развіцця. Аднак усюды ў гэтым працэсе набліжэння – аддалення можна заўважыць вяртанне да міфалогіі, якая прадстаўляе сабой не толькі мастацтва слова, але і ўвасабленне першабытна-абшчыннага вопыту, узаемаадносін першабытнага чалавека з сацыяльнай рэчаіснасцю, прыродай, дабром і злом, жыццём і смерцю.

Сучасная беларуская літаратура таксама адчувае неабходнасць звароту да міфалогіі, народнага фальклору. Гэта патрэбна для стварэння мадэлі (гэта значыць архетыпу) тых вобразных структур, у якіх выражана ідэя адраджэння Беларусі і беларускага народа. Паэты і празаікі ўсё часцей звяртаюцца да мінулых часоў у пошуках формулы, мадэлі гістарычнага шляху насельніцтва беларускіх земляў, каб знайсці тлумачэнне сучаснай карціны, каб аднавіць архетып беларуса, надаць яму жыццяздольнасць. Так робяць беластоцкія пісьменнікі С. Яновіч, Я. Чыквін, А. Барскі, М. Лукша, Н. Артымовіч і іншыя, якія ствараюць правобразы, якія захапляюць і заваёўваюць чытача, падымаюць усё забытае традыцыйнае з часавасці ў сферу вечнасці. Творчая ўнутраная туга, незадаволенасць сучаснасцю прымушае гэтых мастакоў шукаць недзе ў неўсвядомленым той архетып беларуса, якому будзе пад сілу расплюшчыць вочы і адчыніць сэрцы тых, хто саромеецца годна назваць сябе беларусам.

Асабліва важным, на наш погляд, зварот да народнай міфалогіі, пошук у ёй паэтычных архетыпаў. Справа ў тым, што менавіта ў гэтых архетыпах адлюстраваны тыя элементы быцця, якія звязваюць чалавека з вечнасцю, звязваюць асобнага чалавека і асобны народ з усім чалавецтвам. Нездарма сам К.Г. Юнг выводзіў феномен універсальнасці асноўных архетыпаў у гісторыі культуры, якія з'яўляюцца, напрыклад, у матывах дзяцінства, мацярынства, мудрай старасці і гэтак далей, з адзінства чалавечай псіхікі на глыбінным узроўні «калектыўнага неўсвядомленага» – гэта значыць першабытнай памяці чалавецтва. І сіла ўздзеяння мастацтва, адпаведна яго пункту гледжання, складаецца з актуалізацыі гэтага глыбіннага ўзроўню ў накірунку да вечнага і агульначалавечага архетыпу.

Паэзія, злучаная з дапамогай такіх архетыпаў з вечнасцю, выходзіць на вяршыню свайго існавання. «Мастацкае тварэнне тым вышэй, – адзначае Ф.В.Й. Шэлінг, – чым больш стварае яно адначасова ўражанне вядомай неабходнасці свайго існавання, але толькі вечны і неабходны змест здымае ў нечым выпадковасць тварэння» [10, с. 365]. Гэты «вечны і неабходны змест», лічыць нямецкі філосаф, само па сабе валодае паэтычным патэнцыялам. Разрыў нігачкі, якая звязвае паэзію з дадзеным зместам, па сутнасці абазначае пільбу паэзіі, як неабходнасці прывядзення яе да ўзроўню выпадковасці. «Чым больш знікаюць прадметы, якія былі б паэтычнымі самі па сабе, – адзначае Ф.В.Й. Шэлінг, – тым больш выпадковай становіцца сама паэзія, не ўсведамляючы сваёй неабходнасці, яна тым больш імкнецца ўтаіць сваю выпадковасць у бясконцасці вытворчасці і надаць сабе бачнасць неабходнасці» [10, с. 365].

Такім чынам, важнейшай функцыяй архетыпаў у мастацкай літаратуры з'яўляецца злучэнне твораў апошняй з вечнасцю, пераадоўванне імі статуса выпадковасці і набыццё неабходнасці. К.Г. Юнг лічыў, што на практыцы выпадковасць у чалавечых паводзінах звязана з індывідуальнымі нетыповымі ўмовамі, а неабходнасць – з тыповымі. Калі чалавек сустракае тыповую сітуа-

цыю, ён раптоўна адчувае ці цалкам выключае вызваленне ці яго агортвае неадольная сіла. У гэты момант чалавек ужо не індывідуальная істота, ён – увасабленне роду, голас усяго чалавецтва прачынаецца ў ім. Менавіта такім чынам швейцарскім вучоным была апісана сітуацыя далучэння чалавека да міфалагічных архетыпаў, якая характарызуецца асаблівай эмацыянальнай інтэнсіўнасцю: «быццам у нас закруты ніколі раней не звінеўшыя струны, пра існаванне якіх мы зусім не падазраваем» [1, с. 117]. Такім чынам, адпаведна К.Г. Юнгу, асобны сацыяльна атамізаваны індывід не здольны да сапраўднай творчасці. Ён не можа лоўнасцю разгарнуць свае сілы, калі не прыйдзе яму на дапамогу ідэал, утвораны калектыўнымі ўяўленнямі. Усе найбольш распаўсюджаныя ідэалы заўсёды ёсць больш ці менш праўдападобныя, шчырыя варыянты архетыпу. Любы архетып «закранае» нас, абуджае ў кожным з нас голас больш гучны, чым нам уласцівы. У гэтым феномене якраз і заключаецца, на думку К.Г. Юнга, вялікая «тайна ўздзеяння мастацтва».

Будучы мадэллю, усякі архетып выконвае таксама і пасаалагічную функцыю. Уласна кажучы, усякая мадэль і ствараецца для таго, каб з яе дапамогай пазнаваць свет. «Пад мадэллю, – адзначаў В.А. Штоф, – маецца на ўвазе такая ўяўная ці матэрыяльна рэалізаваная сістэма, якая адлюстроўваючы ці ўзнаўляючы аб'ект даследавання, здольная замяшчаць яго так, што яе вывучэнне дае нам новую інфармацыю аб гэтым аб'екце» [11]. Як мы бачым, у дадзеным азначэнні адзначаецца факт свядомай пабудовы чалавекам нейкага аб'екта, які ён будзе выкарыстоўваць у якасці мадэлі. Аднак архетып з'яўляецца мадэллю асобнага роду. Яго генезіс, лічыў К.Г. Юнг, звязаны з неўсвядомленым. Архетып уласцівы роду і ім атрымліваецца ў спадчыну. У якасці ўмяшчальні («душэўнай прасторы») для архетыпу навукоўца паступіраваў асабліва глыбокі ўзровень неўсвядомленага, якое выходзіць за межы асобы, – так званае калектыўнае неўсвядомленае. Такая спецыфіка ўзнікнення архетыпу як мадэлі параджае і асаблівасці выканання ім сваёй пасаалагічнай функцыі. Архетып не адлюстроўвае нейкі арыгінал, мадэллю якога з'яўляецца, а нараджае пэўны тып аб'ектаў. Менавіта ў гэтай злучанасці архетыпу з тыповым бачыў нямецкі літаратар Т. Ман міфалагічнасць архетыпу, «... у тыповым, – пісаў ён, – заўсёды ёсць шмат міфалагічнага, міфалагічнага ў тым, што тыповае, як і ўсякі міф, – гэта першапачатковы ўзор, першапачатковая форма жыцця, якая невыразна імянецца ізноў авалодаць вызначальнымі некалі ёй прыкметамі» [12].

У адносінах да літаратурнай творчасці можна сцвярджаць, што архетып як мадэль не з'яўляецца мастацкім вобразам сам па сабе, ён – творчы пачатак, энтыпехія гэтых вобразаў. На наш погляд, у гэтым выпадку архетып і вобразы ўступаюць у працэс нейкіх зносін, адно абумоўлівае другое. Строга захоўваючы сваю раздзельнасць, яны ўтвараюць сапраўды ўнутранае адзінства, якое можна апісаць наступнымі словамі: яно, як адзначаў рускі філосаф С.Л. Франк, ёсць «...глыбока ўнутранае, якое пранікае да самых каранёў, сапраўднае адзінства: «узаемадзеянне» ажыццяўляецца тут у форме ўзаемапранікнення. Быццё аднаго з другім, дзеянне аднаго на другое ёсць тут быццё аднаго для другога, а гэта быццё аднаго-для-другога ёсць тым самым – нягледзячы на раздзельнасць – быццё аднаго-у-другім» [13]. Такім чынам, архетып як мадэль у працэсе літаратурнай творчасці перарастае сябе (бо ў мадэліраванні няма разгледжанага намі ўзаемапранікнення вобраза і правобраза) і набывае іншыя якасныя рысы. Канцэпцыя архетыпу арыентуе даследаванне міфаў на пошукі ў этнічнай і тыповай разнастайнасці міфалагічных сюжэтаў і матываў інварыянтнага архетыпічнага ядра, якія метафарычна выяўляюцца гэтымі сюжэтамі і матывамі, але ніколі не могуць быць вычарпальнымі ні пазытыўным апісаннем, ні навуковым тлумачэннем. У адносінах жа да аналізу твораў мастацкай літаратуры, дадзеная канцэпцыя накіроўвае літаратуразнаўцаў на пошук у творах пісьменнікаў той пачатковай мадэлі, таго канкрэтнага

«архе», з дапамогай якога аўтар стварае вобразы сваіх літаратурных герояў. Так, напрыклад, у адносінах да аналізу архетыпу беларуса ў творах беластоцкіх літаратараў другой паловы XX стагоддзя наша задача заключаецца не проста ў пераліку тых тыповых рыс беларусаў, якія характэрны для паэтычных герояў дварэльных аўтараў, але пошук менавіта тых асноўных жыватворных і вобраза-стваральных рыс, якія і будуць у сваёй сукупнасці складаць архетып беларуса.

Рашэнне дадзенай праблемы ўскладняецца некаторымі асаблівасцямі развіцця як беларускай літаратуры, так і сацыяльна-філасофскай думкай у Беларусі. Справа ў тым, што «архе» як стваральны пачатак, як мадэль, узнікае двума асноўнымі спосабамі. Першы апісаны ў «Літаратурным энцыклапедычным слоўніку», у якім даецца наступнае азначэнне паняцця архетыпу: гэта – «матывы і іх камбінацыі, якія маюць уласцівасць «усюдыіснасці», універсальныя ўстойлівыя псіхалагічныя схемы (фігуры), што неўсвядомлена ўзнаўляюцца і знаходзяць змест у архаічным рытуале, міфе, сімвале, вераваннях, актах псіхалагічнай дзейнасці (снах і гэтак далей) і таксама ў мастацкай творчасці амаль да сучаснасці» [14].

Другі спосаб – гэта спосаб па-філасофску абдуманнага стварэння архетыпу. Тут мы можам спасылацца на грэчаскага філосафа Платона. Яго ідэі можна разглядаць у якасці спецыфічных архетыпаў, якія ствараюць «свет рэчаў». У адносінах да мастацкай літаратуры роль гэтых зыходных ідэй належыць сацыяльна-філасофскім канцэпцыям, у якіх выражаны некаторыя асноўныя нуклеарныя рысы фрагментаў рэчаіснасці. Для мэт нашага даследавання асабліва значныя тыя канцэпцыі, у якіх адлюстроўваюцца рысы паняцця «беларус». Неабходна адзначыць, што калі ў суседніх народаў – палякаў і рускіх – такія рысы з дастатковай ступенню пэўнасці выражаны ў філасофскіх паняццях, то ў беларускай філасофскай думцы, на жаль, нічога падобнага на азначэнне паняцця «беларус» не існуе. І справа тут не ў тым, што ў беларусаў увогуле не было прадстаўнікоў філасофскай думкі. Яны былі, але не іх віна, а бяда, што ў рамках тых канкрэтна-гістарычных умоў, у якіх ім прыходзілася тварыць, прамое філасофскае абгрунтаванне ідэй незалежнай Беларусі, канцэптualaнае разуменне сэнсу існавання беларускага народа было немагчыма. Такія ідэі падаўляліся ў зародку як у Рэчы Паспалітай, так і ў Расіі. Такім чынам, беларускія пісьменнікі, ствараючы архетып «беларускага чалавека», вымушаны былі ці ўвогуле абыходзіцца без глыбока распрацаваных філасофскіх ідэй, ці ствараць іх самастойна. Адною з аб'ектыўных прычын, якую адзначаюць многія даследчыкі выключнай філасафічнасці беларускай мастацкай літаратуры, якраз і з'яўляецца неразвітасць прафесійнай філасофскай думкі ў Беларусі: пісьменнікі і паэты такім чынам вымушаны былі браць на сябе функцыі філосафаў. У выніку становіцца надзвычай складаным вывесці той агульны існасны архетып беларуса, які прысутнічае ў беларускай літаратуры. І калі ў рускай літаратуры аналагічны архетып «рускага чалавека» быў як бы першапачаткова зададзены ўсёй ідэалагічнай сістэмай імператарскай Расіі, то для Беларусі такога ідэалагічнага імператыву не існавала ўвогуле або ён поўнасцю супадаў з імператывам рускасці: як вядома, у імператарскай Расіі такой нацыянальнасці як «беларусы» не існавала, а беларусы лічыліся часткай адзінага рускага народа нараўне з велікаросамі і маларосамі (украінцамі). Такім чынам, у існуючым вакууме ідэй беларуская літаратура была вымушана аб'ектыўна займацца не зусім натуральнай для мастацкай літаратуры дзейнасцю, якая насіла філасофска-ідэалагічны характар.

Безумоўна, плённасць гэтай дзейнасці залежала ад глыбіні ўкараненасці пісьменніка ў некаторы аб'ектыўна існуючы «беларускі пачатак». Аднак неабходна адзначыць, што ў большасці беларусаў у XX стагоддзі гэты пачатак не ўсведамляўся як штосьці такое, што спецыфічным чынам выдзяляе іх з ася-

роддзя іншых народаў. Неспрыяльная грамадска-палітычная сітуацыя ў пачатку XX стагоддзя вызначала нізкі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Аб гэтым неаднаразова ўпаміналі беларускія пісьменнікі, такія, як Я. Кулала, М. Гарэцкі, М. Багдановіч і іншыя. Упаміналі з пачуццём горычы, бо былі заўзятымі прыхільнікамі незалежнасці Беларусі. Больш таго, у многіх іншых людзей існавала некаторае негатыўнае адчуванне сваёй нацыянальнай самасці, пэўная закамплексаванасць: беларусы – гэта людзі, якім вечно накіравана быць у рабстве. «Паказным прыкладам таго, – заўважае Лявон Вашко, – можа служыць патлумачэнне Іванам Насовічам у сваім «Словаре беларускага наречія» слова хам; Іван Насовіч звяртае ўвагу на тое, што згаданае слова ўжываецца сярод беларускіх людзей у значэнні раб, пры гэтым у народзе існуе вызначэнне-забабон паводле спрадвечнай, накіраванай богам беларускай хамарабскай прыродзе» [15].

Гістарычна склалася так, што беларусы як бы забылі сваё найменне і сталі проста «тутэйшымі». Гэтыя людзі жылі як бы ў іншым гістарычным вымярэнні, у той гісторыі, у якой яны нічым асабліва сябе не праяўлялі. «Тутэйшы», – працягвае Л. Вашко, – псіхалагічна жыве ў навакольнай гісторыі гэтай сваёй гістарычнай адсутнасцю; ён як бы загадзя прызнае сябе «хамам», не імкнучыся самавыявіцца ў нейкі іншы, дзейсны спосаб; гэтая «прысутная адсутнасць» дужа хвалюе этнографу. І беларуская мастацкая літаратура пачатку XX стагоддзя спрабуе выявіць «нішто» як сутнасную, нацыянальную адметку «тутэйшых» [15, с. 81].

Безумоўна, што ў наступныя часы становішча ў многім змянілася ў лепшы бок. Людзі ўжо даўно не называюць сябе «тутэйшымі», а адпаведна з апошнім перапісам большасць беларусаў лічаць беларускую мову сваёй роднай. Аднак пачуццё сваёй нацыянальнай годнасці і самадастатковасці ў большасці беларусаў развіта не намнога больш у параўнанні з канцом XIX – пачатку XX стагоддзя. Адпаведна, тое, што не самавызначана ці вызначана ў нязначнай ступені, не можа валодаць жыццестваральнай сілай, тым самым «архе», аб якім ідзе размова. Такім чынам, сучасныя беларускія пісьменнікі, як і іх папярэднікі канца XIX – пачатку XX стагоддзя, для выяўлення архетыпу беларуса вымушаны абалірацца не на тыя элементы яго, якія слаба захаваліся ў народным калектыўным неўсвядомленым, а ісці у глыбіню стагоддзяў, у тыя часы стаўлення дадзенага архетыпу, які знайшоў сваё адэкватнае адлюстраванне ў народнай міфалагічнай творчасці, у гісторыі. Беларускія паэты-адраджэнцы з вялікаю пашанам ставіліся да гістарычнай спадчыны свайго народа, разумелі гісторыю як неад'емную частку духоўнай культуры нацыі, як падмурак у працэсе развіцця нацыянальнай свядомасці. Адчуваючы гэта, пісьменнікі не толькі самі звярталіся да дадзеных вытокаў сваёй творчасці, але і заклікалі ісці гэтым жа шляхам маладую беларускую інтэлігенцыю. Так, напрыклад, герой апавядання М. Гарэцкага, вясковы дзед Яхім, такімі словамі настаўляе студэнта-медыка Архіпа Лінкевіча: «Першае, што скажу я табе, гэта – чытай, галубец, у кніжках і ў разумных людзей пытайся, як жылі даўней нашы тутэйшыя людзі... Споўні гэты загад – у жыцці не ашукаешся, будзеш ведаць, што рабіць трэба. І ніякая, братка, чартоўня, ніякія думы чорныя не змогуць цябе» [16]. Такім чынам, побач з рэальнымі элементамі «беларушчыны», якія існуюць у паводзінах сучаснікаў (аднак, якія існуюць у асноўным не на ідэалагічным, а на псіхалагічным, неўсвядомленым узроўні) беларускія пісьменнікі для аднаўлення архетыпу беларуса вымушаны звяртацца да свайго неўсвядомленага «я», да ўнутранага голасу крыві, да міфалагічных вытокаў, да фальклору, і, менавіта, на базе гэтых трох састаўных кампанентаў адкрываць ідэю Беларусі, беларушчыны, саміх беларусаў.

Адноўлены такім чынам архетып беларуса якраз і будзе валодаць стваральна-анталагічнай функцыяй у іх літаратурных творах. Беларускія вобразы

ёсць разгортванне ў прасторава-часавым літаратурным канцэпце таго нуклеарнага ядра, зыходнай мадэлі, якая авалодала душой пісьменніка, мадэлі, якая і называецца «архетыпам беларуса».

Адзначым, што ў такім нашым разуменні архетып ні ў якой ступені не з'яўляецца сімвалам, знакам. Справа ў тым, што ў навуцы, дзякуючы працам амерыканскага логіка Ч.С. Пірса, які лічыў, што знак ёсць А, які абазначае В для С, устанавілася наступнае традыцыйнае разуменне знака: «Знак, матэрыяльны прадмет (з'ява, падзея), які выступае ў якасці прадстаўніка некаторага другога прадмета, уласцівасці ці адносіні і які выкарыстоўваецца для набыцця, захавання, перапрацоўкі і перадачы паведамленняў (інфармацыі, ведаў)» [17]. Архетып жа беларуса ў творчасці беларускіх пісьменнікаў гэта не знак, які толькі рэпрэзентуе вобразы канкрэтных літаратурных герояў, гэта, менавіта, той прынцып «архе», які нараджае іх.

ЛІТАРАТУРА

1. *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. – Т. 2. – 719 с.
2. *Юнг К.Г.* Собрание сочинений. – Т. 15. – М., 1992. – 516 с.
3. *Хюбнер К.* Истина мифа. – М., 1996. – 374 с.
4. *Мелетинский Е.М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии, 1991, № 10. – С. 14–32.
5. *Бутырчык Г.М.* У пошуках Бацькаўшчыны: Выпыт тыпалагічнага доследу творчасці Джона Стэйнбека і Кузьмы Чорнага. – Мн., 2003. – 54 с.
6. *Мархель У.І.* Прысутнасць былога: Нарысы, артыкулы, эсэ. – Мн., 1997. – 192 с.
7. *Гніпамёдаў У.В.* Пазычныя традыцыі і менталітэт // Палымя, 1997, № 11. – С. 324–343.
8. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996. – 416 с.
9. *Барскі А.А.* Блізкасць далёкага. – Беласток, 1987. – 35 с.
10. *Шеллинг Ф.В.Й.* Введение в философию мифологии. Сочинения в 2 т. Перевод с нем. – Т. 2 / Сост. ред. А.В. Гулыга; прим. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. – М., 1989. – С. 159–375.
11. *Штофф В.А.* Моделирование и философия. – М.-Л., 1966. – 301 с.
12. *Ман Т.* Собрание сочинений. – Т. 9. – М., 1960. – С. 439.
13. *Франк С.Л.* Сочинения. – М., 1990. – 608 с.
14. *Літаратурны энцыклапедычны слоўар* / Под общей редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – 570 с.
15. *Вашко Л.М.* Пстарызацыя сьвядомасці: Беларуская літаратура і беларушчына на пачатку XX стагоддзя. Навуковая публіцыстыка. – Масты – Гародня – Мінск, 1997. – 150 с.
16. *Гарэцкі М.* Збор твораў. У 4 т. – Т. 1. Апаваданні / [Аўт. прадм. А. Адамовіч]. – Мн., 1984. – 446 с.
17. *Философский энциклопедический словарь* / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Огла, Л.Ф. Ильичев и др. – 2 изд. – М., 1989. – 815 с.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of archetype in general and Belarusian archetype in particular. Much attention is paid to the wide use of this term in philosophy, psychology, cultural studies and literary criticism.

Поступила в редакцию 30.08.2004

Роман В. Берента «Живые камни» как литературно-художественная трансформация мифа о св. Граале

Эпоха Средневековья бредила св. Граалем, в достижении которого ей виделась божественная милость, совершенство духа, безупречная чистота души. В основе легенды о св. Граале лежит сказание об Иосифе Аримафейском, бывшем на службе у Пилата. Он много раз видел Иисуса и успел полюбить его. Присутствуя на собрании иудеев, замышлявших погубить Назарянина, Иосиф не осмелился противоречить им. Позже, узнав о смерти Иисуса, он решился в глубокой скорби спасти от поругания Его тело. Иосиф принял в свои руки Святое Тело и тихо положил его на землю. Омывая Его, он заметил кровь, струившуюся из ран, и ужаснулся, осознав, что ею был рассечен камень, находившийся у подножия креста. Иосиф вспомнил о сосуде Тайной Вечери, который перед тем был отдан ему Пилатом, и нашел, что капли божественной крови следует собрать именно туда. Сосуд наполнился кровью Иисуса.

После воскресения Христа иудеи решили предать смерти Иосифа, которого считали виновником потери Распятого. Он был заключен в принадлежащую Каиафе темницу, куда и явился Иисус, неся сосуд с Божественной кровью. Увидев свет, Иосиф возрадовался сердцем и исполнился благодати Св. Духа. Иисус поведал о том, что мученик возымеет непрестанную радость, когда окончит жизнь на земле. Любовь Христа будет явственна для всех и опасна для неверящих. Иосиф получил в дар от Иисуса Христа драгоценный сосуд с Его кровью как воспоминание о смерти Богочеловека.

«Это был, как говорит легенда, тот самый сосуд, в котором Пилат умыл свои руки, которым пользовался Господь на Тайной Вечере и в который пролилась Божественная кровь с креста» [1].

Кроме наиболее распространенной версии о том, что св. Грааль – это сосуд, первый сакральный бокал, чаша с чудодейственной кровью Спасителя, не сворачивающейся и излучающей свет, существует версия о том, что Грааль – это поднос с человеческой головой, окруженной кровью [2].

Вольфрам фон Эшенбах (1170–1219/25), рыцарь и миннезингер в одном лице, предлагает свою оригинальную трактовку этой старинной легенды. У него св. Грааль – это драгоценный магический камень, принесенный с неба нейтральными ангелами. Во время небесной войны между Богом и Сатаной, добром и злом, светом и тьмой одни ангелы выбрали сторону Бога, иные – Сатаны. Грааль был спущен на землю нейтральными ангелами, выбравшими путь между двух сторон. Дорога ангелов символизирует зыбкую грань, разделяющую противоположности, а прежде всего добро и зло, добродетель и грех. Магический камень способен даровать людям душевную благодать, он обладает чудесным свойством сохранять человеческую молодость, давать пищу и одежду.

Авторы романов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола переплетают миф о св. Граале с древними бретонскими сагами, сказаниями о волшебнике Мерлине. К. Иванов в исследовании «Трубадуры, труверы и миннезингеры» (1901) замечает, что в поэмах бретонского цикла «сильно развит элемент волшебства и всяких чудес; они проникнуты стремлением к чему-то далекому

и таинственному; воображение их авторов не признает никаких границ; мир действительный и сверхъестественный взаимно проникают друг в друга, и взор человека не может схватить той линии, которая их разграничивает» [1, с. 130].

Вацлав Берент (1873–1940) стремится соотнести мироощущения своих героев с эстетикой Средневековья. В романе «Живые камни» (1918) находят свое отражение черты «средневекового гуманизма», сформировавшегося под непосредственным воздействием христианства: убежденность в сосуществовании двух миров – земного и потустороннего, в котором выделяются также «горний мир» – мир Бога и адская бездна; восприятие общности живых и умерших людей; противоборство в человеческом существе духовного и телесного начал; обособленное восприятие духовного как высшей сути человека, с которой связывается понятие о личности; антропоморфизм в видении человека и природы.

В романе «Живые камни» последовательно воссоздается мировосприятие средневекового человека, которое характеризуется способностью устанавливать непосредственную связь между материальным и нематериальным, между конкретно-чувственным и понятийно-абстрактным и воспроизводить одно через другое. Именно символично-аллегорический характер средневекового мышления определяет способ творческой интерпретации романа «Живые камни», в котором трудно определить явь от грез, миф от мечтаний, прожитое от придуманного. Направление авторской мысли можно попытаться отыскать в его рассуждениях над особенностями поэтики «Сказки» И.В. Гете (1749–1832): «Живые символы ее образов с поистине сказочной интенсивностью красок сразу же покоряют воображение, одновременно тревожа мысли непрерывным басовым призывом более глубоких значений» [3]. Втягивая читателя в процесс сотворчества, Берент просит его «прослушать», «выслушать» произведение Гете ушами ребенка, вернуться к детским истокам восприятия сказок, преисполниться духом веры и фантазии.

Общая картина «Живых камней» усложняется тем фактом, что обращаясь к приему построения произведения согласно принципам романа «исторического костюма», локализуясь в определенном историческом моменте, В. Берент избегает конкретики, фактографических подробностей, многоплановости описаний и портретных характеристик людей минувшего, создает неповторимую идейно-художественную атмосферу, говорящую на языке сказки. Станислав Кольбушевский, в свою очередь, замечает, что писатель облек исследование «в превосходную художественную форму, в форму сказки, в которой действительность и мечта, реальная жизнь и мир галлюцинаций соединились в неразрывное, гармоничное целое» [4]. Сказочность становится еще более ощутимой, благодаря тому живому диалогу, который Берент ведет со Временем и историей, выстраивая свой пространственно-временной континуум, подчиненный мифу.

Роман «Живые камни» «врезается» в миф о св. Граале, насыщается им и рождает собственные модели его интерпретаций. Мифологическое содержание дает возможность уйти от натуралистической достоверности и однозначности, общение с ней требует напряжения духовных сил, подключения богатого ассоциативного опыта. Художественное отражение мира в значительной степени совместимо с образностью религиозного сознания, системой различных уровней религии – представлений, настроений или действий. На протяжении всего романа непрестанно звучит призыв к поискам св. Грааля – как потребность в покаянии и очищении. У Вацлава Берента Грааль – это «чаша» с кровью Спасителя, «сокровище Иосифа Аримафейского»: «Иосиф Аримафейский спрятал от нас это сокровище» – И плодотворное сердце христиан рождает лишь только удушливое *igmentum*: этих странствующих рыцарей в их

безустанном поиске Грааля – для уничтожения горестей с лица земли, для обновления всех сердец [5].

Св. Грааль – это осмысленный путь сквозь неизведанное и невозможное, поиск неисчерпаемого источника настоящей, полноценной жизни. В. Берент видит в нем центр совершенной гармонии, примирения противоречий, полное осуществление высшего духовного потенциала человеческого сознания. Таинственный Грааль, ускользящий от человечества, символизирует бесконечную дорогу к самому себе, связывается с проблемой самоопределения, выявления своей сущности. Это то, чего достигает человек, к чему стремится, не склоняясь перед трудностями, не поддаваясь соблазнам лени, страха и усталости, а главное – оставаясь самим собой, не теряя своей подлинности и естественности. В раскрытии этой темы важны прежде всего образы рыцаря, мастера оружейных дел, голиарда, приора и брата Луки, измеряющих жизнь с помощью идеальных, духовных критериев. Все они находятся в состоянии созерцания и оценки собственных поступков, жизненных падений и побед. Миф дает героям В. Берента возможность расширить рамки своего земного существования, возвыситься над действительностью, воспринять самого себя как участника одной большой мистерии, разыгрываемой где-то между жизнью и смертью.

Их внутренние, интеллектуальные странствия продиктованы необходимостью самодополнения, нахождения своего жизненного идеала, указывающего на то, что человек способен не только осмыслить мир, но и созидать его, наполнять собственным светом. Это один из наиболее важных моментов эстетики Вацлава Берента. Роман «Живые камни» насыщен мыслями, идеями, слитыми с образами литературы, религии, философии. Только сознательное, целенаправленное стремление к совершенству может привести к достижению идеала (примером могут служить судьбы голиарда, лекаря, приора, оружейника), в противном случае – идеал остается недостижимым (признающие только материальные блага «животы и подбрюшья» [5, с. 289]). Отсутствие идеала – это источник зла, застоя, обмана. Эстетика Вацлава Берента акцентирует проблему воздействия идеала в творческом осмыслении действительности: «Чаша Грааля потеряет свое самое сокровенное содержание, понятное только в мгновения истинного «вдохновения»: силу покоряющего души символа. Хрустальная чаша, «чистое» искусство может на самом деле оказаться пустой. Тем настойчивее будут звать к ней новые приверженцы о наполнении ее вином жизни, как пьянящим дурманом. Таким образом, жизнь постепенно лишится не только влияния идеи, но и просто направления» [3, с. 115].

Метафора жизни, как вытекающего из кувшина вина, в романе «Живые камни» ассоциируется с образом мастера оружейных дел, смотрящего иногда на мир сквозь хрустальное стекло бокала («а взгляд сквозь хрусталь – как известно – нехорош. (Поэтому ведьмы и темные гадалки так часто обращаются к его магии)» [5, с. 333]). Для героя В. Берента источником вдохновения являются не искажение и деформация действительности, не оптический обман, а внутренняя углубленность, сосредоточенность, лежащие на дне бокала. Десять лет он кует для церкви семирукавный подсвечник, вокруг которого вьется Древо Жизни, дерево из райского сада. Древо Жизни является частым иконографическим мотивом средневекового искусства и символически связывается с деревом Креста, на котором свершился акт Искупления.

Оружейник вспоминает о том, что перед тем он четыре года ковал себе доспехи, точь-в-точь такие же, как у самого Парсифаля. И нашелся на них купец: «Верно засмотрелся тот рыцарь на врата костела, где я представил все падения рода человеческого, начиная с изгнания из рая, а закончил я последней надеждой человечества, согласно моим представлениям... Ожила моя бронза: от церковных врат отпавила она на новый поиск Грааля...» [5, с. 334].

Миф наполняет жизнь, которая стремится его освоить и сделать своим содержанием. Для мастера оружейных дел св. Грааль отождествляется с торжеством и бессмертием искусства, реализацией творческих замыслов. Придя к своему Граалю, увидев его, просветленный художник умирает, оставив незавершенным свое творение.

Также перед самой смертью познал правду жизни раздвоенный в себе голиард. Отделившись от внешнего мира, погрузившись в самого себя, голиард путем игры превращений, ставшей его духовной потребностью, приближается к вечной гармонии единства. Разрывавшие его душу противоречия примиряются, бунтарство сменяется внутренним спокойствием. В видениях голиарда, ослепленного солнцем, находящимся в зените, божественная чаша, «*cista mystica*» (мистический сосуд), предстает как виноградная гроздь, как символ Бахуса, как «живое человеческое сердце», наполненное соками жизни [5, с. 276]. Св. Грааль символизирует радость, жизненную энергию, плодородие. «Голиард отождествил тайну мучений Христа (символика Грааля) с тайной вечно возрождающейся биологической жизни (ваханальная символика), и одновременно это равенство пропустил через самого себя, воспринял его как основу внутреннего переживания, глубочайшую правду сердца» [6].

В Средневековье миф о св. Граале был особенно тесно связан с идеей рыцарства. Стремление к усовершенствованию действительности и приданию ей неповторимой красочности преобразовывало жизненные принципы в художественную форму. Мечта о красоте проявляется не только в произведениях искусства, но и облагораживает саму жизнь, превращает ее в игру. Рыцарь повседневно должен демонстрировать свое умение играть, иначе говоря, индивидуальное искусство жизни [7]. Идеал рыцарства облачает действительность в доспехи Ланселота и Парсифала (как это происходит в романе «Живые камни»), сама же рыцарская жизнь следует определенным примерам. Й. Хейзинга констатирует: «Нет большой разницы в том, будут ли это герои из окружения короля Артура или же античные герои [...] Сфера античного воображения не была тогда еще отделена от мифологии Круглого Стола» [7, с. 74].

В художественном аспекте в мифе отчетливо прослеживается его идеальное содержание. Структура мифа такова, что дает возможность очень ясно понять, что, например, победа над злом – это символ победы как возможное, как стремление, как смысл человеческой жизни. Существенной особенностью художественного мифа является устойчивость и широкая историческая перспектива бытия мифологического образа во времени.

Герои романа В. Берента: рыцарь, «его» Ланселот, «его» Парсифаль, неся в себе идею рыцарства, воплощают и одновременно трансформируют средневековый миф о св. Граале.

Своеобразие «Живых камней» определяется влиянием на Вацлава Берента творчества Рихарда Вагнера (1813–1883). Более всего это касается лейтмотивов. В музыке лейтмотив – это мелодичный отрывок, ассоциирующийся с определенным образом. Лейтмотивы в вагнеровских операх как конкретны, так и символичны, что позволяет им быть носителем «сплошного потока» музыки, организованного по принципу контрастной полифонии. Столь же многозначны лейтмотивы и у В. Берента, стремящегося в структуре произведения соединить мифологические мотивы, относящиеся к разным культурно-историческим пластам (античность и средневековье). Вагнер проповедовал необходимость синтеза мифологии и психологии в современном ему искусстве, в своих музыкальных драмах («Парсифаль» (1882), «Тристан и Изольда» (1859), «Тангейзер» (1845) новаторски подходил к мифу, преобразуя его в основу внутреннего действия.

Рыцарь в романе «Живые камни», поддавшись игре воображения, перевоплощается в мифологического героя, превращает свою жизнь в роль, в подражание. Утрачивая самого себя, он в то же время самого себя обретает. Рыцарь ищет в мифе о Ланселоте разгадку собственной сущности, своего предназначения. Роль, в которую он вжил, начинают соответствующим образом воспринимать и окружающие (королева, брат Лука). Воображение рыцаря постепенно переступает границы внутреннего мира, перебрасывается на тех, кто и сам хочет быть втянут в мифологическую игру.

«Глухим, как у зверя, рычанием нахваливал мавр красоту девушки.

Но ее глаза нашли в толпе чудесный плащ и одежды рыцаря, проходящего неподалеку с голиардом. Удивленная, с изюминкой на устах, засмотрелась она на нарядно одетого господина с таким восторгом, что эти ее живые глаза чуть не закричали: «Неужто сам Ланселот?!»

Из пекарни возвращалась девица, наслушавшаяся там сказок жонглера» [5, с. 83].

Голиард видит в рыцаре прежде всего мечтателя, «романтика», понимая, что душа его расколота временем: «Рыцарь этот безумен был однако: романсов любимый герой! как будто Геракл какой – не по силе, а по сердцу – тот, что, отправившись на поиски яблок Гесперид, источников нектара и амброзии, совершил семь подвигов – не по силе, а по благородству случая – неизвестно зачем и почему! чтобы погибнуть неизвестно за что!... Рыцарь этот безумен был однако: тоскующий по романтичности! Последний уж даже и среди пережитков, уж верно наследник этих живых камней на могилах костелов – опоздавший духом *slavonus...*!» [5, с. 106].

В позднем Средневековье рыцарство становится всего лишь высшей формой жизни, маской с ярко выраженным игровым контекстом, призраком. Уже как о «давнем» рыцарстве говорит приор, слагавший хроники о рыцарях Граала. В романе «Живые камни» Берентом создается необычайно красивый образ двух рыцарей, летящих на одном коне. Возможно, это собирательный образ рыцарства, метафора уходящей в века эпохи. Может быть, это уже только воспоминание о безымянных служителях любви и долгу.

«Извиваясь змеей, белея, поднимается к предгорью далекая дорога и обрывается в страхе на вершине дремучих лесов. Заслоняет эти лесные врата большой щит месяца. Как привидения приближаются к нему на последнем уж повороте дороги оба странствующие рыцаря, сидящих на одном коне; горят поднятые факелы. Не останавливается этот призрак на перевале – а врывается прямо в огненный шар...

Говорят, так бросается в огонь птица Феникс в плену воображения.

Вскоре месячный щит взнесется с ними выше – к звездам» [5, с. 212].

В этом образе сливаются в единое целое два начала – чувственное и духовное. Это Ланселот и Парсифаль в одном лице.

В романе «Живые камни» рыцарь, стремясь постичь свое предназначение, начинает дублировать Ланселота, который, в свою очередь, постепенно перерастает в Парсифаля. «Из-за женщины я духовно отрекся от этой чаши: я пренебрег поиском Граала... А перед Тобой да еще в храме Твоем я наряжался для похвалы рыцарства Твоего: ведомый гордыней я вырывался за эти пороги, хотя только самопожертвование ведет к покорности! Из-за меня и Парсифаль не нашел чудотворной чаши Твоей – последний быть может из Твоих рыцарей!...» [5, с. 46].

К св. Граалю мог приблизиться только достойный, избранный, чистый душой рыцарь, для всех же остальных чаша с кровью Иисуса Христа оставалась недостижимой, невидимой, им никогда не взойти на *Монсальват*

(*Munsalvaesche* происходит от латинского выражения *mons salvationis*, что значит гора спасения) пока их сердца не очистятся от греховности.

Переломным моментом в средневековой мифе о св. Граале становится мотив пробуждения человеческого сердца к состраданию, когда чувство [*passion*] заменяется на сочувствие [*compassion*]. Эта проблематика неразрывно связана с образом Парсифаля (или же Парцифаля, как у Вольфрама фон Эшенбаха). Речь идет о сочувствии рыцаря к больному королю, Королю-Рыболову, хранителю секрета Грааля. Страдал не только Король, разбитый немощью, но и все вокруг него гнило и распадалось: замок, башни, сады; животные перестали размножаться, деревья не приносили плодов, родники высыхали. Лишь один Парсифаль способен был возродить жизнь, оживить «бесплодную землю».

Пренебрегая придворным церемониалом и правилами хорошего тона, рыцарь задает дерзкий вопрос: «Где Грааль?» – где основа жизни, где источник бессмертия? Едва прозвучал вопрос Парсифаля, как Король начал не только выздоравливать, но и снова становиться молодым, начала оживать Природа, забили фонтаны, к бывшему великолепию вернулся замок. Парсифаль разрушает стену метафизического и религиозного равнодушия, наполняет духовностью безжизненную пустыню очерстевших сердец [1, с. 270].

Образ Парсифаля символизирует путь христианина от неведения, самолюбования и гнева к пониманию, смирению и состраданию. «Почему же так жизненен и силен в нашем сознании Парсифаль – ведь нет же Грааля?»

И ответил ему сам дух во всем своем сосредоточии:

«Потому что не останавливался он в поиске поиска!» [5, с. 114].

Его идеал – высшее, духовное рыцарство, Св. Грааль, религия. Выше всякого земного величия, выше всякого героизма стоит героизм веры, стоит религия. Св. Грааль – аллегория религии. Сомнение неизбежно, но сильный дух побеждает его. Верное служение обретенному наконец идеалу, постоянное, упорное стремление дойти до него спасают человека. Это два сильных крыла, поднимающих человека над землей и возносящих его в обитель вечно блаженства.

В понимании образа св. Грааля с Вацлавом Берентом схож и Томас Манн (1875–1955): «Грааль – это идея Человека, первое предчувствие новой, грядущей человечности, прошедшей через горнило глубочайшего познания, болезни и смерти. Грааль – это тайна, но и человечность – это тоже тайна. Ведь и сам человек – это загадка, и в основе человечности всегда лежит преклонение перед этой загадкой» [8].

Отождествляясь с рыцарем, брат Лука попеременно становится то носителем идеи куртуазной любви, «ослепления», то приверженцем идеи поиска св. Грааля. В этом ролевом варьировании ему близок герой уэльских легенд – Передур, отождествляемый то с королем Артуром, то с Парсифалем.

В монахе побеждает сильный, «внутренний» человек. В благоухающем саду, среди цветов, выращенных заботливой рукой брата Луки (здесь прослеживается аналогия с христианской притчей о сеятеле, разбрасывающем зерно), в пантеистической умиротворенности грезится францисканцу «цветок самого Бога: бокал слез и улыбок, вознесшихся к небесам, короны всяческой, какая только может быть, красоты – живой в веках источник радостей мира...» [5, с. 307].

Й. Хейзинга замечает, что первые церковные ордена «выросли из слияния идеала монаха и идеала рыцаря как чистейшее воплощение средневекового духа» [7, с. 109]. Рыцарскому идеалу были свойственны черты благородного аскетизма, жертвенности и справедливости.

В романе «Живые камни» особая роль отводится настоятелю монастыря францисканцев, призванному обобщить результаты духовных странствий ге-

ров произведения. Приор сочетает в себе черты монаха, рыцаря, ценителя искусства. Это пример мудреца, постигшего смысл человеческой жизни, приблизившегося к духовному бессмертию. Он погружен в мистические подсчеты и пророческие видения. Воображение старого монаха находится в плену грез о будущем счастливом времени, картины которого он черпает из трудов аббата Иоахима из Флоре (1132–1202), помещенного Данте в «Рай» вместе с Августином и Иллюминатом, одними из первых последователей Франциска Ассизского:

*«а здесь, в двенадцатом
Огне сияют вещи Иоахим,
Который был в Калабрии аббатом»* [9].

Миф о св. Граале живет в сознании приора вместе с верой в царство Духа. Святой Павел говорит членам коринфской Церкви: «Вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живого» (2-е Коринфянам, 3:3). Идея «жизни по духу» имеет принципиальное значение для христианской теологии и понимания сущности человека.

Истинная вера – это бессмертие человека, вечная жизнь в «Царстве Божием». Иисус помещает эту идею в центре Своего учения и иллюстрирует ее смысл десятками великолепных, хотя и часто загадочных притч и аллегорий, заставляя Своих слушателей глубоко задумываться над Его словами: «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Матфей, 13:44–46).

В романе «Живые камни» однородность всей парадигмы христианских мотивов усовершенствования, жертвенности и «петляющее» возвращение мотива поисков св. Грааля объединены общим признаком духовного, идеального начала. На языке Духа, внутреннего просветления говорит приор о св. Граале, найденном в стенах монастыря: «Радуйтесь, школяры! Вы вззошли на Монасальват! Здесь стены сами дышат верой Авраама, надеждой пророков и любовью Спасителя нашего! [...] А жаждущие уста странников приложите к этой чаше, что осветит в душах ваших весь мир – к живому сердцу Франциска!» [5, с. 358–359].

Христианское послушничество позволяет верующему открыться Святому Духу, чтобы жить в вере, надежде и любви. Именно эти три добродетели являются отличительными чертами святости. Приор конкретизирует: «Вянет все, что не растет из корня любви. Ведь не *amor*, *nie misericordia*, а *caritas* зовется наша любовь. А тут – указал он вниз, как бы на фундамент монастыря, – тут глубже всего проник в лоно земли этот корень, посеянный Франциском. Итак, молодым его побегам не плющом цепляться за землю, а деревом ввысь расти!» [5, с. 357–358]. Герой Вацлава Берента различает «оттенки» любви: *amor* – чувственная любовь, *misericordia* – сочувствие, жалость, *caritas* – бескорыстная, жертвенная любовь (в греческом тексте Нового Завета чаще всего называется словом «агапэ»). Новый Завет говорит, что любовь должна быть деятельной и творческой и что ее неотъемлемой частью является способность прощать.

Войцех Гутовский [6, с. 330–331] замечает, что в романе «Живые камни» символика вегетации и витализма отчетливо вписывается в христианскую концепцию любви. *Caritas* является основой интегрированной жизни: одухотворенной и пульсирующей виталистической радостью. Жизненную энергию воплощают вечно неудовлетворенные искатели царства Духа: клерики, поэты, художники. Они – сеятели свободы, беззаботности и радости.

Человеку целеустремленному, вопрошающему сопутствует символ дерева, мощными корнями уходящего в землю, растущего, обновляющегося и постоянно устремленного ввысь. Бездействие, приземленность, равнодушие угадываются под символом цепляющегося, ползущего плюща.

В романе В. Берента «Живые камни» священный Грааль, как величайшая святая реликвия, объект поклонения в ранних христианских кругах, вечная тайна и загадка, воспринимается как стимул и стремление к бесконечному поиску. Писатель проводит мысль о том, что в легенде о св. Граале основополагающим является вопрос места личности в поиске этой таинственной, волшебной силы, в постижении смысла божественного, в наполнении жизни духовностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов К.* Трубадуры, труверы и миннезингеры. – М., 2001. – С. 222–223.
2. *Loomis R.Sh.* Graal: od celtyckiego mitu do chrześcijańskiego symbolu / Tłum. z ang. J.Sierakowski. – Kraków, 1998. – S. 12.
3. *Berent W.* Pisma rozproszone. Listy. – Kraków: Wyd-wo Literackie, 1992. – S. 220.
4. *Kolbuszewski S.* Romantyzm i modernizm. Studia o literaturze. – Katowice, 1990. – S. 375.
5. *Berent W.* Żywe kamienie. – Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. – S. 285.
6. *Gutowski W.* Nagie dusze i maski. – Kraków: Wyd-wo Literackie, 1992. – S. 328.
7. *Huizinga J.* Jesień średniowiecza / Tłum. z holend. H. Brzostowski. – Warszawa, 1992. – S. 62.
8. *Мани Т.* Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 9. О себе и собственном творчестве. – М., 1960. – С. 171.
9. *Данте А.* Божественная комедия / Пер. с итал. М. Лозинского. – Мн., 1986. – С. 139–141.

S U M M A R Y

The article is devoted to one of the most meaningful phenomenon of the Polish literature in the first half of the twentieth century – Waclaw Berent's (1873–1940) creative work. On the basis of analysis of his novel «Living Stones» is trying to find the sense of interpretation of literary and artistic variations of Holy Graal's myth. The article investigates a question of philosophical and allegorical measuring of «Living Stones» referred to the biblical and medieval context.

Поступила в редакцию 1.07.2004

УДК 372.800.26.046.14

Л.В. Маркова, М.В. Шилина, Н.А. Лапицкая

Программный комплекс «Генетический мониторинг»

Мощным средством исследования явлений природы и технических объектов является эксперимент. При этом, независимо от задач, решаемых различными исследователями в отдельно взятой предметной области, можно выделить типовые задачи исследования, с которыми приходится сталкиваться каждому экспериментатору. К таким наиболее распространенным типовым задачам экспериментального исследования обычно относят:

- получение некоторых предварительных сведений о процессе (объекте);
- получение формальных зависимостей;
- проверку гипотез, т.е. некоторых содержательных предположений о свойствах объекта;
- оптимизацию свойств изучаемого явления (объекта).

Облегчить работу экспериментатора при решении этих типовых задач, повысить ее эффективность при проведении научных экспериментов можно путем использования знаний из теории планирования эксперимента. Математическим аппаратом этой теории являются теория вероятностей, математическая статистика, а также некоторые разделы прикладной математики (Программирование, Имитационное и статистическое моделирование, Численные методы и т.д.). Эффективная реализация задач планирования эксперимента возможна только на базе современных достижений вычислительной математики и информационных технологий. Исследователю любой предметной области для достижения успеха в проведении эксперимента и анализе полученных данных необходимо одинаково хорошо ориентироваться, во-первых, в математическом моделировании, т.е. умении формализовать реальную задачу и построить ее математическую модель, и, во-вторых, в математическом аппарате прикладной статистики и соответствующем программном обеспечении ЭВМ. Чтобы оптимизировать трудозатраты такого плана, было решено создать программный комплекс с удобным современным интерфейсом для решения типичных задач планирования эксперимента и ориентировать этот комплекс на исследования в области генетики.

Наряду с успехами геномной инженерии, селекционный процесс не утратил своей актуальности, и в настоящее время широко применяется во всем мире для создания ценных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур. Для выявления образцов, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве доноров информации генетического типа, необходимо решать следующие задачи:

1. Во всем многообразии фенотипической изменчивости определить долю и закономерности влияния компонента среды.
2. Выявить перспективные генотипы с аддитивно-доминантным типом наследования хозяйственно-ценных признаков.

Для этих целей был разработан программный комплекс «Генетический мониторинг», который является объединением трех логических модулей: «Обработка данных», «Гибридологический анализ» и «Взаимодействие генотип*среда».

Большинство признаков животных и растений, имеющих хозяйственное значение, относится к категории количественных. Для характеристики популяций по количественным признакам в настоящее время применяют методы прикладной статистики [1]. Анализ и последующая обработка экспериментальных данных обычно проводятся по выборочным данным. Выборочный метод позволяет оценить средние значения, варианты и другие статистические показатели, которые могут быть определены из непосредственных наблюдений над популяцией. Эти статистические показатели можно интерпретировать, учитывая ряд генетических и негенетических факторов, под влиянием которых происходит изменчивость по количественным признакам. Решению таких задач соответствует приложение «Обработка данных» – программа, которая позволяет статистически обработать данные наблюдений.

Для выявления генотипов с аддитивно-доминантным типом наследования по результатам эксперимента предложено использовать модель, исключающую эпистатические эффекты [2]. Поэтому полученные в модуле «Обработка данных» статистические параметры тестируются в модуле «Гибридологический анализ» на адекватность аддитивно-доминантной модели. Задача третьего модуля – выделить вклад компонента среды и наследственных факторов в изменчивость признака. Учитывая, что влияние внешних факторов на генотип может быть достаточно большим, полученная информация является весьма ценной для селективного процесса.

Разработанный комплекс «Генетический мониторинг» выполнен на языке программирования Delphi [3–4], как стандартное Windows-приложение. В основу интерфейса программы положена графическая оконная технология в сочетании со списком команд, организованным в виде системы горизонтальных и вертикальных меню.

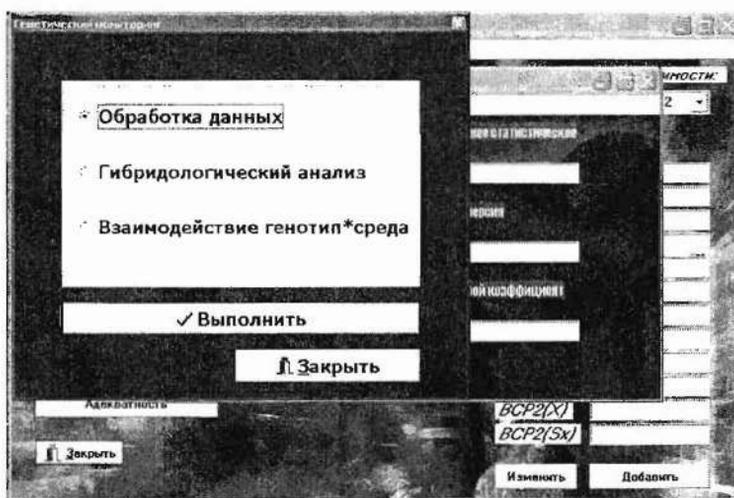

Рис. 1

Комплекс «Генетический мониторинг» объединяет три программных модуля и начинает работу выводом на экран меню (рис. 1), которое позволяет активизировать любой из трех модулей. Программно эти модули независи-

мы друг от друга и могут исполняться в любом порядке. Функционально они связаны: программа «Обработка данных» позволяет преобразовывать первоначальную информацию из эксперимента к виду, пригодному для использования другими программными модулями.

Рассмотрим структуру каждого программного модуля подробнее.

Программа «Обработка данных» представляет собой оконное приложение с мето-полем ввода данных и edit-полями вывода результатов статистической обработки данных [5]: поле вывода дисперсии, среднего и поправки. В программе предусмотрено хранение информации в виде данных файлового типа для дальнейшей обработки в модулях «Гибридологический анализ» и «Взаимодействие генотип*среда». Полученный файл данных может также использоваться для анализа и прогноза другими средствами, не включенными в программный комплекс «Генетический мониторинг».

Структурно модуль «Гибридологический анализ» представлен двумя формами: «Генетика» и «Гибридологический анализ». Главная форма «Генетика» (рис. 2) предназначена для задания начальных условий и вывода результатов ожидаемых и наблюдаемых значений в виде таблиц. Форма «Гибридологический анализ» используется для вывода результатов анализа тестов и получения ожидаемых и наблюдаемых значений в виде двух графиков (рис. 3).

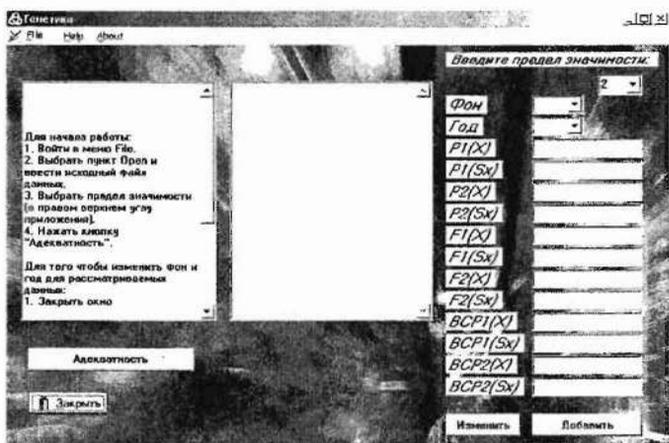

Рис. 2

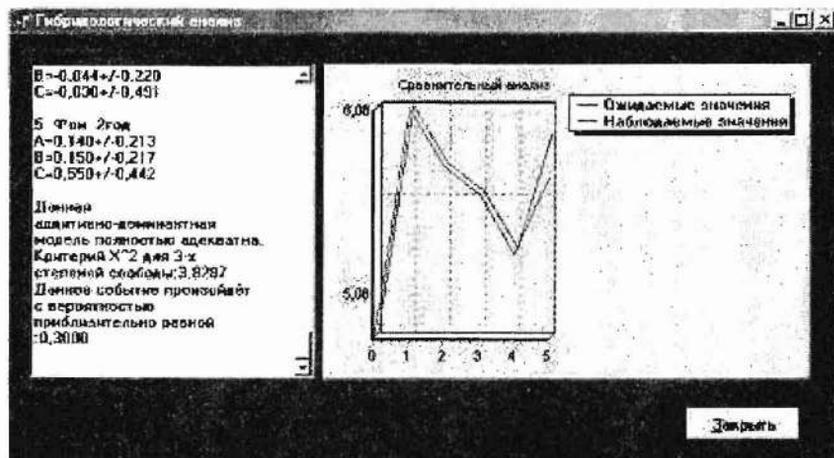

Рис. 3

Модуль «Гибридологический анализ» позволяет проводить следующие операции:

- создавать новые файлы данных;
- анализировать информацию из файлов;
- корректировать существующие данные;
- печатать графики наблюдаемых и ожидаемых значений.

Все режимы работы описаны в пункте меню «Помощь».

Исходной информацией для этого модуля являются данные из файла текстового типа. Соответствующие поля формы «Гибридологический анализ» могут быть заполнены в двух режимах: либо чтение из файла, либо вручную.

Для исследования характера изменчивости генетических параметров других объектов происходит формирование нового файла данных, который по структуре совпадает с исходным.

Обработка исходных данных и соответствующих начальных условий происходит после активизации кнопки «Адекватность». Визуализируется вторая форма «Гибридологический анализ» (рис. 3), которая в левом окне отражает значения трех различных тестов и дает возможность с помощью графиков сопоставить наблюдаемые значения с прогнозируемыми результатами.

В правой части формы формируются два графика ожидаемых и наблюдаемых значений семейств P_1 , P_2 , F_1 , F_2 , VCP_1 , VCP_2 , позволяющие визуально оценить полученную аддитивно-доминантную модель. Данная программа позволяет рассматривать значения различных периодов в отдельности, анализировать полученные данные количественно (с помощью таблиц значений) и визуально с помощью графиков.

Модуль предусматривает также вывод на печать полученного графика ожидаемых и наблюдаемых значений, а также сохранение в отдельный файл полученных результатов проведенного анализа по тестам.

Программа «Взаимодействие генотип*среда» представляет собой оконное приложение, которое имеет поля ввода статистических значений и вывода полученных результатов. Исходной информацией для этого модуля служат данные файла, которые были сформированы с помощью модуля «Обработка данных». Программа предусматривает возможность сохранения и вывода на печать полученных результатов.

Модуль «Генетический мониторинг» предусматривает четыре режима: начало работы; ввод данных; их корректировка и сохранение данных на магнитном носителе; печать полученного анализа; завершение работы. Описание этих режимов содержится в пункте меню «Помощь».

Программный комплекс создавался для исследования характера изменчивости генетических параметров, контролирующих наследование некоторых хозяйственно ценных признаков томата. Было предложено методом математического моделирования провести анализ вариации двух расщепляющихся поколений, изучить влияние различных уровней минерального питания (N, P, K) растений томата на генетический контроль признака содержания сухого вещества в плодах. В качестве родительских линий были взяты сорта томата *Redotesh* и *Меридиан* (P_1 , P_2), которые достоверно отличаются по ряду хозяйственно-ценных признаков. В анализ включены первое и второе поколения (F_1 , F_2) и рецiproкные гибриды VCP_1 и VCP_2 . Исходные данные – это результат двухлетних исследований. Программа «Генетический мониторинг» позволила выявить неаллельные взаимодействия в генетическом контроле признаков и эффект влияния среды в наследовании признака.

Данный программный комплекс может иметь более широкое применение для анализа вариации двух расщепляющихся поколений любых биологических видов, допускающих моделирование по методу, предложенному

Мазером [2]. Модуль «Обработка данных» комплекса программ «Генетический мониторинг» может также использоваться при проведении научных исследований любой предметной области для анализа результатов эксперимента и прогнозирования изменений количественных характеристик.

Программный комплекс «Генетический мониторинг» работает под управлением любой из операционных систем Microsoft Windows 95/ 98/ NT/ 2000/ Me/Хр. Программа по объему данных составляет 2,3 Мб, поэтому требования к оперативной памяти и емкости жесткого диска минимальны. Комплекс может работать при разных графических режимах для цветовой палитры от 256 цветов до режима True Color (32 бита), при разрешении экрана от 640 × 480 точек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Останина А.Н.* Применение математических методов и ЭВМ. Планирование и обработка результатов эксперимента. – Мн., 1989. – 218 с.
2. *Мазер К., Джинкс Дж.* Биометрическая генетика. – М., 1985. – 463 с.
3. *Эбнер М. Delphi S.* Руководство разработчика. – Киев, 2000. – 474 с.
4. *Гурский Е.И.* Сборник задач по теории вероятностей и математической статистике. – Мн., 1975. – 375 с.
5. *Самарский А.А.* Численные методы. – М., 1978. – 498 с.

S U M M A R Y

For carrying out selective-genetic researches, the program complex «Genetic monitoring» is elaborated. It includes three logic modules which allow processing statistically the received results, to reveal genotypes with an additive-dominant type of inheritance and to determine genotype-environment interaction in phenotypic variability of quantitative characteristics.

Поступила в редакцию 14.12.2004

УДК 512.542

А.И. Прокопенко

Нормальные замыкания проекторов в конечных группах

Рассматриваются только конечные группы. Используются определения и обозначения из [1].

В 1963 году Гашюц ввел понятие формации и доказал, что для насыщенной формации \mathfrak{F} каждая разрешимая группа обладает точно одним классом сопряженных \mathfrak{F} -проекторов. В 1967 году Шунк установил, что для гомоморфа \mathfrak{F} тогда и только тогда в каждой разрешимой группе существует точно один класс сопряженных \mathfrak{F} -проекторов, когда \mathfrak{F} является примитивно замкнутым классом (впоследствии назван классом Шунка).

Постепенно возникло направление, связанное с изучением классов Шунка \mathfrak{F} , для которых \mathfrak{F} -проекторы обладают специальным вложением. В [2] Гашюц предложил один из способов вложения \mathfrak{F} -проекторов в группу. Он ввел класс

$\text{Roc}\mathfrak{X} = (G \mid \text{нормальное замыкание } H^G = G \text{ для некоторого } \mathfrak{X}\text{-проектора } H \text{ группы } G)$ и доказал, что $\text{Roc}\mathfrak{X}$ в классе разрешимых групп является классом Шунка.

В настоящей работе для класса Шунка \mathfrak{X} устанавливаются новые свойства класса $\text{Roc}\mathfrak{X}$ в конечных группах.

Пусть \mathfrak{X} – некоторый класс групп. Подгруппа H называется \mathfrak{X} -проектором группы G , если $H \in \mathfrak{X}$ и из условий $H \subseteq U \subseteq G$, $V \triangleleft U$ и $U/V \in \mathfrak{X}$ всегда следует $HV = U$. Класс Шунка – непустой гомоморф \mathfrak{X} , для которого из условия $G/M_G \in \mathfrak{X}$ для любой максимальной подгруппы M из G всегда следует $G \in \mathfrak{X}$. Здесь M_G – ядро максимальной подгруппы M группы G , т.е. $M_G = \bigcap M^g$ для любого $g \in G$. Через π обозначается некоторое множество простых чисел, π' – дополнение к π в множестве всех простых чисел. Если для класса групп \mathfrak{X} из условия $G/O_{\pi'} \in \mathfrak{X}$ всегда следует $G \in \mathfrak{X}$, то \mathfrak{X} называется π -классом. Через C_p обозначается циклическая группа простого порядка p . Используются следующие обозначения классов групп: $\mathfrak{S}_{\pi'}$ – класс всех π' -групп; \mathfrak{S}^{π} – класс всех π -разрешимых групп; \mathfrak{X}_{π} – класс всех нильпотентных π -групп, \mathfrak{S} – класс всех разрешимых групп.

Назовем всякий $\{\text{Ext}_{\Phi}, R_0, Q, S\}$ -замкнутый класс \mathfrak{K} проективной оболочкой класса Шунка \mathfrak{X} , если любая группа из \mathfrak{K} обладает точно одним классом сопряженных \mathfrak{X} -проекторов. Примером проективной оболочкой класса Шунка \mathfrak{X} может служить класс всех разрешимых групп \mathfrak{S} . Отметим, что для π -класса Шунка \mathfrak{X} во всякой π -разрешимой группе \mathfrak{X} -проекторы существуют и сопряжены (см., напр. [3]). Если класс Шунка \mathfrak{X} является π -классом, то в качестве \mathfrak{K} можно взять класс всех π -разрешимых групп \mathfrak{S}^{π} .

Теорема 1. Пусть \mathfrak{X} – класс Шунка и \mathfrak{K} – его проективная оболочка. Тогда $\text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$ является классом Шунка и для любой группы $G \in \mathfrak{K}$ и ее \mathfrak{X} -проектора H подгруппа H^G есть $\text{Roc}\mathfrak{X}$ -проектор в G .

Доказательство. Пусть $G \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$ и $N \triangleleft G$. Ясно, что $G/N \in \mathfrak{K}$. Покажем, что $G/N \in \text{Roc}\mathfrak{X}$.

Пусть H – \mathfrak{X} -проектор группы G , тогда HN/N – \mathfrak{X} -проектор в G/N по лемме 15.1 из [1]. Обозначим $K/N = (HN/N)^{G/N}$. Предположим, что $K/N \neq G/N$. Так как $K/N \triangleleft G/N$, то $K \triangleleft G$. Из $H \subseteq K \subseteq G$ следует, что $H^g \subseteq K$ для любого $g \in G$. Отсюда и из $G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$ получаем, что $G = H^G \subseteq K$. Значит, $G/N \subseteq K/N$. Противоречие. Итак, $(HN/N)^{G/N} = G/N$, т.е. $G/N \in \text{Roc}\mathfrak{X}$. Тем самым доказано, что $G/N \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$.

Рассмотрим теперь $G/M_G \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$ для любой максимальной в G подгруппы M . Пусть G_0 – группа наименьшего порядка такая, что $G_0/M_{G_0} \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$, но $G_0 \notin \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$. Из того, что $G_0/M_{G_0} \in \mathfrak{K}$ и $R_0\mathfrak{K} \subseteq \mathfrak{K}$ следует, что $G_0/M_G \in \mathfrak{K}$, где M_G пробегает ядра всех максимальных подгрупп из G_0 . Но $\bigcap M_G = \Phi(G_0)$. Из $\text{Ext}_{\Phi}\mathfrak{K} \subseteq \mathfrak{K}$ вытекает $G_0 \in \mathfrak{K}$.

Выберем в G произвольную минимальную нормальную подгруппу N и рассмотрим G/N . Пусть W/N – произвольная максимальная подгруппа из G/N . Имеем

$$(W/N)_{G/N} = \bigcap (W/N)^{gN} = \bigcap W^g/N = W_G/N \text{ для любого } g \in G.$$

Так как $G/N/(W/N)_{G/N} = G/N/W_G/N \cong G/W_G \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$, то $G/N \in \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$.

Пусть H – \mathfrak{X} -проектор группы G . По выбору G имеем, что $H^G \neq G$. Обозначим $S = H^G$. Тогда в G можно выбрать максимальную подгруппу T , содержащую S . Получаем, что либо $TN = G$, либо $N \subseteq T$.

Если $TN = G$, то N можно выбрать из T_G . В этом случае $T = T \cdot T_G = G$. Противоречие.

Пусть теперь $N \subseteq T$. Из того, что $HT_G/L_G \subseteq ST_G/L_G \triangleleft GL_G$ и $GL_G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$ для \mathfrak{X} -проектора HT_G/L_G его нормальное замыкание в GL_G совпадает с GL_G и содержится в ST_G/L_G . Но тогда $G \subseteq ST_G \subseteq T$. Противоречие. Таким образом, $H^G = G$, т.е. $G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$.

Итак, мы показали, что $\text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{K}$ – класс Шунка.

Теперь покажем, что $H^G = \text{Roc}\mathfrak{X}$ -проектор в G . Обозначим $H^G = R$. Так как H – \mathfrak{X} -проектор в G и $H \subseteq R$, то H – \mathfrak{X} -проектор в R . Предположим, что нормальное замыкание $H^R \neq R$, тогда в R можно выбрать максимальную подгруппу M , содержащую H^R . Возьмем любой элемент $g \in G$. Подгруппа H^g является \mathfrak{X} -проектором в G . Так как $R \triangleleft G$, то $H^g \subseteq R$. Поэтому $H^g = H_1$ – \mathfrak{X} -проектор в R . Из $R \subseteq G \subseteq \mathfrak{K}$ и S -замкнутости \mathfrak{K} получаем, что в R существуют и сопряжены \mathfrak{X} -проекторы. Следовательно, найдется $x \in R$ такое, что $H_1 = H^x \subseteq H^R$, т.е. $H^g \subseteq M$ для любого $g \in G$. Отсюда следует $H \subseteq M_G \triangleleft G$. Поэтому $R \subseteq M_G \subseteq M$. Противоречие. Следовательно, $H^R = R$, т.е. $H^G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$.

Пусть теперь $R \subseteq U \subseteq G$, $V \triangleleft U$ и $U/V \in \text{Roc}\mathfrak{X}$.

Так как $U \subseteq G \subseteq \mathfrak{K}$, а \mathfrak{K} – S -замкнута и Q -замкнута, то $U/V \in \mathfrak{K}$, т.е. в U/V существуют и сопряжены \mathfrak{X} -проекторы. Тогда $U/V = (H_1/V)^{U/V}$ для некоторого H_1/V – \mathfrak{X} -проектора в U/V . Так как H – \mathfrak{X} -проектор в G и $H \subseteq U \subseteq G$, то H – \mathfrak{X} -проектор в U . Следовательно, по лемме 15.1 из [1] HV/V – \mathfrak{X} -проектор в U/V и $(HV/V)^{UV} = H_1/V$ для некоторого $u \in U$. Имеем $U/V = ((HV/V)^{UV})^{U/V} = (H^uV/V)^{U/V}$. Так как $H^u \subseteq R$, то $H^uV/V \subseteq RV/V \triangleleft U/V$. Поэтому нормальное замыкание $(H^uV/V)^{U/V} \subseteq RV/V$. Тогда $U/V \subseteq RV/V$ и $U \subseteq RV$. Отсюда и из $RV \subseteq U$ получаем $U = RV$. Теорема доказана.

Следствие. Если \mathfrak{X} – π -класс Шунка, то $\text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{S}^*$ также является π -классом Шунка и для любой π -разрешимой группы G и ее \mathfrak{X} -проектора R подгруппа H^G есть $\text{Roc}\mathfrak{X}$ -проектор в G .

Рассмотрим теперь в качестве проективной оболочки π -класса Шунка класс всех π -разрешимых групп.

Пусть \mathfrak{X} и \mathfrak{Y} – некоторые классы групп. Обозначим $\text{Roc}_\pi \mathfrak{X} = \text{Roc}\mathfrak{X} \cap \mathfrak{S}$.

Теорема 2. Пусть \mathfrak{X} и \mathfrak{Y} – π -классы Шунка такие, что $\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{Y} \subseteq \mathfrak{S}^*$, и пусть $\omega = \{p \mid C_p \in \mathfrak{Y}\} \cap \pi$. Тогда следующие утверждения эквивалентны:

- 1) $\text{Roc}_\pi \mathfrak{X} = \mathfrak{Y}$;
- 2) $\mathfrak{S}_{\pi'} \mathfrak{N}_\omega \subseteq \mathfrak{X}$.

Доказательство. Покажем, что из условия 1) следует 2). Предположим, что $\mathfrak{S}_{\pi'} \mathfrak{N}_\omega \not\subseteq \mathfrak{X}$. Тогда $\mathfrak{S}_{\pi'} \mathfrak{N}_\omega \setminus \mathfrak{X} \neq \emptyset$. Выберем в $\mathfrak{S}_{\pi'} \mathfrak{N}_\omega \setminus \mathfrak{X}$ группу G наименьшего порядка. Через K обозначим \mathfrak{N}_ω -корадикал группы G . Из того, что $G \in \mathfrak{S}_{\pi'} \mathfrak{N}_\omega$, следует $K \in \mathfrak{S}_{\pi'}$. Поэтому $K \subseteq O_{\pi'}(G)$. Если $K \neq 1$, то по выбору G факторгруппа $G/K \in \mathfrak{X}$. Тогда $G/O_{\pi'}(G) \cong G/K/O_{\pi'}(G)/K \in \mathfrak{X}$. Поэтому $G/O_{\pi'}(G) \in \mathfrak{X}$. Так как \mathfrak{X} является π -классом, то $G \in \mathfrak{X}$. Противоречие.

Значит, $K = 1$. Так как K – \mathfrak{N}_ω -корадикал группы G , то $G \in \mathfrak{N}_\omega$.

Предположим, что G не является циклической группой простого порядка q , где $q \in \omega$. Из $G \in \mathfrak{N}_\omega$ следует, что всякая максимальная подгруппа M группы нормальна в G . Это означает, что ядро M_G подгруппы M в G совпадает с самой подгруппой M . Тогда по выбору G факторгруппа $G/M_G \in \mathfrak{X}$ и, следовательно, $G \in \mathfrak{X}$. Противоречие.

Пусть $G = C_q$ – циклическая группа простого порядка q , где $q \in \omega$. Так как $C_q \in \mathfrak{H}$, то из условия 1) получим $G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$. В группе G существует \mathfrak{X} -проектор, обозначим его через H . Из $G = C_q$ и $G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$ получаем $H^G = G = H$. Отсюда $G \in \mathfrak{X}$, так как H – \mathfrak{X} -проектор группы G . Противоречие. Таким образом, $\mathfrak{S}_{\pi'}\mathfrak{R}_\omega \subseteq \mathfrak{X}$.

Докажем, что из условия 2) следует 1). Так как $\text{Roc}_p\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{H}$, то остается доказать, что $\mathfrak{H} \subseteq \text{Roc}_p\mathfrak{X}$.

Пусть $G \in \mathfrak{H}$ и H – \mathfrak{X} -проектор группы G . Допустим, что $H^G \neq G$. Так как $H^G \triangleleft G$, то рассмотрим главный ряд группы G , проходящий через H^G :

$H^G = H_0 \subset H_1 \subset \dots \subset H_{n-1} \subset H_n = G$, где $H_i \triangleleft G$ ($i = 0, \dots, n-1$).

Из того, что G – π -разрешимая группа, следует, что либо $|H_i : H_{i-1}| = q^a$, для некоторого $q \in \pi$, либо $|H_i : H_{i-1}|$ является π' -числом, $i = 1, \dots, n$.

Пусть $|G/H_{n-1}| = q^a$, $q \in \pi$. Тогда $G/H_{n-1} \in \mathfrak{H} \cap \mathfrak{R}_q$. Поэтому $C_q \in \mathfrak{H}$. Таким образом, $q \in \omega$. В этом случае $G/H_{n-1} \in \mathfrak{R}_\omega \subseteq \mathfrak{S}_{\pi'}\mathfrak{R}_\omega \subseteq \mathfrak{X}$. Если $|G/H_{n-1}|$ является π' -числом, то $G/H_{n-1} \in \mathfrak{S}_{\pi'} \subseteq \mathfrak{S}_{\pi'}\mathfrak{R}_\omega \subseteq \mathfrak{X}$. Значит, в обоих случаях $G/H_{n-1} \in \mathfrak{X}$. Теперь из определения \mathfrak{X} -проектора получаем $G = H \cdot H_{n-1} \subseteq H_{n-1}$. Противоречие. Следовательно, $H^G = G$. Это означает $G \in \text{Roc}\mathfrak{X}$. Теорема доказана.

Следствие 1. Пусть \mathfrak{X} – π -класс Шунка. Всякая π -разрешимая группа совпадает с нормальным замыканием своего \mathfrak{X} -проектора тогда и только тогда, когда $\mathfrak{S}_{\pi'}\mathfrak{R}_\pi \subseteq \mathfrak{X}$.

Следствие 2. Пусть \mathfrak{X} и \mathfrak{H} – классы Шунка такие, что $\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{S}$. Всякая \mathfrak{H} -группа совпадает с нормальным замыканием своего \mathfrak{X} -проектора тогда и только тогда, когда $\mathfrak{R}_\omega \subseteq \mathfrak{X}$, где $\omega = \{p \mid C_p \in \mathfrak{H}\}$.

Отсюда в случае, когда \mathfrak{H} есть класс всех разрешимых групп (π совпадает с множеством всех простых чисел), получается V. 15. b из [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеметков Л.А. Формации конечных групп. – М., 1978. – 272 с.
2. Gaschütz W. Lectures on subgroups of Sylow type in finite soluble groups. – Canberra: Austral. Nat. Univ., 1979. V. 11. – 100 p.
3. Covaci R. Projectors in finite π -solvable groups // Stud. Univ. Babeş-Bolyai, 1977. V. 22, № 1. – P. 3–5.

S U M M A R Y

Let X be a Schunck class. Then $\text{Roc}\mathfrak{X} = (G \mid H^G = G \text{ for some } \mathfrak{X}\text{-projector } H \text{ of } G)$. In this paper we prove the new properties of class $\text{Roc}\mathfrak{X}$ in the class of finite groups.

Поступила в редакцию 20.11.2003

Н.К. Толочко, Ю.А. Шиенок

Литье металлов в твердожидком состоянии

Подавляющее число деталей различных конструкций, машин и механизмов изготавливаются методами литья [1]. Традиционные технологии литья в жидком состоянии не позволяют обеспечить однородную мелкозернистую структуру в объеме массивного слитка. В этом отношении более эффективны получившие распространение в последние годы технологии литья в твердожидком состоянии, когда в литейную форму подается не расплав, а суспензия, формируемая предварительно путем частичной кристаллизации расплава (реолитье) либо частичного плавления металла (тиксолитье) [2–4]. Обычно используемые методы твердожидкого литья применимы лишь для ограниченного круга материалов, а именно: для сплавов (преимущественно на основе алюминия), имеющих значительную область температур солидус – ликвидус.

Более широкими возможностями обладают модифицированные варианты методов твердожидкого литья, основанные на применении в качестве исходного материала специально приготовленных частиц (гранул), которые составляют основу структуры формируемого слитка, определяя тем самым его механические свойства [5, 6]. Эти методы позволяют получать слитки из различных металлических материалов, имеющих как широкую, так и узкую температурную область солидус – ликвидус, а также фиксированную точку кристаллизации – плавления, включая чистые металлы. Настоящая работа посвящена экспериментальному исследованию особенностей реализации этих методов на примере получения литых материалов на основе алюминия.

При проведении экспериментов в качестве исходных материалов использовались два вида алюминиевых сплавов, имевших различный состав и, соответственно, различные характерные температуры, которые определялись экспериментально (табл.). Сплав первого вида был наиболее близок по составу к чистому алюминию и характеризовался наличием фиксированной точки плавления – кристаллизации ($T_m = T_c$) (далее этот сплав именуется как алюминий). Сплав второго вида содержал значительное количество добавок и характеризовался ярко выраженным температурным диапазоном солидус – ликвидус ($T_s - T_L$).

Таблица

Характеристика исходных материалов

Химический состав	Характерные температуры
≈98% Al, остальное Mn, Mg, Si, Cu	$T_m = T_c = 658^\circ\text{C}$
≈93% Al, остальное Mn, Mg, Si, Cu	$T_s = 600^\circ\text{C}, T_L = 630^\circ\text{C}$

В первой серии экспериментов частицы алюминия (нарезанные куски алюминиевой проволоки со средним размером 3,5 мм) располагали в один плот-

ноупакованный слой на дне стальной литейной пресс-формы с цилиндрической полостью диаметром 32 мм, после чего в нее заливали расплав либо алюминия, либо алюминиевого сплава. Частицы непосредственно перед погружением в форму подвергали травлению для снятия с их поверхности окисной пленки. Расплав непосредственно перед заливкой перегревали и заливали в форму, находящуюся в нагретом состоянии (для нагревания использовали электрическую печь). Перегрев расплава и нагрев формы осуществляли с целью предотвращения преждевременной кристаллизации расплава до момента окончательного заполнения им пространства между частицами (а также между частицами и стенками формы), так как в этом случае создаются необходимые условия для формирования сплошной структуры слитка. Литье проводили под давлением с помощью стального поршня в виде цилиндра диаметром 29 мм (масса 400 г), который, погружаясь в полость формы, вызывал перегруппировку частиц, повышая компактность их упаковки, и ускорял миграцию расплава в межчастичном пространстве, т.е. повышал эффективность процесса инфильтрации. Кроме того, поршнем выдавливались излишки расплава за пределы формы (через зазоры между поршнем и стенками формы). Температура расплава и температура частиц (температура формы) являлись критическими параметрами процесса литья, оптимальные значения которых определялись эмпирически (с учетом прочих параметров процесса). В данных экспериментах типичными были следующие значения температур: 700°C для расплава (что выше T_m и тем более T_L) и 500°C для формы (что ниже T_S и тем более T_m). При более низких температурах расплава и частиц возникала опасность преждевременной кристаллизации расплава в результате его ускоренного охлаждения. Наоборот, при более высоких температурах могли развиваться нежелательные процессы плавления частиц.

Во второй серии экспериментов, во многом аналогичной первой по технике исполнения, частицы алюминия располагали в форме, укладывая их в один плотноупакованный слой между двумя аналогичными слоями частиц (либо между двумя пластинами) алюминиевого сплава, размещенными снизу и сверху слоя частиц алюминия. Подготовленный таким образом исходный материал нагревали до 620°C (что выше T_S , но ниже T_L и тем более T_m) с выдержкой при данной температуре в условиях давления. В указанных условиях частицы (пластины) алюминиевого сплава расплавлялись, в то же время как частицы алюминия оставались в твердом состоянии. Следует отметить, что плавление частиц (пластин) алюминиевого сплава было неполным, так как оно происходило в пределах температурного интервала солидус – ликвидус. В результате такого плавления возникала суспензия, состоящая из расплава и нерасплавленных фрагментов частиц (пластин) алюминиевого сплава. В свою очередь, в объеме этой суспензии распределялись частицы алюминия. Таким образом, формировалось сложное твердожидкое состояние литейного материала.

В экспериментах обеих серий по завершению кристаллизации расплава формировалась литая структура, которая содержала исходные частицы (армирующий компонент) из алюминия, распределенные в закристаллизованном объеме (матрице) из алюминия (в первой серии) либо алюминиевого сплава (как в первой, так и во второй серии).

Металлографический анализ полученных образцов позволил выявить ряд особенностей их структуры в зависимости от условий литья.

В экспериментах первой серии при одних и тех же режимах литья в случае расплава алюминиевого сплава образцы имеют сплошную монолитную структуру по всему объему (рис. 1, а), что объясняется сравнительно высокими литейными свойствами сплава, в случае же расплава алюминия в структуре образцов наблюдаются дефекты в виде пустот (раковин) (рис. 1, б), что явля-

ется результатом неполного проникновения расплава в поры между частицами.

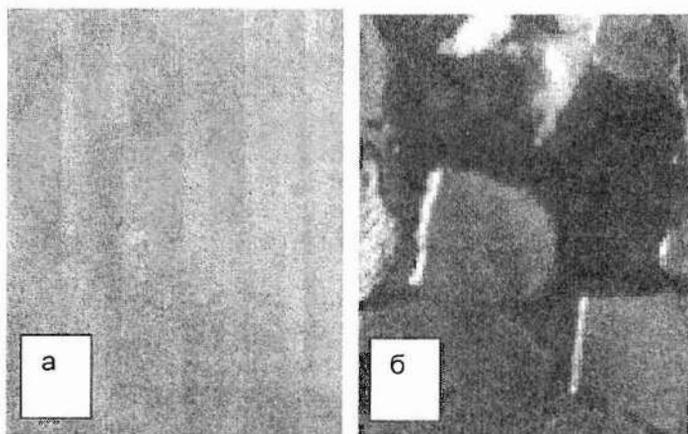

Рис. 1. Сплошная структура слитка (а) и дефектная структура слитка, содержащая раковины, образованные в результате неполного заполнения расплавом пространства между частицами (б)
(шлифы в плоскости, параллельной слою частиц; без травления)

Из анализа образцов, подвергнутых травлению, следует, что в образцах, содержащих и армирующие, и матричные компоненты из алюминия, практически не наблюдается различий в кристаллическом строении компонентов обоих типов. В противоположность этому в образцах, содержащих армирующий компонент из алюминия, а матричный компонент из алюминиевого сплава, имеют место заметные различия в кристаллическом строении компонентов разных типов, которые отчетливо проявляются благодаря избирательному характеру их травления (рис. 2).

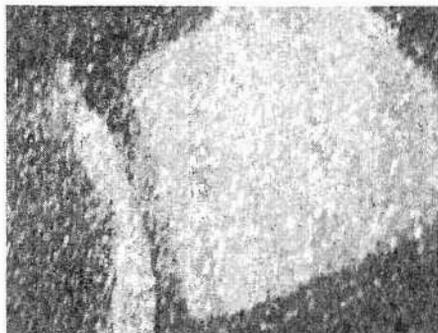

Рис. 2. Различия в структуре различных компонентов слитка, выявленные в результате травления
(шлиф в плоскости слоя частиц, светлые участки – исходные частицы алюминия, темные участки – закристаллизованный расплав алюминиевого сплава)

В экспериментах второй серии образцы имеют сплошную монолитную структуру по всему объему (рис. 3), что в данном случае объясняется не столько литейными свойствами суспензии, имеющей более высокую вязкость по сравнению с чистым расплавом, сколько особыми условиями образования суспензии – она возникает в непосредственном окружении «тугоплавких» частиц алюминия в результате плавления примыкающих к ним частиц (пластин) «легкоплавкого» алюминиевого сплава.

Вследствие избирательного характера травления здесь также имеют место заметные различия в кристаллическом строении компонентов разных типов,

подобные тем, которые наблюдались для аналогичных образцов в первой серии экспериментов (рис. 4).

Рис. 3. **Сплошная структура слитка** (центральный участок, обозначенный линиями, приблизительно соответствует расположению исходных частиц; шлиф в плоскости, перпендикулярной слою частиц; без травления)

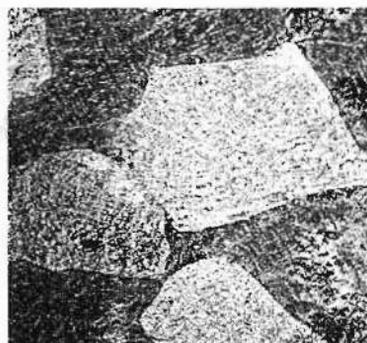

Рис. 4. **Различия в структуре различных компонентов слитка, выявленные в результате травления** (шлиф в плоскости слоя частиц, светлые участки – исходные частицы алюминия, темные участки – закристаллизованный расплав алюминиевого сплава)

Во всех образцах нет явно выраженных разделительных границ между армирующими, и матричными компонентами, что свидетельствует о прочности связи между ними.

Выше отмечалось, что образцы, содержащие и армирующие, и матричные компоненты из алюминия, практически не имеют различий в кристаллическом строении компонентов обоих типов. Это можно объяснить не только одинаковым химическим составом материала разных компонентов, но и подобным характером формирования их структуры в процессе кристаллизации.

Однако в общем случае условия формирования структуры исходных частиц и матрицы могут существенно отличаться друг от друга. Как следствие, будут отличаться друг от друга и сами структуры, сформированные при различных условиях.

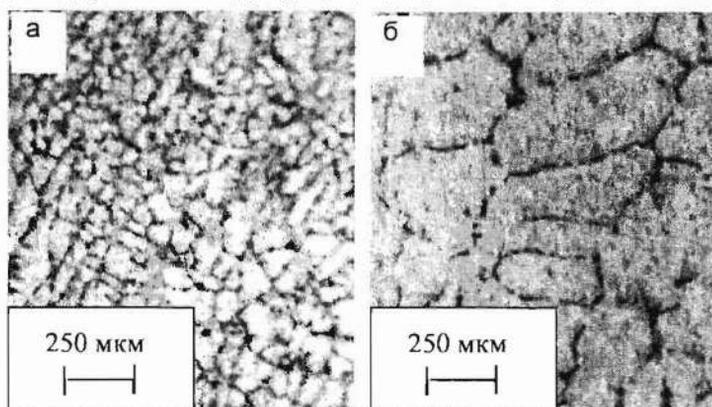

Рис. 5. **Мелкозернистая (а) и крупнозернистая (б) структуры литого материала, полученные соответственно в результате быстрой и медленной кристаллизации расплава (травленные шлифы)**

Подтверждением тому являются результаты сравнительного анализа структуры частиц алюминия, полученных при различной скорости охлаждения расплава. Для проведения соответствующих экспериментов использовали частицы алюминия со средним размером 2,5 мм, которые превращали в капли расплава в результате нагревания в печи до 750°C. Затем капли кристаллизовались в различных температурных условиях: одни капли извлекались из печи и быстро охлаждались в холодной воде, другие – продолжали оставаться в печи и охлаждались медленно по мере остывания печи после ее отключения. Полученные таким образом частицы имели различную зернистость в зависимости от условий кристаллизации: в случае быстрой кристаллизации средний размер зерен составлял 50 мкм, в то время как в случае медленной кристаллизации – 350 мкм (рис. 5).

Хорошо известно, что механические свойства металла тем выше, чем мельче его зернистость [7]. Однако практически трудно или невозможно обеспечить формирование мелкозернистой структуры по всему объему массивных образцов, получаемых в ходе кристаллизации расплава. Решить эту проблему позволяют рассмотренные выше методы литья в твердожидком состоянии. Действительно, используя в качестве исходного материала специально приготовленные небольшие частицы с мелкозернистой структурой, можно получать объемные слитки, структура которых определяется в основном структурой содержащихся в них частиц, играющих роль армирующих компонентов. Содержание частиц в объеме слитка может достигать до 70% и выше в зависимости от условий их упаковки. Как следствие, полученные таким образом литые материалы будут иметь высокие механические свойства. Особенности формирования мелкозернистой структуры в массивных образцах литых материалов на основе рассмотренных методов являются предметом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Технология металлов и материаловедение / Б.В. Кнорозов, Л.Ф. Усова, А.В. Третьяков и др. – М., 1987. – 800 с.
2. *Flemings M.C.* Behaviour of metal alloys in the semisolid state // *Metall. Trans. B.* 1991, V. 22. – P. 269–293.
3. *Young K.P.* Semi-solid metal forming alloys and composites // *Proc. Symposium on Nature and Properties of Semi-Solid Materials*, Sekhar J.A. and Dantzing J.A. (eds.). TMS, Warrendale, PA, 1992. – P. 245–266.
4. *Kirkwood D.H.* Semisolid metal processing // *Int. Mat. Rev.* 1994, V. 39. – P. 173–189.
5. Толочко Н.К., Шиенок Ю.А., Мьяльдун А.З., Можаров С.Е. Рео- и тиксокомпактирование – новые подходы к литью материалов в твердожидком состоянии // *Литье и металлургия*, 2003, № 2. – С. 39–46.
6. Толочко Н.К., Шиенок Ю.А., Мьяльдун А.З., Можаров С.Е. Получение композитов методами литья материалов в твердожидком состоянии. Конструкции из композиционных материалов, 2003, № 4. – С. 20–29.
7. Физическое материаловедение: В 3 т. / Под ред. Р.У. Канна, П. Хаазена. – Т. 2. Фазовые превращения в металлах и сплавах и сплавы с особыми свойствами. – М., 1987. – 624 с.

S U M M A R Y

New technical approaches to semisolid casting are considered using aluminum and aluminum alloys as feedstock materials. The structure of the ingots obtained is investigated depending on the casting conditions. The potential possibilities of the methods proposed to produce the bulk ingots with fine-grained structure are discussed.

Поступила в редакцию 28.10.2004

И.Е. Андрушкевич, В.А. Жизневский, Ю.В. Шиенок

О классификации сред с точки зрения разделимости уравнений Максвелла

Актуальность исследования распространения электромагнитных волн в неоднородных и нелинейных средах не вызывает сомнений. Изучение распространения электромагнитных волн в различных средах замыкается на проблему поиска решений уравнений Максвелла. На первом этапе решения уравнений электромагнитного поля обычно их приводят к векторным волновым уравнениям, которые затем записывают по компонентам. Эту процедуру называют разделением уравнений Максвелла. Уравнения, получающиеся при этом, содержат наряду с пространственными производными второго порядка также вторые производные по времени [1]. Для линейных однородных сред задача построения волновых уравнений давно решена [1–4] и не представляет особых затруднений. Корректное формирование волновых уравнений в неоднородных и в нелинейных средах представляет далеко нетривиальную проблему. Будем рассматривать уравнения Максвелла в виде:

$$\begin{aligned} \operatorname{rot} \vec{H} &= \frac{\partial \vec{D}}{\partial t} + \vec{J} + \vec{J}^{cm}, \\ \operatorname{rot} \vec{E} &= -\frac{\partial \vec{B}}{\partial t}, \\ \operatorname{div} \vec{D} &= \rho + \rho^{cm}, \\ \operatorname{div} \vec{B} &= 0. \end{aligned} \quad (1)$$

Для полноты с математической и физической точек зрения эта система традиционно дополняется с помощью материальных уравнений, учитывающих влияние среды на протекающие в ней электромагнитные явления:

$$\vec{D} = \vec{D}(\vec{E}), \quad \vec{B} = \vec{B}(\vec{H}), \quad \vec{J} = \vec{J}(\vec{E}).$$

В линейных изотропных средах без дисперсии с пространственно-временными изменениями параметров векторы индукции электрического \vec{D} , магнитного \vec{B} полей и плотность тока \vec{J} связаны с векторами электромагнитного поля \vec{E} и \vec{H} следующими материальными уравнениями:

$$\begin{aligned} \vec{D} &= \varepsilon \vec{E}, \\ \vec{B} &= \mu \vec{H}, \\ \vec{J} &= \sigma \vec{E}, \end{aligned} \quad (2)$$

где параметры ε и μ – абсолютные диэлектрическая и магнитная проницаемости, σ – проводимость среды являются заданными функциями пространственных координат и времени.

$$\begin{aligned}\varepsilon &= \varepsilon(\vec{r}, t), \\ \mu &= \mu(\vec{r}, t), \\ \sigma &= \sigma(\vec{r}, t)\end{aligned}$$

Здесь \vec{r} — это вектор пространственных координат рассматриваемой точки в заданной системе координат.

Линейность связей (2) обеспечивает преобразование уравнений Максвелла в систему линейных уравнений в частных производных с переменными коэффициентами, зависящими как от координат, так и от времени [2, 3]. Используя тождества для дифференциальных операций несложными преобразованиями можно получить следующие уравнения, имеющие смысл волновых:

$$\begin{aligned}\Delta \vec{H} + \text{grad} \left(\frac{1}{\mu} (\vec{H} \cdot \text{grad} \mu) \right) - \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{H} + \mu \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right) - \\ - \varepsilon \left(\frac{\partial^2 \mu}{\partial t^2} \vec{H} + 2 \frac{\partial \mu}{\partial t} \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} + \mu \frac{\partial^2 \vec{H}}{\partial t^2} \right) - \\ - \sigma \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{H} + \mu \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right) + \left[\text{grad} \frac{\partial \varepsilon}{\partial t}, \vec{E} \right] + \left[\text{grad} \varepsilon, \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} \right] + \left[\text{grad} \sigma, \vec{E} \right] = -\text{rot} \vec{j}^{cm},\end{aligned}\quad (3)$$

$$\begin{aligned}\Delta \vec{E} + \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\vec{E} \cdot \text{grad} \varepsilon) \right) - \frac{\partial \mu}{\partial t} \left(\frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \vec{E} + \varepsilon \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \sigma \vec{E} \right) - \\ - \mu \left(\frac{\partial^2 \varepsilon}{\partial t^2} \vec{E} + 2 \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \varepsilon \frac{\partial^2 \vec{E}}{\partial t^2} + \frac{\partial \sigma}{\partial t} \vec{E} + \sigma \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} \right) - \\ - \left[\text{grad} \frac{\partial \mu}{\partial t}, \vec{H} \right] - \left[\text{grad} \mu, \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right] = \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\rho + \rho^{cm}) \right) + \frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{j}^{cm} + \mu \frac{\partial \vec{j}^{cm}}{\partial t}.\end{aligned}\quad (4)$$

Данные уравнения для векторов поля являются неоднородными. В правых частях выделены слагаемые, в которые входят заданные возбуждающие функции. В общем случае в уравнении (3) для вектора \vec{H} содержатся слагаемые $\left[\text{grad} \frac{\partial \varepsilon}{\partial t}, \vec{E} \right]$, $\left[\text{grad} \varepsilon, \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} \right]$, $\left[\text{grad} \sigma, \vec{E} \right]$, в которые входит вектор \vec{E} , а в уравнении (4) для вектора \vec{E} содержатся слагаемые $\left[\text{grad} \frac{\partial \mu}{\partial t}, \vec{H} \right]$, $\left[\text{grad} \mu, \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right]$, в которые входит вектор \vec{H} . Возможен также несколько измененный вид этих уравнений, представляющий интерес с точки зрения дальнейшей классификации сред:

$$\begin{aligned} & \Delta \vec{H} + \text{grad} \left(\frac{1}{\mu} (\vec{H} \cdot \text{grad} \mu) \right) - \varepsilon \left[\text{grad} \frac{1}{\varepsilon}, \text{rot} \vec{H} \right] - \\ & - \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{H} + \mu \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right) - \varepsilon \left(\frac{\partial^2 \mu}{\partial t^2} \vec{H} + 2 \frac{\partial \mu}{\partial t} \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} + \mu \frac{\partial^2 \vec{H}}{\partial t^2} \right) - \sigma \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{H} + \mu \frac{\partial \vec{H}}{\partial t} \right) + \\ & + \varepsilon \left[\text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \right), \vec{E} \right] + \varepsilon \left[\text{grad} \frac{\sigma}{\varepsilon}, \vec{E} \right] = -\varepsilon \text{rot} \left(\frac{1}{\varepsilon} \vec{j}^{cm} \right), \end{aligned} \quad (5)$$

$$\begin{aligned} & \Delta \vec{E} + \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\vec{E} \cdot \text{grad} \varepsilon) \right) - \mu \left[\text{grad} \frac{1}{\mu}, \text{rot} \vec{E} \right] - \\ & - \frac{\partial \mu}{\partial t} \left(\frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \vec{E} + \varepsilon \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \sigma \vec{E} \right) - \mu \left(\frac{\partial^2 \varepsilon}{\partial t^2} \vec{E} + 2 \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \varepsilon \frac{\partial^2 \vec{E}}{\partial t^2} + \frac{\partial \sigma}{\partial t} \vec{E} + \sigma \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} \right) - \\ & - \mu \left[\text{grad} \left(\frac{1}{\mu} \frac{\partial \mu}{\partial t} \right), \vec{H} \right] = \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\rho + \rho^{cm}) \right) + \frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{j}^{cm} + \mu \frac{\partial \vec{j}^{cm}}{\partial t}. \end{aligned} \quad (6)$$

Уравнение (5) представляет собой волновое уравнение для вектора электромагнитного поля \vec{H} , но в нем присутствуют слагаемые $\varepsilon \left[\text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \right), \vec{E} \right]$, $\varepsilon \left[\text{grad} \frac{\sigma}{\varepsilon}, \vec{E} \right]$, содержащие вектор поля \vec{E} . Аналогичная ситуация со вторым волновым уравнением для вектора электромагнитного поля \vec{E} , в котором присутствует слагаемое $\mu \left[\text{grad} \left(\frac{1}{\mu} \frac{\partial \mu}{\partial t} \right), \vec{H} \right]$, зависящее от \vec{H} .

Уравнения (3)–(6) являются обобщенными неоднородными волновыми уравнениями и описывают процессы возбуждения и распространения электромагнитных волн в пространстве. В общем случае решение данных уравнений невозможно. Стандартным, с целью упрощения, считается подход, при котором слагаемыми с градиентами параметров среды пренебрегают вследствие их малости [3, 4]. Такой подход становится неприемлемым при рассмотрении сред в значительной степени неоднородных, где вклад этих слагаемых значителен, т.е. становится сопоставимым по величине с другими слагаемыми. В рамках применяемого авторами обобщенного метода Фурье для построения аналитических решений [5] отсутствие независимости векторов \vec{E} и \vec{H} для определенного круга сред не мешает проводить дальнейшее разделение переменных в рассматриваемых волновых уравнениях.

Анализируя уравнения (3)–(6) с точки зрения методики построения их решений, нетрудно определить среды, параметры которых позволяют выделить независимые уравнения хотя бы для одной из компонент электромагнитного поля, тем самым, определив порядок нахождения аналитических решений в каждом конкретном случае. Например, из (3) и (4) для среды с параметрами вида $\mu = \mu(t)$, а $\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}, t)$, $\sigma = \sigma(\vec{r}, t)$ получим уравнения:

$$\begin{aligned}
& \Delta \bar{H} - \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) - \\
& - \varepsilon \left(\frac{\partial^2 \mu}{\partial t^2} \bar{H} + 2 \frac{\partial \mu}{\partial t} \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} + \mu \frac{\partial^2 \bar{H}}{\partial t^2} \right) - \\
& - \sigma \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) + \left[\text{grad} \frac{\partial \varepsilon}{\partial t}, \bar{E} \right] + \left[\text{grad} \varepsilon, \frac{\partial \bar{E}}{\partial t} \right] + \left[\text{grad} \sigma, \bar{E} \right] = -\text{rot} \bar{J}^{cm},
\end{aligned} \tag{7}$$

$$\begin{aligned}
& \Delta \bar{E} + \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\bar{E} \cdot \text{grad} \varepsilon) \right) - \frac{\partial \mu}{\partial t} \left(\frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \bar{E} + \varepsilon \frac{\partial \bar{E}}{\partial t} + \sigma \bar{E} \right) - \\
& - \mu \left(\frac{\partial^2 \varepsilon}{\partial t^2} \bar{E} + 2 \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \frac{\partial \bar{E}}{\partial t} + \varepsilon \frac{\partial^2 \bar{E}}{\partial t^2} + \frac{\partial \sigma}{\partial t} \bar{E} + \sigma \frac{\partial \bar{E}}{\partial t} \right) = \\
& = \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\rho + \rho^{cm}) \right) + \frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{J}^{cm} + \mu \frac{\partial \bar{J}^{cm}}{\partial t}.
\end{aligned} \tag{8}$$

Уравнение (8) содержит только неизвестную векторную функцию \bar{E} . Тогда решаем это уравнение, находим \bar{E} и подставляем в (7). Полученное уравнение будет содержать только неизвестную векторную функцию \bar{H} . Следующий характерный пример. Из уравнения (5) для среды с параметрами $\varepsilon = \varepsilon_r(\bar{r}) \cdot \varepsilon_t(t)$, $\sigma = \varepsilon_r(\bar{r}) \cdot \sigma_t(t)$, а $\mu = \mu(\bar{r}, t)$ получим уравнение:

$$\begin{aligned}
& \Delta \bar{H} + \text{grad} \left(\frac{1}{\mu} (\bar{H} \cdot \text{grad} \mu) \right) - \varepsilon \left[\text{grad} \frac{1}{\varepsilon}, \text{rot} \bar{H} \right] - \\
& - \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) - \varepsilon \left(\frac{\partial^2 \mu}{\partial t^2} \bar{H} + 2 \frac{\partial \mu}{\partial t} \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} + \mu \frac{\partial^2 \bar{H}}{\partial t^2} \right) - \\
& - \sigma \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) = -\varepsilon \text{rot} \left(\frac{1}{\varepsilon} \bar{J}^{cm} \right).
\end{aligned} \tag{9}$$

Отсюда можем найти \bar{H} , подставляем выражение для \bar{H} в (6), из которого в результате можем найти \bar{E} . Среди сред с пространственно-временными изменениями параметров существуют такие, которые позволяют получать независимые уравнения для векторов \bar{E} и \bar{H} одновременно. Например, для среды с параметрами вида $\mu = \mu_r(\bar{r}) \cdot \mu_t(t)$, $\varepsilon = \varepsilon_r(\bar{r}) \cdot \varepsilon_t(t)$, $\sigma = \varepsilon_r(\bar{r}) \cdot \sigma_t(t)$ из уравнений (5), (6) получим разделенные уравнения:

$$\begin{aligned}
& \Delta \bar{H} + \text{grad} \left(\frac{1}{\mu} (\bar{H} \cdot \text{grad} \mu) \right) - \varepsilon \left[\text{grad} \frac{1}{\varepsilon}, \text{rot} \bar{H} \right] - \\
& - \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) - \varepsilon \left(\frac{\partial^2 \mu}{\partial t^2} \bar{H} + 2 \frac{\partial \mu}{\partial t} \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} + \mu \frac{\partial^2 \bar{H}}{\partial t^2} \right) - \\
& - \sigma \left(\frac{\partial \mu}{\partial t} \bar{H} + \mu \frac{\partial \bar{H}}{\partial t} \right) = -\varepsilon \text{rot} \left(\frac{1}{\varepsilon} \bar{J}^{cm} \right),
\end{aligned} \tag{10}$$

$$\Delta \vec{E} + \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\vec{E} \cdot \text{grad} \varepsilon) \right) - \mu \left[\text{grad} \frac{1}{\mu}, \text{rot} \vec{E} \right] -$$

$$- \frac{\partial \mu}{\partial t} \left(\frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \vec{E} + \varepsilon \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \sigma \vec{E} \right) - \mu \left(\frac{\partial^2 \varepsilon}{\partial t^2} \vec{E} + 2 \frac{\partial \varepsilon}{\partial t} \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} + \varepsilon \frac{\partial^2 \vec{E}}{\partial t^2} + \frac{\partial \sigma}{\partial t} \vec{E} + \sigma \frac{\partial \vec{E}}{\partial t} \right) = \quad (11)$$

$$= \text{grad} \left(\frac{1}{\varepsilon} (\rho + \rho^{cm}) \right) + \frac{\partial \mu}{\partial t} \vec{j}^{cm} + \mu \frac{\partial \vec{j}^{cm}}{\partial t}.$$

Проводя анализ уравнений (3)–(6), удалось сформулировать условия, позволяющие осуществить разделение уравнений Максвелла в рамках рассматриваемых сред. Эти условия, записанные в виде зависимостей параметров среды, определяют типы сред, для которых строятся аналитические решения методом разделения переменных. Результаты подобного анализа приведены в виде таблицы.

Таблица

Вид зависимостей параметров среды	Вектор, для которого возможно выделение независимого уравнения
$\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}, t), \sigma = \sigma(\vec{r}, t), \mu = \mu(t)$	\vec{E}
$\varepsilon = \varepsilon(t), \sigma = \sigma(t), \mu = \mu(\vec{r}, t)$	\vec{H}
$\varepsilon = \varepsilon(t), \sigma = \sigma(t), \mu = \mu(t)$	\vec{H}
$\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}, t), \sigma = \sigma(\vec{r}, t), \mu = \mu(\vec{r})$	\vec{E}
$\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}), \sigma = 0, \mu = \mu(\vec{r}, t)$	\vec{H}
$\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}), \sigma = 0, \mu = \mu(\vec{r})$	\vec{H} и \vec{E}
$\varepsilon = \varepsilon(\vec{r}, t), \sigma = \sigma(\vec{r}, t), \mu = \mu_r(\vec{r}) \cdot \mu_t(t)$	\vec{E}
$\varepsilon = \varepsilon_r(\vec{r}) \cdot \varepsilon_t(t), \sigma = \varepsilon_r(\vec{r}) \cdot \sigma_t(t),$ $\mu = \mu(\vec{r}, t)$	\vec{H}
$\varepsilon = \varepsilon_r(\vec{r}) \cdot \varepsilon_t(t),$ $\sigma = \varepsilon_r(\vec{r}) \cdot \sigma_t(t), \mu = \mu_r(\vec{r}) \cdot \mu_t(t)$	\vec{H} и \vec{E}

В рамках рассматриваемой тематики стоит упомянуть вспомогательные функции, называемые электродинамическими потенциалами, введение которых во многих случаях оказывается удобным, и через которые определенным образом выражается электромагнитное поле. Неоднородные уравнения (3)–(6) для векторов поля обладают серьезным недостатком, заключающимся в том, что в их правой части стоит не сама возбуждающая функция, а ее *rot* или *grad*. Так как градиент и ротор представляют собой определенные комбинации частных производных по координатам, то может оказаться, что на границе области, охватывающей источники поля, эти величины вычислить невозможно. Так, например, в случае стороннего возбуждающего тока, текущего по проводу, плотность тока \vec{j}^{cm} на границе проводника скачком уменьшается до нуля, и, следовательно, производная по нормали к поверхности провода равна бесконечности. Для определения электромагнитного поля в области, содержащей сторонние заряды и токи, желательно ввести вспомога-

тельные функции, для которых дифференциальные уравнения содержали бы в правой части не $grad\rho^{cm}$ или $rot\vec{J}^{cm}$, а сами сторонние заряды ρ^{cm} или возбуждающие токи \vec{J}^{cm} . Такими вспомогательными функциями являются скалярная φ и векторная \vec{A} . В случае волнового характера распространения электромагнитного поля возможно формирование волнового уравнения только для векторного потенциала без потери общности получаемых результатов:

$$\Delta\vec{A} - \mu \left[grad \frac{1}{\mu}, rot\vec{A} \right] - \mu \frac{\partial \epsilon}{\partial t} \frac{\partial \vec{A}}{\partial t} - \mu \epsilon \frac{\partial^2 \vec{A}}{\partial t^2} - \mu \sigma \frac{\partial \vec{A}}{\partial t} = -\mu \vec{J}^{cm}, \quad (12)$$

$$\left(\frac{\partial \vec{A}}{\partial t} \right) \frac{grad \epsilon}{\epsilon} = -\frac{\rho + \rho^{cm}}{\epsilon}. \quad (13)$$

Уравнение (12) является обобщенным неоднородным волновым уравнением относительно векторного потенциала \vec{A} , а соотношение (13) является дополнительным условием, которому должен удовлетворять векторный потенциал. Скалярный потенциал можно обнулить из физических соображений: в случае электромагнитной волны электрическое \vec{E} и магнитное \vec{H} поля носят вихревой характер, так как известна сущность процесса распространения электромагнитных волн, заключающегося в том, что изменяющееся вихревое электрическое поле порождает изменяющееся вихревое магнитное поле, и наоборот. Скалярный потенциал не добавляет составляющую к вихревому электрическому полю и, следовательно, не сказывается на вихревом магнитном поле.

На основе преобразований, рассмотренных выше, были разработаны алгоритмы построения волновых уравнений в неоднородных средах и их программная реализация на языке системы компьютерной алгебры Maple. Созданный программный пакет включает различные программы, позволяющие строить волновые уравнения относительно векторов электромагнитного поля \vec{H} и \vec{E} или электродинамических потенциалов в случае произвольных зависимостей параметров среды от координат и времени в рамках класса неоднородных сред. Зачастую выражения для электромагнитных полей удобнее отыскивать в так называемых «естественных» для конкретной геометрии поля системах координат. Это могут быть как ортогональные, так и неортогональные криволинейные координаты. При этом волновые уравнения необходимо записать в выбранной системе координат. По этой причине разработанные программы допускают построение волновых уравнений во всех известных ортогональных системах координат. Более того, построив волновые уравнения, например, в декартовой системе координат, имеется возможность перейти к произвольным координатам. Единственным требованием такого перехода является невырожденность преобразования. Безусловно, создание упомянутого программного обеспечения не является самоцелью. Его использование автоматизировало довольно трудоемкий этап построения аналитических решений уравнений Максвелла для рассматриваемых сред и, что немаловажно, позволило провести анализ построенных волновых уравнений с целью классификации задач электродинамики по типу сред распространения с точки зрения возможности построения аналитического решения методом разделения переменных.

В качестве заключения можно сказать, что ограниченность типов сред, представленных в таблице, в которых возможно получение аналитических решений при рассматриваемом подходе, может быть преодолена. Одним из путей решения подобной проблемы авторы видят использование матричного представления уравнений Максвелла. Это является направлением дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красюк Н.П., Дымович Н.Д. Электродинамика и распространение радиоволн. – М., 1974.
2. Никольский В.В., Никольская Т.И. Электродинамика и распространение радиоволн. – М., 1989.
3. Марков Г.Т. и др. Электродинамика и распространение радиоволн. – М., 1979.
4. Вайнштейн Л.А. Электромагнитные волны. – М., 1988.
5. Андрушкевич И.Е. Об одном обобщении метода Фурье разделения переменных // ЭВ & ЭС, 1998, № 4.

S U M M A R Y

Algorithms of wave equations shaping for electromagnetism of the lumpy ambiences are considered in the article. The analysis of the built equations in the manner of parameter of the ambiences, allowing division of the equations by Maxwell is given.

Поступила в редакцию 28.12.2004

УДК 539.3:531.2:616.21

М.А. Фирсов

О влиянии геометрических и физических параметров слухового протеза на собственные частоты колебаний реконструированной системы среднего уха

В работе рассматривается простейшая механико-математическая модель звукопроводящей колебательной системы среднего уха человека после его хирургической реконструкции [1–2]. Колебательная система состоит из круглой упругой пластинки и двух шарнирно-соединенных между собой стержней. Первый из стержней, жестко соединенный с пластиной, моделирует протезированную цепь косточек «молоточек-наковальня», а второй – стремennую косточку [3–4]. Исследуется случай радиально-симметричных колебаний пластины, при которых стержень совершает поступательные движения вдоль оси.

Свободные радиально-симметричные колебания предварительно напряженной пластины описываются дифференциальным уравнением [5]

$$D\Delta^2 W(r,t) + T_1\Delta W(r,t) + \rho \frac{\partial^2 W(r,t)}{\partial t^2} = 0 \quad (1)$$

$$D = \frac{Eh^3}{12(1-\nu^2)}, \quad \Delta = \frac{\partial^2}{\partial r^2} + \frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r},$$

где $W(r, t)$ – прогиб пластины, E – модуль Юнга, ν – коэффициент Пуассона материала, из которого изготовлена пластина, T – сила натяжения пластины, ρ – плотность материала пластины, h – толщина пластины.

В [5] рассматривался случай жесткого крепления пластины на внутреннем и внешнем контуре. В этой работе рассматривается случай упругой заделки на внешнем контуре. Тогда граничные условия имеют вид

$$k_{st}W(r, t)|_{r=a} = Q_L, k_{st} \frac{\partial W(r, t)}{\partial r} \Big|_{r=a} = M_L, \frac{\partial W(r, t)}{\partial r} \Big|_{r=b} = 0, W(r, t)|_{r=b} = U(t), \quad (2)$$

где Q_L – перерезывающая сила в пластине, M_L – изгибающий момент в пластине, k_{st} , k_{st} – постоянные коэффициенты, определяющие жесткость внешнего контура на нормальное перемещение и поворот, соответственно [6].

Перерезывающая сила и изгибающий момент в пластине находятся по формулам

$$Q_L = -D \frac{\partial}{\partial r} \left(\frac{\partial^2 W}{\partial r^2} + \frac{1}{r} \frac{\partial W}{\partial r} + \frac{1}{r^2} \frac{\partial^2 W}{\partial \varphi^2} \right), M_L = -D \left[\frac{\partial^2 W}{\partial r^2} + \rho \left(\frac{1}{r} \frac{\partial W}{\partial r} + \frac{1}{r^2} \frac{\partial^2 W}{\partial \varphi^2} \right) \right]. \quad (3)$$

В случае жесткого крепления внутреннего контура уравнение движения присоединенного к пластине стержня запишется в виде [5]

$$2\pi b D \frac{\partial}{\partial r} \Delta W(r, t) \Big|_{r=b} + \mu U(t) + m \frac{\partial^2 U(t)}{\partial t^2} = 0, \quad (4)$$

$$m = m_p + m_s,$$

где m_p – масса стержня, m_s – масса стремени, $U(t)$ – смещение стержня, μ – коэффициент, определяющий меру взаимодействия внутреннего уха и основания стремени, $\mu = 27,8 \cdot 10^3 \cdot c_{\text{гел}} [7]$.

Решения уравнений (1), (4) будем искать в виде

$$U(t) = ue^{i\omega t}, \quad W(r, t) = w(r)e^{i\omega t}, \quad (5)$$

где ω – искомая действительная частота.

Подстановка (5) в (1) и (4) приводит к системе дифференциальных уравнений

$$\Delta^2 w(r) + T_1 \Delta w(r) - k^2 w(r) = 0, \quad (6)$$

$$2\pi b [L_0 w(r)]_{r=b} + \mu_1 u - m_1 u = 0, \quad (7)$$

$$T_1 = \frac{T}{D}, \quad \mu_1 = \frac{\mu}{D}, \quad k^2 = \frac{\omega^2 \rho}{D}, \quad m_1 = \frac{\omega^2 m}{D}, \quad L_0 = \frac{\partial^3}{\partial r^3} + \frac{1}{r} \frac{\partial^2}{\partial r^2} - \frac{1}{r^2} \frac{\partial}{\partial r}.$$

Тогда решение уравнения (6) с учетом граничных условий (2) имеет вид

$$w(r) = \frac{u}{|M|} \left[\bar{M}_{31} J_0(\xi r) + \bar{M}_{32} Y_0(\xi r) + \bar{M}_{33} I_0(\varphi r) + \bar{M}_{34} K_0(\varphi r) \right], \quad (8)$$

где $\xi = \sqrt{\frac{T + \sqrt{T^2 + 4k^2}}{2}}$, $\varphi = \sqrt{\frac{T - \sqrt{T^2 + 4k^2}}{2}}$, а элементы матрицы M имеют вид:

$$M_{11} = DJ_0'(\xi a) + \frac{D}{a} J_0''(\xi a) - \frac{D}{a^2} J_0'''(\xi a) - k_s J_0(\xi a),$$

$$M_{12} = DY_0'(\xi a) + \frac{D}{a} Y_0''(\xi a) - \frac{D}{a^2} Y_0'''(\xi a) - k_s Y_0(\xi a),$$

$$M_{13} = D^* I_0'(\varphi a) + \frac{D}{a} I_0''(\varphi a) - \frac{D}{a^2} I_0'''(\varphi a) - k_s I_0(\varphi a),$$

$$M_{14} = DK_0'(\varphi a) + \frac{D}{a} K_0''(\varphi a) - \frac{D}{a^2} K_0'''(\varphi a) - k_s K_0(\varphi a),$$

$$\begin{aligned}
M_{21} &= DJ_0'(\xi a) + \left(\frac{D\rho}{a} - k_{st} \right) J_0'(\xi a), & M_{22} &= DY_0'(\xi a) + \left(\frac{D\rho}{a} - k_{st} \right) Y_0'(\xi a), \\
M_{23} &= DI_0'(\zeta a) + \left(\frac{D\rho}{a} - k_{st} \right) I_0'(\zeta a), & M_{24} &= DK_0'(\zeta a) + \left(\frac{D\rho}{a} - k_{st} \right) K_0'(\zeta a), \\
M_{31} &= J_0(\xi a), & M_{32} &= Y_0(\xi a), & M_{33} &= I_0(\zeta a), & M_{34} &= K_0(\zeta a), \\
M_{41} &= J_0'(\xi a), & M_{42} &= Y_0'(\xi a), & M_{43} &= I_0'(\zeta a), & M_{44} &= K_0'(\zeta a).
\end{aligned}$$

Здесь $J_0(x)$, $Y_0(x)$ – функции Бесселя первого и второго рода нулевого порядка, а $J_0(x)=I_0(ix)$, $Y_0(x)=K_0(i-x)$ и \overline{M}_{1j} , $j=1..4$ – соответствующие миноры матрицы \overline{M} .

Подставив решение (8) в уравнение (7), получим трансцендентное уравнение относительно искомой частоты ω^2 в случае упругой заделки пластины на внешнем контуре

$$\frac{2\pi b}{|M|} \left[L_0 \left(\overline{M}_{31} J_0(\xi r) - \overline{M}_{32} Y_0(\xi r) + \overline{M}_{33} I_0(\zeta r) - \overline{M}_{34} K_0(\zeta r) \right) \right]_{r=b} + \mu_1 - m_1 = 0. \quad (9)$$

С использованием программы Maple находится решение уравнения (9) при различных физических и геометрических параметрах системы. А именно, исследуется влияние массы протеза, силы натяжения пластины, цилиндрической жесткости пластины, коэффициента, определяющего меру воздействия внутреннего уха на систему, влияния коэффициентов k_{st} , k_{st} на собственные частоты колебания системы. Конкретные значения шести первых собственных частот радиально-симметричных колебаний при изменении различных параметров приведены в таблицах 1–5.

Таблица 1

Зависимость собственных частот ω_i (Гц) от массы протеза

$m_p, 10^{-6}$ кг	ω_1	ω_2	ω_3	ω_4	ω_5	ω_6
5 (plastic)	176,476	396,56	825,27	1485,27	2360,15	3445,01
9 (dentine)	176,470	396,52	825,19	1485,13	2359,94	3444,70
35 (bioceramic)	176,436	396,25	824,64	1484,22	2358,54	3442,69
40 (hydroxyapatite)	176,430	396,20	824,53	1484,04	2358,27	3442,31
42 (gold)	176,427	396,18	824,49	1483,97	2358,16	3442,16

В таблице 1 представлены значения собственных частот колебаний системы «протез – стремя» при значениях $a=5 \cdot 10^{-3}$ м, $b=2 \cdot 10^{-3}$ м, $m_s=3,5 \cdot 10^{-6}$ кг, $h=1,5 \cdot 10^{-4}$ м, $E=3,2 \cdot 10^7$ Н·м⁻², $\rho=1,2 \cdot 10^3$ кг/м³, $c_{ref}=0,035$, $\nu=0,4$, $T=0$ Н/м, $k_{st}=10^{10}$, $k_{st}=10^{10}$ в зависимости от массы протеза. Как и следовало ожидать, при увеличении массы протеза значение всех собственных частот уменьшается, но влияние массы не столь значительно.

В таблице 2 приведены значения собственных частот колебания системы при значениях $a = 5 \cdot 10^{-3}$ м, $b = 2 \cdot 10^{-3}$ м, $m_s = 3,5 \cdot 10^{-6}$ кг, $m_p = 40 \cdot 10^{-6}$ кг, $h=1,5 \cdot 10^{-4}$ м, $E=3,2 \cdot 10^7$ Н·м⁻², $\rho=1,2 \cdot 10^3$ кг/м³, $c_{ref}=0,035$, $\nu=0,4$, $k_{st}=10^{10}$, $k_{st}=10^{10}$. Анализ таблицы показывает, что собственная частота колебаний системы реагирует на изменение силы натяжения мембраны незначительно, причем при увеличении силы натяжения значения всех собственных частот изменяются в большую сторону пропорционально увеличению силы натяжения пластины.

Таблица 2

Зависимость собственных частот ω_i (Гц) от силы натяжения пластины

T, Н/м	ω_1	ω_2	ω_3	ω_4	ω_5	ω_6
0	176,430	396,201	824,530	1484,040	2358,270	3442,309
10^{-3}	176,431	396,204	824,534	1484,044	2358,274	3442,313
10^{-1}	176,565	396,494	824,906	1484,440	2358,680	3442,725
1	177,773	399,119	828,280	1488,028	2362,363	3446,462
2	179,097	402,017	832,012	1492,006	2366,448	3450,609
3	180,403	404,896	835,727	1495,973	2370,526	3454,751
4	181,691	407,756	839,426	1499,929	2374,597	3458,889

Таблица 3

Зависимость собственных частот ω_i (Гц) от модуля Юнга

E , Н/м ²	ω_1	ω_2	ω_3	ω_4	ω_5	ω_6
$1 \cdot 10^7$	118,912	279,656	500,549	850,038	1330,354	1932,261
$3 \cdot 10^7$	173,371	387,734	800,303	1437,916	2283,991	3333,408
$5 \cdot 10^7$	196,726	465,514	1017,357	1848,182	2943,656	4300,070
$7 \cdot 10^7$	211,460	532,504	1196,022	2182,753	3480,496	5086,228
$9 \cdot 10^7$	222,673	592,315	1651,387	2472,488	3944,956	5766,187

Из таблицы 3 следует, что жесткость пластины оказывает наибольшее влияние на собственные частоты по сравнению с остальными изменяемыми параметрами; при увеличении цилиндрической жесткости пластины все собственные частоты увеличиваются.

Таблица 4

Зависимость собственных частот ω_i (Гц) от коэффициента c_{ref}

c_{ref}	ω_1	ω_2	ω_3	ω_4	ω_5	ω_6
0,035	176,430	396,201	824,530	1484,040	2358,270	3442,309
0,040	181,806	405,230	828,736	1486,260	2359,612	3443,209
0,045	186,340	413,961	833,277	1488,503	2360,961	3444,113
0,050	190,204	422,369	837,735	1490,768	2362,319	3445,019

Зависимость собственных частот ω_i (Гц) от коэффициента k_{st}

k_{st}	ω_1	ω_2	ω_3	ω_4	ω_5	ω_6
10^{10}	176	396	825	1484	2358	3442
10^5	163	310	537	994	1695	2616
10^4	94	224	480	966	1679	2606
10^3	55	216	476	963	1677	2605

В таблице 4 приведены значения собственных частот колебания системы в зависимости от коэффициента C_{ref} [7], определяющего меру взаимодействия внутреннего уха и основания стремени. При увеличении этого коэффициента увеличиваются и значения всех собственных частот колебаний системы. И, наконец, таблица 5 показывает, что при уменьшении коэффициента k_{st} значения собственных частот колебаний уменьшается, причем при большом увеличении коэффициента, определяющего жесткость внешнего контура, все частоты колебаний стремятся к значениям собственных частот, найденных в [5] для случая жесткого крепления пластины на внешнем контуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Михасев Г.И., Коршиков П.Ф., Ситников В.П.** К вопросу о возможности математического моделирования реконструированного среднего уха. Материалы VIII Математической Белорусской конференции. – М., 2000. – С. 145–146.
2. **Ситников В.П., Михасев Г.И.** Возможности математического моделирования среднего уха человека. Сборник докладов научно-практической конференции «Проблемы научно-инновационного развития Витебской области и пути их решения». – М., 1999. – С. 245–247.
3. **Huttenbrink K.-B.** Mechanical aspects of middle ear reconstruction // Middle Ear Mechanics in Research and Otosurgery (ed. by K.-B. Huttenbrink). – Dresden: Dept. of Oto-Rhino-Laryngology, Univ. of Technology. – 1997. – P. 165–168.
4. **Jahrke K., Leiberum B., Kuhn W.** Missing handle of malleus: reinforcement of the tympanic membrane // Middle Ear Mechanics in Research and Otosurgery (ed. by K.-B. Huttenbrink). – Dresden: Dept. of Oto-Rhino-Laryngology, Univ. of Technology. – 1997. – P. 197–199.
5. **Коршиков П.Ф., Михасев Г.И.** Свободные радиально-симметричные колебания вязкоупругой кольцевой пластины, сопряженной со стержнем // Весник ВДУ, 2001, № 5 (30). – С. 103–106.
6. **Wada H., Koite T., Kobayashi T.** Three-Dimensional Finite-Element Method (FEM) Analysis of the Human Middle Ear // Middle Ear Mechanics in Research and Otosurgery (ed. by K.-B. Huttenbrink). – Dresden: Dept. of Oto-Rhino-Laryngology, Univ. of Technology. – 1997. – P. 76–81.
7. **Beer H.-J., Bornitz M., Hardke H.-J., Schmidt R., Hofman G., Vogel U., Zahnert T., Huttenbrink K.-B.** Modeling of Components of the Human Middle Ear and Simulation of Their Dynamic Behavior // Audiol Neurootol. – 1994, Vol. 4. – P. 156–162.

S U M M A R Y

Free radial-symmetric vibrations of the reconstructed system of the human middle ear are investigated. This approximate model consists of an elastic plate and two rods. The transcendental equation for determination of frequencies of the reconstructed system of the middle ear has been obtained. Influence of low frequencies upon various geometric and physical parameters of the model is analyzed.

Поступила в редакцию 16.09.2004

И.В. Пилецкий

Культурные ландшафты Белорусского Поозерья и их социально- демографические проблемы

В 70-е годы прошлого столетия заметное развитие получили исследования, касающиеся рациональной организации и оптимизации территорий на основе использования ландшафтного подхода. Основные вопросы научного обоснования ландшафтного подхода к преобразованию территорий изложены в работах А.Г. Исаченко [1], В.М. Чупахина [2] и других исследователей. Преобразования ландшафтов должны сводиться, по их мнению, к следующему: осуществлению правильной организации всей территории ландшафта с учетом его структурных особенностей и взаимосвязей между отдельными природно-территориальными комплексами (ПТК); ... формированию такого облика ландшафта, который бы отличался эстетической привлекательностью и сохранял бы оздоровительные ценности.

С развитием ландшафтоведения появилась возможность более успешного решения вопросов рационального использования природной среды, благодаря чему предотвращается появление различных негативных последствий хозяйственной деятельности. В связи с этим ландшафтный подход находит широкое использование в экологических исследованиях. Иные подходы в этих исследованиях менее эффективны, так как вне изучения ПТК, а также существующих в них и между ними взаимосвязей невозможно объективно оценить последствия антропогенного воздействия. Возможность на основе ландшафтных исследований на более высоком уровне решать многие экологические проблемы послужила отдельным исследователям основанием утверждать о необходимости применения в этих целях ландшафтно-экологического подхода. Такой подход необходим для формирования культурного ландшафта, что весьма убедительно было показано еще в 70-е годы в работе Л. Баузра и Х. Войничке [3]. Формируемый культурный ландшафт, по мнению этих исследователей, должен быть не только длительно продуктивным, но и гармонично устроенным, разнообразно дифференцированным, с оптимальным размещением лесов и сельскохозяйственных угодий, способствовать укреплению здоровья.

Во многих работах показана необходимость комплексного ландшафтно-экологического мониторинга на созданных природно-антропогенных системах [4–6]. Вся антропогенная деятельность должна быть подчинена единому требованию – гармоничному развитию общества в единстве с самой природой. Этим параметрам в наибольшей степени отвечает культурный ландшафт. По мнению А.Г. Исаченко [1], такой ландшафт должен представлять собой улучшенную человеком модификацию естественного ландшафта, и ему должны быть присущи два главных качества: высокая производительность (максимальная биологическая продуктивность и, соответственно, интенсивный биогенный круговорот веществ); сохранение оптимальной среды для здоровья людей.

Большинство исследователей ландшафт определяют как ПТК, состоящий из взаимодействующих природных компонентов и комплексов более низкого таксономического ранга. Ландшафт – это сложный ПТК, характеризующийся наличием: природных компонентов (геома и биота); более мелких ПТК; системы взаимосвязей между компонентами и между ПТК. Система классификационных единиц ПТК Беларуси проведена сотрудниками БГУ [7]. Ландшафты разных родов занимают определенное гипсометрическое положение. По этому показателю в регионе Белорусского Поозерья выделены низменные (85–150 м над уровнем моря), средневысотные (150–200 м) и возвышенные (200–300 м) ландшафты. В литературе имеются обширные исследования формирования таких ПТК, однако научные разработки, посвященные эколого-демографическим особенностям ландшафтов, практически отсутствуют.

Характерной особенностью современного демографического развития ландшафтов является всевозрастающая тенденция концентрации населения в городах, повышение удельного веса горожан в общей численности населения, с другой стороны – катастрофическое падение численности сельского населения [8]. Предметом демографического анализа населения является совокупность воспроизводственных процессов культурных ландшафтов. В рамках узкого подхода воспроизводство населения определяется как процесс постоянного возобновления поколений людей в процессе взаимодействия смертности и рождаемости. Предмет демографии в нашем случае ограничивается рамками естественного движения населения. Основное влияние на динамику естественного движения населения Беларуси во второй половине XX века оказывала рождаемость. Ее общий коэффициент за 50 последних лет снизился более чем в 3 раза. Анализ абсолютных и относительных показателей рождаемости в населенных пунктах Белорусского Поозерья свидетельствует о демографическом переходе от высокого к среднему, а затем и к низкому уровню рождаемости [9]. Характерной особенностью перехода региона, как и Беларуси в целом, является стремительность; для этого потребовалось менее чем 10 лет.

Вторым показателем естественного движения населения является смертность, определяемая как процесс вымирания поколений людей. В области здравоохранения прочно утвердилась тенденция роста различия в уровне смертности и ожидаемой продолжительности жизни между бывшими социалистическими странами Центральной и Восточной Европы и странами Западной Европы. Когда у большинства стран Западной Европы этот показатель растет, то у первых он снижается. К настоящему времени разница перешагнула 10-летний рубеж между странами с самым низким показателем ожидаемой продолжительности жизни и странами с наиболее высоким показателем, причем большая контрастность свойственна мужчинам, меньшая – женщинам. Необходимо подчеркнуть, что различия в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами определяются общей ожидаемой продолжительности жизни – чем больше ожидаемая продолжительность жизни, тем меньше различия. Наиболее весомый вклад в сложившуюся ситуацию вносили и вносят такие факторы, как:

- стремительный рост смертности в результате сердечно-сосудистых заболеваний;
- рост злокачественных новообразований;
- рост насильственной смертности (смертности в результате травм и несчастных случаев, убийств и самоубийств) и др.

Сердечно-сосудистые заболевания являются ведущей причиной смертности в Европе. До середины 70-х годов XX в. уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в регионе был примерно одинаков (около 4,5%). Для

большинства стран Западной Европы последующие годы охарактеризовались существенным снижением уровня смертности в результате сердечно-сосудистых заболеваний, при его росте в странах Восточной Европы. Такая же тенденция проявилась и в уровне смертности по причине злокачественных новообразований, хотя различия не так разительны, как со смертностью, связанной с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Уровень смертности от злокачественных новообразований был примерно одинаковым в странах Европы до аварии на Чернобыльской АЭС. По этому показателю государства Центральной и Восточной Европы уже в начале 90-х годов прошлого века более чем на четверть стали «опережать» государства Западной Европы. Однако тенденция превышения уровня смертности в результате злокачественных новообразований среди мужчин (по сравнению с женщинами) сохраняется для всех государств. Уровень смертности от внешних причин в государствах Центральной и Восточной Европы более чем в 2 раза выше, чем в государствах Европейского Союза.

По нашему мнению, такие различия в уровне смертности между государствами Европы обусловлены:

- социально-экономическими условиями, системой образования и здравоохранения, уровнем социальной защиты;
- образом жизни и качеством продуктов питания (занятие спортом, курение, потребление алкоголя, наркотиков и др.);
- психосоциальными факторами, связанными со стрессом радикальных перемен;
- экологическими условиями среды обитания.

Одним из способов оценки влияния социально-экономического статуса на здоровье населения является использование такого показателя, как валовой внутренний продукт (ВВП). Существует прямая зависимость между объемом валового внутреннего продукта и ожидаемой продолжительностью жизни – увеличение ВВП ведет к росту продолжительности жизни. Экономический кризис, снижение ВВП, падение уровня жизни, безработица, политическая нестабильность – все эти факторы 90-х годов XX в. негативно сказались на общем статусе здоровья населения культурных ландшафтов Белорусского Поозерья.

Согласно статистическим данным за последние 20 лет уровень общей смертности жителей культурных ландшафтов Белорусского Поозерья вырос в 2,1 раза [8]. При этом заметных различий в темпах роста между родами ландшафтов (возвышенными, средневысотными и низменными) за шесть последних лет не выявлено. Во всех культурных ландшафтах этот показатель был примерно одинаков (в среднем 1950–2050 случаев), т.е. расхождения не превышали 10% [10]. Исключением является ландшафт № 33 (платообразные ландшафты с еловыми кустарничково-зеленомошными, широколиственно-еловыми зеленомошно-кисличными лесами на дерново-палеопodzolistых средне- и слабоподзоленных почвах [10], где относительные показатели общей смертности были на 20% выше (около 2500 случаев в год на 100000 человек). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин снизилась на 5,4 года (с 68,1 до 62,7), а ожидаемая продолжительность жизни женщин снизилась на 1,8 года (с 76 до 74,2 года).

Наши исследования показывают, что ведущее место из причин смертности жителей Белорусского Поозерья прочно сохраняют сердечно-сосудистые заболевания. Их доля в структуре общей смертности жителей культурных ландшафтов региона за 1998–2003 годы составляет около 50%. Кардиосклероз, гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда и др. стали определяющими болезнями в этом блоке. Смертность от кардиосклероза только за последнее десятилетие в ландшафтах Белорусского Поозерья выросла

в 2 раза. В целом по родам ландшафтов смертность от сердечно-сосудистых заболеваний изменяется незначительно. Так, ее доля в структуре смертности составляла в возвышенных ландшафтах 55%, в средневысотных – 48% и низменных ландшафтах – 45%. В то же время анализ относительных показателей говорит о существовании определенной связи смертности от сердечно-сосудистых заболеваний с родом ландшафтов. Лидируют по этому показателю возвышенные ландшафты (около 1300 случаев), на втором месте находятся низменные (около 1100 случаев) и на третьем месте средневысотные ландшафты (около 900 случаев на 100000 жителей).

У населения возвышенных и средневысотных ландшафтов на второй позиции стоит смертность по старости без упоминания о причинах, на третьей – злокачественные образования – примерно 8 и 10% случаев от общей смертности, соответственно. На долю смертности по старости у них приходится около 18% случаев. У низменных ландшафтов второе место занимают злокачественные новообразования – примерно 11%, а третье – смертность по старости, на которую приходится около 9% случаев. Средние значения смертности по причине злокачественных заболеваний по родам ландшафтов распределились следующим образом: возвышенные – 190 случаев, средневысотные – 225 случаев и низменные ландшафты – 230 случаев на 100000 жителей. Смертность в ландшафтах региона от рака рта и глотки за два последних десятилетия выросла более чем в 4 раза, а от рака молочной железы в 3 раза.

К «болезням цивилизации» ученые-геронтологи относят и болезни органов дыхания, смертность от которых до начала 1990-х годов входила в первую тройку. В последнее время резкий рост смертности от несчастных случаев, убийств, самоубийств и других внешних воздействий вытеснил смертность от болезней органов дыхания на 4 место. Анализ статистических данных за период 1998–2003 гг. по Белорусскому Поозерью показывает наличие определенной связи смертности от заболеваний органов дыхания с родом ландшафтов. Наибольшее значение этого показателя характерно возвышенным ландшафтам (в среднем 240 случаев), среднее – средневысотным (170 случаев) и наименьшее – низменным ландшафтам (135 случаев на 100000 жителей). Исключение из возвышенных ландшафтов составляет ландшафт № 33 [10]. Этому ландшафту свойственна минимальная смертность от заболеваний органов дыхания. Здесь смертность в среднем составляла 90 случаев на каждый анализируемый год.

Нашими исследованиями не выявлено связи между смертностью по причине заболевания органов пищеварения и родом ландшафтов. В возвышенных, средневысотных и низменных ландшафтах она была примерно одинаковой и составляла в среднем 31, 33 и 37 случаев на 100000 жителей, соответственно. В то же время исследование статистических материалов смертности за 1998–2003 годы по причине заболеваний мочеполовой системы указывает на существование определенной связи с родом ландшафтов Белорусского Поозерья. Наибольшее среднее значение смертности от заболеваний мочеполовой системы приходится на долю низменных ландшафтов (около 35 случаев), минимальное – средневысотных (около 10 случаев), среднее положение занимают возвышенные ландшафты (около 15 случаев на 100000 жителей ландшафтов). В целом возвышенные и средневысотные ландшафты на анализируемом промежутке времени получили в количественном выражении незначительную прибавку случаев (до 30%). Низменные же ландшафты характеризовались более стремительным увеличением этого фактора. Так, если в начале рассматриваемого периода смертность от заболеваний мочеполовой системы в низменных ландшафтах составляла около 15 случаев на 100000 жителей, то к 2004 году смертность по этой причине превысила 30 случаев.

Увеличение напряженности ритма жизни, информационные и транспортные перегрузки, недостаточность физической активности, ухудшение экологической обстановки привели к перераспределению по удельному весу факторов смерти. Если раньше больший удельный вес в регионе занимали причины, связанные с инфекционными и паразитарными заболеваниями, то в настоящее время они далеко потеснены в структуре смертности «болезнями цивилизации» – системы кровообращения, новообразования и т.д. Анализ статистических данных за шесть последних лет числа умерших от инфекционных заболеваний в расчете на 100000 жителей по культурным ландшафтам Белорусского Поозерья показывает смещение этого фактора в структуре общей смертности в сторону минимальных значений (около 1,5%), т.е. к уровню смертности по причине утопления (2%). В то же время смертность в возвышенных ландшафтах от инфекционных заболеваний остается в два раза выше (15–17 случаев), чем в средневысотных и низменных ландшафтах. Во второй и третьей группах она примерно одинакова и составляет в среднем 7–8 случаев. Это дает нам определенные основания предположить о наличии определенной связи между показателем смертности по причине инфекционных заболеваний и родом ландшафтов.

Ухудшение демографической ситуации в возвышенных, средневысотных и низменных ландшафтах региона связано также и с ростом уровня потребления алкоголя. Большинство стран Западной Европы в последние десятилетия идут по пути снижения уровня потребления алкоголя, а страны Восточной Европы (Россия, Украина, Беларусь, Литва, Латвия, Эстония и др.) его увеличивают. Антиалкогольная кампания 1985 г. показала, что сокращение потребления алкоголя до 60% привело к сокращению общей смертности до 10%. В наибольшей степени это проявилось на уровне смертности от травм и несчастных случаев – 37%.

Начавшийся в 1990-х гг. рост потребления алкоголя на человека незамедлительно сказался на физическом, психическом и социальном развитии населения. Особо опасны для общества последствия однократного употребления больших доз алкоголя – острые алкогольные отравления, производственный и транспортный травматизм, преступность и др. Анализ статистических данных за 1998–2003 годы числа умерших от случайного отравления алкоголем в расчете на 100000 жителей региона по культурным ландшафтам Белорусского Поозерья показывает прочное сохранение позиций в структуре общей смертности на уровне 2–3% [10]. В то же время существует определенная количественная дифференциация этого показателя по родам культурных ландшафтов. Первое место по числу умерших от случайного отравления алкоголем занимают возвышенные ландшафты (в среднем 80 случаев на год), третье – средневысотные (в среднем 30 случаев). В целом смертность от случаев отравления алкоголем в возвышенных ландшафтах увеличилась незначительно (за шесть лет на 10%), а в средневысотных сохранялась на предыдущем уровне. К сожалению этого нельзя сказать о низменных ландшафтах региона, в которых смертность по указанной причине стремительно прогрессировала. Если здесь на начало рассматриваемого периода смертность, связанная со случаями алкогольного отравления, находилась в пределах 10 случаев на 100000 жителей ландшафтов и занимала третье место, то к 2004 году ее значение выросло во много раз (в среднем составило 50 случаев) и низменные ландшафты прочно закрепились на второй позиции.

С длительным злоупотреблением алкоголя связаны хронические проблемы – алкогольная зависимость и алкогольные психозы. Сюда относятся хронические соматические заболевания: цирроз печени, рак верхнего пищеварительного тракта, панкреатит. По мнению медиков, злоупотребление алкоголя

сокращает жизнь до 15 лет. Для этого контингента людей частыми причинами смерти являются: самоубийства, насильственная смертность, сердечно-сосудистые заболевания, новообразования. Исследования смертности по причинам самоубийств и убийств за период 1998–2003 гг. показывают, что она неодинакова и дифференцируется по роду ландшафтов Белорусского Поозерья. В целом отмечаемый рост смертности по причине самоубийств в расчете на 100000 жителей региона обязан ее увеличению в средневысотных ландшафтах. В возвышенных и низменных ландшафтах этот параметр в течение анализируемого времени изменялся незначительно и составлял примерно 70 случаев. Среднее же значение этого показателя для средневысотных ландшафтов составило 40 случаев, что значительно ниже, чем в возвышенных и низменных ландшафтах. Однако здесь за рассматриваемый промежуток времени произошло почти 2-кратное увеличение числа суицидов – с 25 до 45 случаев в расчете на 100000 жителей ландшафтов.

Количественные различия смертности по причине нападения (насилие, убийство) от рода ландшафтов Белорусского Поозерья за 1998–2003 гг. не установлены. В возвышенных, средневысотных и низменных ландшафтах смертность колебалась в пределах 15–20 случаев на 100000 жителей.

Анализ статистических данных за период 1998–2003 гг. по внешним причинам смертности (повреждения без уточнения причин) в зависимости от рода ландшафтов Белорусского Поозерья показывает существование определенной связи между указанными параметрами. Наибольшее среднее значение смертности от внешних причин приходится на долю возвышенных ландшафтов (около 300 случаев), минимальное – средневысотных (менее 200), среднее положение занимают низменные ландшафты (около 250 случаев на 100000 жителей ландшафтов). В целом возвышенные и средневысотные ландшафты на анализируемом промежутке времени сохраняли относительное постоянство. Другую динамику этого показателя имели низменные ландшафты. Так, на начало рассматриваемого периода смертность от внешних причин не превышала 200 случаев на 100000 человек ландшафта, а к 2004 году ее значение выросло в 1,5 раза и превысило 300 случаев.

Таким образом, проведенные нами исследования естественного движения населения свидетельствуют о существовании различий в уровне смертности и ожидаемой продолжительности жизни жителями бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и стран Западной Европы. Если в большинстве государств Западной Европы этот показатель растет, то в посткоммунистических, в том числе и Беларуси, он снижается. К настоящему времени разница в показателе ожидаемой продолжительности жизни оценивается уже вторым десятком лет между республикой и странами с наиболее высоким показателем, причем большая контрастность свойственна мужчинам, меньшая – женщинам. В Белорусском Поозерье менее чем за десять лет произошел демографический переход от простого к суженному типу воспроизводства населения. Экономический кризис, снижение ВВП, падение уровня жизни, безработица, политическая нестабильность и другие факторы 90-х годов XX в. способствовали росту уровня общей смертности и изменению ее структуры у жителей культурных ландшафтов Белорусского Поозерья. Детальные исследования абсолютных и относительных показателей дают нам определенные основания утверждать наличие определенной дифференциации причин смерти по родам ландшафтов региона. Возвышенные ландшафты занимают ведущее место по таким причинам смерти, как сердечно-сосудистые заболевания, органы дыхания (исключение составляет ландшафт № 33, феномен которого нуждается в научных детальных проработках), инфекционные заболевания, внешние причины смертности без указания причин

(в т.ч. самоубийства). Низменные ландшафты лидируют в причинах смерти по злокачественным образованиям, по заболеваниям органов пищеварения, мочеполовой системы и самоубийствам. Средневысотные ландшафты имеют первое место лишь в смертности по старости. Это свидетельствует о необходимости применения ландшафтного подхода при планировании долговременной демографической политики Белорусского Поозерья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаченко А.Г.* Оптимизация природной среды. – М., 1980. – 264 с.
2. *Чупахин В.М.* Ландшафтно-экологические исследования и сельскохозяйственная организация территории // Ландшафтно-экологические исследования и природопользование: Тр. МФГО СССР. – М., 1985. – С. 3–14.
3. *Бауэр Л., Войничке Х.* Забота о ландшафте и охрана природы. – М., 1971. – 264 с.
4. *Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение на современном этапе. Ландшафтоведение: теория и практика // Вопросы географии, 121. – М., 1982. – С. 11–15.
5. *Будник Л.И.* Комплексный мониторинг геосистем Верхневолжья // Природно-антропогенные системы (изучение и анализ состояния): Тр. МФГО СССР. – М., 1989. – С. 120–133.
6. *Колбоевский Е.Ю.* Культурный ландшафт и экологическая организация территории регионов (на примере Верхневолжья). Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – Воронеж, 1999. – 51 с.
7. *Ландшафты Белоруссии / Марцинкевич Г.И., Клицунова Н.К., Хараничева Г.Т. и др.:* под ред. Г.И. Марцинкевич, Н.К. Клицуновой. – Мн., 1989. – 239 с.
8. *Пилецкий И.В.* Население Витебской области. – Витебск, 2000. – 56 с.
9. *Витебская область в цифрах* (статистические сборники). – Витебск, 1997–2003.
10. *Ландшафтная карта Белорусской ССР / Сост. Г.И. Марцинкевич, Н.К. Клицунова, Г.Т. Хараничева, Л.В. Логинов.* – М., М 1:600000. Фабрика № 2 ГУГК, 1984.

S U M M A R Y

The importance of a landscape approach for carrying out researches on demographic problems in Belarusian Poozerye is proved in the article. Social-demographic problems of cultural landscapes of the region are considered. The structure of death-rate and the analysis of its absolute and relative parameters for different sorts of landscapes are given.

Поступила в редакцию 4.10.2004

УДК 581.526.32

В.П. Мартышенко

Водная растительность озера Островитое и ее динамика

Известно, что макрофитная водная растительность принимает активное участие в образовании первичной продукции водоемов. От ее количества и качественного состава зависит фауна водоемов. В связи с этим перед заселением оз. Островитое более ценными видами рыб в 1966–1967 гг. была изучена его высшая водная растительность [1].

Оз. Островитое расположено в 12 км к востоку от г. Витебска. Его площадь равна 37 га. Длина озера – 675 м; ширина – 550 м. Средняя глубина – 4 м, максимальная – 8,8 м. Прозрачность воды – 1 м. рН воды – 8,0, БПК 5 (биологическая потребность кислорода) – 11,2 мг O₂ /л, щелочность и жесткость воды – по 1 мг/л, сухой остаток – 82 мг/л, хлориды – 3,5 мг/л, сульфаты, нитраты и нитриты ниже предела обнаружения.

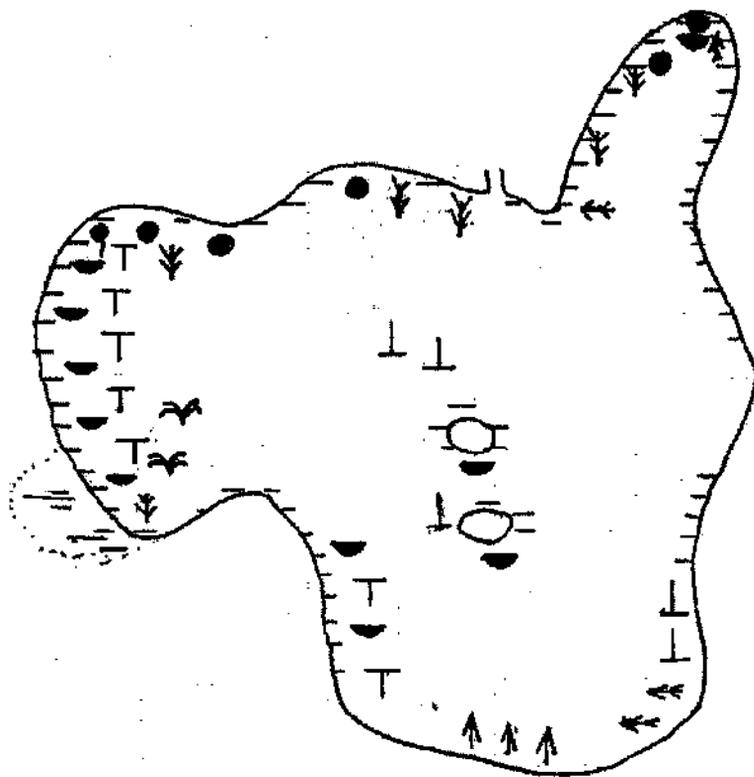
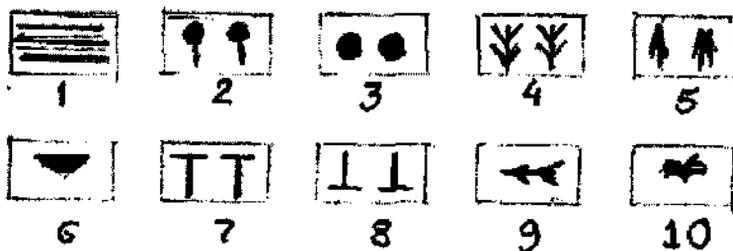

Рис. Схема зарастания оз. Островитое

Условные обозначения:

1 – тростник обыкновенный; 2 – рогоз широколистный; 3 – осока пузырчатая; 4 – хвощ приречный; 5 – стрелолист стрелолистный; 6 – кубышка желтая; 7 – рдест плавающий; 8 – рдест пронзеннолистный; 9 – элодея плавающая; 10 – телорез алозвидный

Берега озера высокие. Их склоны заросли осиной (*Populus tremula* L.), березой повислой (*Betula pendula* Roth.), дубом черешчатым (*Quercus robur* L.), кленом платановидным (*Acer platanoides* L.), елью европейской (*Picea abies* (L.) Karst). Небольшой участок западного побережья озера низкий и заболо-

чен. В юго-западной части водоема расположены два острова, заросшие черной ольхой (*Alnus glutinosa* (L.) Gaertn). Литораль озера песчаная и только на незначительном участке западного побережья – илистая. По комплексу признаков оз. Островитное является водоемом эвтрофного типа.

Повторное обследование макрофитной растительности озера с целью изучения ее динамики проведено в 2002–2003 гг. по общепринятой методике [2].

В озере выявлены две полосы зарастания: полоса воздушно-водных растений и полоса растений с плавающими листьями.

Пологая литораль способствует зарастанию озера воздушно-водными растениями, которые отсутствуют только на некоторых участках литорального склона в юго-восточной части озера (рисунок). Препятствуют этому прибойная волна, крутая литораль, песчано-галечный грунт.

Полоса воздушно-водных растений сформирована макрофитами, относящимися к 11 растительным ассоциациям. Основным строителем ее является тростник обыкновенный (*Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud.), образующий асс. *Phragmites australis*. Фитоценозы тростника произрастают от уреза воды до глубины 150 см. Грунт песок. Высота растений равна 200–250 см. Обилие тростника равно 2–3 баллам, покрытие – 30–45%. Ширина зарослей колеблется от 5 до 15 м. Чистый фитоценоз тростника встречен только у восточного побережья озера. Ширина его зарослей едва достигает 2 м. В фитоценозах тростника обыкновенного встречаются хвощ приречный (*Equisetum fluviatile* L.), осока пузырчатая (*Carex vesicaria* L.), кубышка желтая (*Nuphar lutea* (L.) Smith.), рдест плавающий (*Potamogeton natans* L.).

В литорали северного и северо-западного побережий озера произрастают фитоценозы тростника обыкновенного с хвощом приречным и осокой пузырчатой, относящиеся к асс. *Phragmites australis* + *Equisetum fluviatile* + *Carex vesicaria*. Грунт песок. Фитоценозы простираются от уреза воды до 50 см глубины. Обилие строителей ассоциации составляет по 3 балла. Проективное покрытие тростника равно 30%, хвоща приречного и осоки пузырчатой составляет по 25%. Со стороны акватории озера в фитоценозы единично внедряются кубышка желтая и рдест плавающий.

В излучине литорали северо-западного побережья озера зарегистрирован фитоценоз, относящийся к асс. *Phragmites australis* + *Equisetum fluviatile* – *Nuphar lutea* + *Potamogeton natans*. Грунт ил. Глубина произрастания – 50–120 см. Обилие тростника, хвоща приречного и рдеста плавающего составляет соответственно по 2 балла, покрытие – по 20%. Обилие кубышки желтой равно 3 баллам, покрытие – 30%. Единично в фитоценоз внедряются аир болотный (*Acorus calamus* L.) и стрелолист стрелолистный (*Sagittaria sagittifolia* L.).

Ассоциация тростника обыкновенного с рогозом широколистным *Phragmites australis* + *Typha latifolia* представлена всего одним фитоценозом, произрастающим в заливе западного побережья озера на глубинах от 50 до 100 см. Грунт ил. Обилие содоминантов ассоциации составляет по 2 балла, покрытие – по 20%. Единично в фитоценозе присутствуют осока пузырчатая и кубышка желтая.

Ближе к урезу воды этой же части водоема за зарослями тростника с рогозом широколистным поселился фитоценоз рогоза широколистного. Грунт ил. Глубина произрастания – 50 см. Обилие рогоза широколистного равно 3 баллам, покрытие – 30%. В его фитоценоз единично внедряются тростник обыкновенный, осока пузырчатая, рдест плавающий, ряска трехдольная (*Lemna trisulca* L.).

Фитоценозы, формирующие асс. *Carex vesicaria*, приурочены к литорали северо-западного побережья озера (рисунок). Глубина произрастания – 30 см. Грунт песок. Обилие осоки пузырчатой равно 3–4 баллам, покрытие колеблется от 30 до 50%.

Фитоценозы хвоща приречного, относящиеся к асс. *Equisetum fluviatile*, встречены главным образом в литорали северного побережья озера. Приурочен хвощ приречный к глубинам от 30 до 70 см. Грунт песок. Обилие хвоща не превышает 3 баллов. Покрытие достигает 40%. В его зарослях встречена кубышка желтая. Обилие ее равно 2 баллам, покрытие – 20%.

В юго-восточной части озера выявлен фитоценоз, относящийся к асс. *Equisetum fluviatile* + *Sagittaria sagittifolia* - *Nuphar lutea*. Глубина произрастания – от 30 до 80 см. Грунт песок. Обилие видов, формирующих ассоциацию, составляет по 2 балла. Проективное покрытие хвоща приречного и стрелолиста стрелолистного – по 15% соответственно, кубышки желтой – 20%.

В литорали северного побережья озера, недалеко от канавы, связывающей оз. Островитое с оз. Осиновское, произрастает небольшая группировка ежеголовника прямого (*Sparganium erectum* L.). Грунт песок. Глубина произрастания – 30 см. Обилие ежеголовника прямого равно 4 баллам, покрытие – 50%.

В литорали юго-восточной части озера, на глубине 30 см, выявлена группировка вахты трехлистной (*Menyanthes trifoliata* L.). Грунт песок. Ее обилие достигает 6 баллов, покрытие равно 100%.

У южного берега озера на глубине 30–40 см зарегистрирована асс. *Sagittaria sagittifolia*, представленная единственным фитоценозом (рисунок). Грунт песок. Обилие стрелолиста стрелолистного равно 3 баллам, покрытие не превышает 30%.

Полоса растений с плавающими листьями простирается за полосой воздушно-водных растений и приурочена к северо-западному побережью озера. Она представлена формациями кубышки желтой и рдеста плавающего.

Непосредственно за зарослями тростника, хвоща приречного, осоки пузырчатой на глубине около 2 м поселяются фитоценозы кубышки желтой (рисунок), формирующие асс. *Nuphar lutea*. Грунты песчаные, илистые. Обилие кубышки желтой в фитоценозах колеблется от 3 до 5 баллов, покрытие – от 30 до 70%. Ширина зарослей может быть от 10 до 30 м. Частыми спутниками кубышки желтой являются рдест плавающий и хвощ приречный, обилие которых не превышает 2 баллов. Покрытие составляет по 20%. В ассоциации единично встречаются тростник обыкновенный, стрелолист стрелолистный, рдест сляпнутый (*Potamogeton compressus* L.), элодея канадская (*Elodea canadensis* Michx).

В сторону акватории озера кубышка желтая образует с рдестом плавающим совместную ассоциацию. Обилие содоминантов ассоциации в разных фитоценозах может быть от 2 до 4 баллов, покрытие – от 30 до 70%. Единично в ассоциации встречается хвощ приречный.

Фитоценозы кубышки желтой с рдестом плавающим сменяются чистой ассоциацией *Potamogeton natans*, приуроченной к глубинам 2–2,5 м. Грунт ил. Обилие рдеста плавающего в фитоценозах колеблется от 3 до 5 баллов, покрытие – от 30 до 70%. Ширина зарослей у западного побережья озера достигает 20 м.

В связи с низкой прозрачностью воды (1 м) полоса широколистных рдестов в оз. Островитое практически отсутствует. Фрагменты ее встречаются в различных участках водоема и представлены фитоценозами, относящимися к ассоциациям *Potamogeton perfoliatus*, *Elodea canadensis*, *Stratiotes aloides*.

Фитоценозы рдеста пронзеннолистного встречены у островов и в литорали юго-восточного побережья озера (рис.). Поселяется рдест пронзеннолистный на глубинах 1,5–2 м. Грунт песок. Его обилие не превышает 3 баллов. Покрытие равно 20%.

Фитоценозы элодеи канадской, выявленные в восточной и северо-восточной частях водоема, поселяются за полосой воздушно-водных растений, внедряясь в нее, а также в полосу растений с плавающими листьями. В юго-восточной части озера элодея канадская занимает участок литорали, не заросший воздушно-водными растениями. Глубина произрастания – 100–200 см. Грунт песок. Оби-

лие элодеи канадской в фитоценозе юго-восточной части водоема достигает 5 баллов, покрытие равно 90%. Обилие ее в других участках литорали едва достигает 3 баллов, покрытие – 20%. В зарослях элодеи канадской, произрастающей в литорали юго-восточной части водоема, единично встречается мох *Drepanocladus sendtneri* (Schimp.) Warnst, что свидетельствует о том, что в озере ранее, вероятно, существовала полоса водных мхов.

В заливе западной части озера за полосой растений с плавающими листьями выявлен фитоценоз, относящийся к асс. *Stratiotes aloides* (рисунок). Глубина произрастания – 200–300 см. Грунт ил. Обилие телореза равно 4 баллам, покрытие составляет 70%.

Таблица

Площадь литорали, занятая макрофитами, их продуктивность и общая продукция в оз. Островитое

№	Ассоциация	Площадь ассоциации в га	Абсолютно-сухой вес в г/м ²	Общая фитомасса в т
1.	<i>Phragmites australis</i>	4,2000	480	20,160
2.	<i>Phragmites australis</i> + <i>Equisetum fluviatile</i> + <i>Carex</i> sp.	0,6000	470	2,8200
3.	<i>Phragmites australis</i> + <i>Equisetum fluviatile</i> - <i>Nuphar lutea</i> + <i>Potamogeton natans</i>	0,2100	640	1,3400
4.	<i>Phragmites australis</i> + <i>Typha latifolia</i>	0,0900	520	0,4700
5.	<i>Typha latifolia</i>	0,1100	410	0,4500
6.	<i>Carex vesicaria</i>	0,2200	150	0,3300
7.	<i>Equisetum fluviatile</i>	0,0060	200	0,1200
8.	<i>Equisetum fluviatile</i> + <i>Sagittaria sagittifolia</i> - <i>Nuphar lutea</i>	0,0025	260	0,065
9.	<i>Sparganium erectum</i>	0,0006	205	0,0120
10.	<i>Menyanthes trifoliata</i>	0,0014	335	0,0470
11.	<i>Sagittaria sagittifolia</i>	0,0010	100	0,0100
12.	<i>Nuphar lutea</i>	0,7240	125	0,9050
13.	<i>Potamogeton natans</i>	0,8500	140	0,9900
14.	<i>Nuphar lutea</i> + <i>Potamogeton natans</i>	0,1200	155	0,1900
15.	<i>Potamogeton perfoliatus</i>	0,0850	55	0,0460
16.	<i>Elodea canadensis</i>	0,1030	50	0,0500
17.	<i>Stratiotes aloides</i>	0,3500	110	
	Всего	7,6735		28,39

Макрофиты оз. Островитое распространены на площади 5,44 га, что составляет 20,7% его акватории (табл.).

В озере доминируют воздушно-водные растения, которые занимают 14,7% его площади. Растения с плавающими листьями и погруженные макрофиты распространены на площади, составляющей соответственно 4,5 и 1,5% его зеркала.

За вегетационный период макрофиты оз. Островитое образуют 28,39 т абсолютно-сухого вещества, или 76,7 г/м². Основным продуцентом органического вещества среди макрофитов являются воздушно-водные растения. На них приходится 90,9% абсолютно-сухого вещества, продуцируемого высшими водными растениями оз. Островитое. Растения с плавающими листьями синтезируют 7,3%, а погруженные макрофиты – 1,8% от общей продукции макрофитов.

По степени зарастания и продуктивности макрофитов оз. Островитое сравнимо с озерами Белое и Ситово соседней Псковской области России [3].

За 35 лет со времени первичного обследования макрофитной растительности оз. Островитое степень зарастания снизилась с 32,05 до 20,7%, а продуктивность макрофитов – с 127,3 до 76 г/м².

Заметные изменения произошли в полосе воздушно-водных растений. Степень зарастания водоема ими возросла с 6,51 до 14,7% к площади озера. Как и прежде, основными строителями полосы являются ассоциации, относящиеся к формации тростника обыкновенного. Из растительного покрова озера полностью выпали *Glyceria maxima* (C. Hartm.) Holub. и *Schoenoplectus lacustris* (L.) Palla.

Из полосы растений с плавающими листьями выпала асс. *Polygonum amphibium*. С 0,17 до 2,3% к площади озера возросло участие в сложении растительного покрова асс. *Potamogeton natans*. Не выявлена, произраставшая прежде *Nymphaea alba* L. Возможно, за нее авторы приняли *Nymphaea candida* J. et. C. Presl., которая не отмечена нами в водоеме.

В озере практически перестала существовать полоса широколиственных рдестов. Степень зарастания ею снизилась с 21,71 до 1,5% к зеркалу озера. Из растительного покрова полностью выпали ассоциации *Potamogeton lucens*, *P. crispus*, *Myriophyllum spicatum*, *Ceratophyllum demersum*. Отмечена новая ассоциация – *Stratiotes aloides*.

Заметные изменения в характере зарастания и продуктивности макрофитов оз. Островитое произошли вследствие снижения прозрачности воды с 2,5 до 1 м. Обусловлено это тем, что в течение 30 лет на южном берегу озера функционирует дом-интернат для инвалидов и престарелых. С бытовыми стоками, поступающими с его территории, происходит обогащение воды озера биогенными элементами. В результате этого в нем массово развивается фитопланктон, падает прозрачность воды, а из растительного покрова выпадает полоса широколиственных рдестов. Отмечены изменения в характере зарастания и других полос растительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гараевц В.К., Гашэнка С.А. Водная раслиннасць возера Астравітае // Весці АН БССР, 1969, № 1. – С. 47–51.
2. Катанская В.М. Высшая водная растительность континентальных водоемов СССР. – Л., 1981. – 186 с.
3. Серафимович Н.Б. К изучению растительной продукции некоторых озер Псковской области. Первая Всесоюзная конференция по высшим водным и прибрежно-водным растениям. Тезисы докладов. – Борок, 1977. – С. 94–96.

S U M M A R Y

Lake Ostrovitoye is a reservoir of an eutroffhic type. It is situated in the North-East of the Belarusian Poozerye. The area of the reservoir is 37 hectares. The superior water plants of the lake occupy 20,7% of its area. During the vegetative season they form 76,7 gr/ m² of absolutely dry substance.

The water vegetation was again investigated 35 years later. This investigation testifies to the fact that the superior plants of the lake have disappeared from the vegetative cover (of the lake).

The danger of the lake being overgrown with plants was reduced from 32,5 to 20,7%, and macrophytes productivity was reduced from 127,3 to 76,2 gr/m² of absolutely dry substance. It resulted in increasing the eutrophication of lake Ostrovitoye.

Поступила в редакцию 9.06.2004

УДК 595.763.3.(476.5)

Г.Г. Сушко

Жуки стафилиниды (Coleoptera, Staphylinidae) верховых болот Белорусского Поозерья

Жуки стафилиниды занимают значительное место среди насекомых, обитающих в почве и на ее поверхности. Подавляющее большинство среди них – хищники, играющие роль в регуляции численности беспозвоночных животных любого биоценоза. Изучение видового состава коротконадкрылых жуков различных экосистем представляет несомненный научный интерес. Однако, до настоящего времени практически отсутствовали сведения о стафилидах верховых болот в Белорусском Поозерье.

Материалом для работы послужили сборы автора, проведенные в 1997–2001 гг. на верховых болотах Белорусского Поозерья, на основании которых составлен аннотированный список. Всего установлено 54 вида, отловлено и обработано более 1500 экземпляров.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в определении материала кандидатам биологических наук В.Б. Семенову (г. Москва), Н.П. Кузнецовой (г. Витебск).

Жуков собирали методом почвенных ловушек: полистирольные стаканчики на четверть заполненные 4%-ным р-ром формальдегида. В каждом биотопе было установлено по 10 ловушек, которые проверялись с периодичностью 10–12 дней.

В списке приняты следующие сокращения названий болот: Ел – Ельня (Миорский и Шарковщинский р-ны, в естественном состоянии, гидрологический заказник), Ос – Освейское (Верхнедвинский р-н, окр. д. Суколи, в естественном состоянии, охотничий заказник), Гл – Глоданский мох (Витебский р-н, частично осушено), Об – Оболь II, (Шумилинский р-н, в естественном состоянии, гидрологический заказник), Чт – Чистик I (Городокский р-н, в естественном состоянии), Бч – Бельчицкое (Полоцкий р-н, частично осушено), Гп – «Голубицкая пуща» (Докшицкий и Глубокский р-ны), Вс – «Веселовское» (Браславский р-н, в естественном состоянии).

Обилие жуков в сообществах определяли по шкале Ю.А. Песенко [1].

Данные о географическом распространении и распределении жуков приводятся на основании работ Х. Фрейде (H. Freude) [2], А.Л. Тихомировой [3], Э.И. Хотько [4], Каталога фауны Польши («Katalog Fauny Polski») под редакцией Б. Бураковского (B. Burakowski) [5–6]. Тип ареала указан согласно терминологии К.Б. Городкова [7].

Частота встречаемости видов приведена по шкале Ю.А. Песенко: массовые (встречаются в уловах в числе от 15 до нескольких сотен экземпляров), обычные (виды со средней численностью, встречаются в уловах в числе, не большем 15 экземпляров), единичные (встречаются в ряду станций единично), редкие и очень редкие (указаны точные дата и место сбора) [1].

Римскими цифрами указан период активности имаго, на основании наших наблюдений.

Коллекционные материалы автора хранятся на кафедре зоологии ВГУ им. П.М. Машерова.

Видовые названия и синонимы приведены с учетом каталога жесткокрылых Беларуси (О.Р. Александрович, И.К. Лопатин, А.Д. Писаненко и др. «Каталог жесткокрылых (Coleoptera, Insecta) Беларуси») [8].

Подсем. Staphylininae

Philonthus atratus (Gravenhorst, 1802). Циркумбореальный вид. Кустарничково-сфагновый биоценоз, 28.06.1997, 1 экз. (Ос).

Ph. cognatus Stephens, 1832 (= *fuscipennis* Mannerheim, 1830, nec Block, 1799). Циркумбореальный вид. Во всех типах болотных биотопов (Ел, Ос, Гл, Гп), обычен, VI–VII.

Ph. decorus (Gravenhorst, 1802). Европейский вид. Сосново-кустарничково-сфагновые биоценозы, леса на минеральных островах (Ел, Ос), обычен, V–VII.

Ph. furcifer Renkonen, 1937. Европейский бореальный вид. Леса на минеральных островах (Ел), единично, V–VIII.

Ph. laminatus (Creutzer, 1799). Евро-кавказский вид. Вересково-сфагновый биоценоз, 15.05.1997, 2 экз. (Ел).

Ph. marginatus (Strøm, 1768). Европейский вид. Березняк на гари, 15.05.1998, 1 экз.; сосняк брусничный на минеральном острове, 9.08.1997, 2 экз. (Ел).

Ph. nigrita (Gravenhorst, 1806). Евро-казахстанский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос, Гл, Гп, Об, Чт, Вс); обычен, V–VII.

Ph. spinipes Sharp, 1867. Европейский бореальный вид. Пушицево-сфагновый биоценоз, 28.08.1999, 1 экз. (Ел).

Ph. subuliformis (Gravenhorst, 1802) (= *fuscus* Gravenhorst, 1802, nec Gmelin, 1790). Европейский вид. Березняк вересковый на гари, в подстилке, 8.05.1997, 1 экз. (Ел).

Ph. varius (Gyllenhal, 1810). Западно-центральнопалеарктический вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос), обычен, V–VII.

Ontholestes murinus (Linnaeus, 1758). Евро-ленский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах в ловушках с трупами мелких грызунов (Ел), единично, VI–VIII.

O. tessellatus (Geoffroy, 1785). Евро-ленский вид. В ловушках с трупами мелких грызунов (Ел, Ос, Об, Чт), единично, VI–VIII.

Platydracus fulvipes (Scopoli, 1763). Евро-казахстанский вид. Леса на минеральных островах (Ел); березняки на горях (Ел), обычен, V–VIII.

P. latebricola (Gravenhorst, 1806). Среднеевропейский вид. Леса на минеральных островах (Ел); на горях (Ел), единично, VI–VIII.

Staphylinus dimidiaticornis Gemminger, 1851. Среднеевропейский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос, Гл, Гп); леса на минеральных островах (Ел) и гари (Ел), единично, V–IX.

S. erythropterus Linnaeus, 1758. Циркумтемператный вид. В сосняках сфагновых естественных (Ел, Ос, Гл, Гп), единично; в лесах на минеральных островах и березняках на горях (Ел), обычен, V–IX.

Ocypus fuscatus (Gravenhorst, 1802). Евро-ленский вид. В сосняках сфагновых и безлесных кустарничково-сфагновых биоценозах всех исследованных болот; в лесах на минеральных островах и березняках на горях (Ел), обычен, V–IX.

O. nero (Faldermann, 1835) (= *similis* Fabricius, 1792, nec Herbst, 1784). Западнопалеарктический вид. В сосняках сфагновых (Ел, Ос, Вс), на горях (Ел), единично, V–IX.

O. picipennis (Fabricius, 1792). Евро-ленский вид. Березняк черничный на минеральном острове, 13.06.1998, 1 экз. (Ел).

***Quedius molochinus* (Gravenhorst, 1806).** Европейский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос); леса на минеральных островах и на гари (Ел), единично, V–IX.

Подсем. Xantholinae

***Gyrophypnus atratus* (Heer, 1839).** Европейский бореальный вид. Пушицево-кустарничково-сфагновый биоценоз, 15.05.1997, 1 экз. (Ел).

***Xantholinus linearis* (Olivier, 1795).** Евро-сибирско-центральноазиатский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Об, Чт, Ос), единично, V–VII.

***X. tricolor* (Fabricius, 1787).** Европейский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос), единично, V–VII.

Подсем. Paederinae

***Lathrobium brunnipes* (Fabricius, 1792).** Европейский вид. Березняки на горях, сосняк брусничный на минеральном острове (Ел), единично, V–VIII.

***L. fovulum* Stephens, 1833.** Европейский вид. Березняк на гари, 19.07.1997, 1 экз. (Ел).

***L. volgense* Hochhuth, 1851 (= *geminum* Kraatz, 1857).** Евро-кавказский вид. Верещатник на гари, 14.05.1997, 1 экз. (Ел).

***Ochtheophilum fracticorne* (Paykull, 1800).** Евро-казахстанский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос), на горях (Ел), единично, V–VII.

Подсем. Steninae

***Stenus biguttatus* (Linnaeus, 1758).** Трансевразиатский температурно-южно-сибирский вид. Вересково-сфагновые биоценозы на горях (Ел), единично, V–VII.

***S. similis* (Herbst, 1784).** Западно-центральнопалеарктический вид. В сосняках кустарничково-сфагновых (Ел, Ос, Чт), единично, V–VII; сосняк брусничный на минеральном острове, 1.05.1998, 1 экз. (Ел).

Подсем. Omaliinae

***Omallum caesum* Gravenhorst, 1806.** Циркумбореальный вид. Пушицево-сфагновый биоценоз, 12.06.1997, 1 экз. (Ос).

***Acidota crenata* (Fabricius, 1792).** Циркумбореальный вид. В пушицево-сфагновых биоценозах (Ел, Ос), обычен, V–VIII. На горях, единично (Ел).

Подсем. Scaphydinae

***Scaphidium quadrimaculatum* Olivier, 1790.** Циркумбореальный вид. Березняк черничный на минеральном острове, на горях (Ел), единично, V–VIII.

Подсем. Oxytelinae

***Anotylus rugosus* (Fabricius, 1775).** Западнопалеарктический вид. В пушицево-кустарничково-сфагновом биоценозе, 15.05.1997, 1 экз. (Ел); березняк вересковый, 6.07.1999, 2 экз. (Гм).

Подсем. Tachyporinae

***Ischnosoma bergrothi* Hellen, 1925.** Евро-пенский вид. В сосняке брусничном на минеральном острове, единично, V–VII; в пушицево-сфагновом биоценозе, 18.08.1999, 1 экз. (Ел).

***I. lonngicorne* Maklin, 1847.** Западно-центральнопалеарктический вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах, поврежденных пожаром (Ел), обычен V–VIII, единично.

***I. splendidum* (Gravenhorst, 1806).** Западно-центральнопалеарктический вид. В сосново-кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос), сосняке брусничном на минеральном острове (Ел), единично, V–VIII.

***Bolitobius analis* (Fabricius, 1787).** Циркумбореальный вид. Березняк вересковый на гари, сосняк брусничный на минеральном острове (Ел), единично, VI–IX.

***B. formosus* (Gravenhorst, 1806).** Среднеевропейский вид. На горях (Ел), единично, V–VII.

B. inclinans (Gravenhorst, 1806). Среднеевропейский вид. Березняк вересковый на гари, сосняк брусничный на минеральном острове (Ел), единично, V–VIII.

Conosoma pedicularius (Gravenhorst, 1802). Трансевразиа́тский температурно-южносибирский вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел, Ос, Чт), единично, V–VII.

C. testaceus (Fabricius, 1792). Трансевразиа́тский температурно-южносибирский транспалеарктический вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ос, Чт) и на гарях (Ел), единично, V–VII.

Tachyporus chrysomelinus (Linnaeus, 1758). Циркумбореальный вид. Березняк черничный на минеральном острове, гари (Ел), единично, V–VII.

T. hypnorum (Fabricius, 1775). Западно-центральнопалеарктический вид. Обычен во всех типах болотных биоценозов, иногда в массе, V–VIII; единично встречается в лесах на минеральных островах (Ел).

T. nitidulus (Fabricius, 1781). Циркумтемператный вид. В пушицево-кустарничково-сфагновых биоценозах (Ел), единично, V–VII.

T. pusillus Gravenhorst, 1806 (= *macropterus* Stephens, 1832). Трансевразиа́тский суббореальный вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ос, Вс), единично, V–VII.

Tachinus laticollis Gravenhorst, 1802. Евро-ленский вид. Кустарничково-сфагновый биоценоз, 15.05.1997, 1 экз. (Ел).

T. rufipes (Linnaeus, 1758) (= *signatus* Gravenhorst, 1802). Циркумбореальный вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ос, Ел), обычен, V–VII.

Подсем. Aleocharinae

Aleochara bipustulata (Linnaeus, 1761). Циркумбореальный вид. Сосняк брусничный на минеральном острове, 15.05.1998, 1 экз. (Ел).

Atehta fungi (Gravenhorst, 1806). Западнопалеарктический вид. Сосняк брусничный на минеральном острове, 15.05.1998, 1 экз. (Ел).

Drusila canaliculata (Fabricius, 1787). Трансевразиа́тский температурно-южносибирский вид. Во всех типах биоценозов, обычен, иногда в массе V–X.

Zyras collaris (Paykull, 1800). Западнопалеарктический вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ос, Ел), единично, V–VIII.

Z. cognatus (Markel, 1842). Европейский вид. Березняк черничный на минеральном острове, гари (Ел), обычен, VIII.

Bolitochara pulchra (Gravenhorst, 1806) (= *lunulata* Paykull 1789, nec Linnaeus, 1758). Евро-ленский вид. Кустарничково-сфагновые биоценозы (Ел), обычен, VIII.

Gymnusa brevicornis (Paykull, 1800). Циркумбореальный вид. В кустарничково-сфагновых биоценозах (Ос, Ел, Об, Гл, Чт), на гарях (Ел), единично, V–VII.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Песенко Ю.А.* Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. – М., 1982. – 284 с.
2. *Freude H.* Die Kafer Mitteleuropas. Adepaga. 1. – Krefeld, 1976. Bd. 2. – 302 s.
3. *Тухомирова А.Л.* Морфозкологические особенности и филогенез стафилинид (с каталогом фауны СССР). – М., 1973. – 150 с.
4. *Хотько Э.И.* Почвенная фауна Беларуси. – Мн., 1993. – 252 с.
5. *Burakowski B., Mroczkowski M., Stefanska I.* Katalog fauny Polski. Cz. 23. – T. 5: Chrzaszczy – Coleoptera. Histeroidea i Staphylinoidea. – Warszawa, 1978. – 356 s.
6. *Burakowski B., Mroczkowski M., Stefanska I.* Katalog fauny Polski. Cz. 23. – T. 7: Chrzaszczy – Coleoptera. Staphylinidae 1. – Warszawa, 1980. – 272 s.
7. *Городков К.Б.* Ареалы насекомых европейской части СССР. – Л., 1984. – 60 с.

S U M M A R Y

The checklist of 54 species of Staphylinidae (Coleoptera) is presented. The checklist based on the results on the materials collected during 1997-2001 in the raised peat bogs of Belarus O'Lackes Land.

Поступила в редакцию 24.10.2003

УДК 316.61

Е.М. Нахаева

Современный олимпизм – духовное и историческое наследие

Современное мировое сообщество не однозначно по уровню развития культуры, государственного устройства, экономики, национальных обычаев и традиций. Сегодняшний мир постоянно сотрясают войны, политические и расовые конфликты, технические и природные катаклизмы. Одним из факторов противостояния негативным явлениям в обществе стал современный олимпизм, символизирующий идеалы гуманизма и уважения человеческого достоинства.

Термин «современный олимпизм» введен французским социологом, историком и просветителем бароном Пьером де Кубертенем в 1894 году и включает в себя все, связанное с возрождением олимпийских игр и становлением олимпийского движения. Современный олимпизм своими корнями уходит в историю цивилизаций Древнего мира. «История началась в Шумерии!», – утверждал пользующийся мировой славой американский ученый Самюэл Крамер. Он оказался прав: к многочисленным достижениям Древней Месопотамии можно отнести и первые в истории узаконенные публичные состязания, проводимые в честь бога Мардука [1]. Игры шумеров на целое тысячелетие предвосхитили древнегреческую агонистику, которая впоследствии стала прототипом современного олимпизма. Агонистика – это система публичной демонстрации физических возможностей человека по строго установленным правилам. Древняя Эллада насчитывала около сорока мест, где проводились агоны, но наиболее популярными были Истмийские, Панафинийские, Пиорийские, Немейские, а также агоны для женщин – Героиды. Самыми первыми и престижными в Античной Греции являлись агоны, проводимые в Олимпии, которые дали название самым крупным и значимым международным соревнованиям нашего времени. Официальной датой начала древних олимпиад считается 776 год до н.э., однако это не совсем точно, так как по записям историков Аристодама и Полибия, они состоялись на 27 Олимпиад раньше, т.е. в 884 году до н.э. Причиной первых агонов послужил договор между царем Элиды Ифитом и Ликургом из Спарты о возобновлении олимпийских празднеств. Договаривающиеся стороны объявили Олимпию священным местом, а месяц подготовки и проведения состязаний обязательным периодом божественного мира. Появление древних Олимпиад было вызвано намерением прекратить междоусобицы и потрясения иного рода. Однако придавать древнегреческим агонам только политическую окраску было бы несправедливо, т.к. они имели глубокие культовые, культурные и нравственные истоки. По убеждению антич-

ных греков, чем прекраснее тело человека, тем лучше он сам. Это убеждение строилось на идеале калокагатии (суммы совершенств тела и духа) и определяло образ жизни свободного гражданина Эллады по принципу «золотой середины» [2]. Стремление к совершенству и эстетике нашло свое отражение в названии участников древнегреческих агонов – «aisthetikos», что означало «касающийся чувственного» и отождествлялось с понятием «эстетический». Историки, философы, ораторы и драматурги считали главным показателем успеха в творчестве победу в «соревновании умов» на античных играх. Многие из них проявили свои таланты в роли атлетов. Примером может служить Аристокл, победитель Истмийских игр в борьбе, известный в истории философии под именем Платон, который в своем труде «Протагор» о роли физического воспитания писал: «Направляли их к учителю физических упражнений, чтобы тело их было обучено, слушалось благородной души и чтобы из-за телесной слабости им не пришлось на войне или в ином случае брать на себя роль труса» [3]. Вид молодых, гармонично развитых атлетов вдохновлял античных скульпторов на создание великолепных произведений искусств. «Дорифор» Поликлета из Аргоса до сих пор считается воплощением идеала классических форм, а его работа «Канон» об идеальном пропорциональном соотношении человеческого тела стала «мировой азбукой» для скульпторов и художников всех поколений. Сохранившийся по настоящее время оригинал скульптуры «Дискобол» Мирона подтверждает уникальное мастерство и познания античных греков. Панэллинские игры оказали влияние на развитие архитектуры. Одним из примеров может служить уникальный архитектурный ансамбль в Олимпии, который включал 5 стадионов, ипподром, храм Зевса, храм Геры, храм Леонида, гимнасию, палестру, павильон «Эхо», хранилище эталонов, хранилище олимпийского огня, мастерскую Фидия, зал собраний и многие другие сооружения.

Отдавая дань глубокого уважения наследию древних греков, необходимо вспомнить историческую роль спорта в реализации современного олимпизма. Возникшая в конце XVII века как «disport» (развлечение) новая форма физической культуры стала источником двух направлений – буржуазного джентльменского и аристократического джентльменского спорта. В тот период времени понятие «джентльмен» и понятие «спортсмен» были тождественны. В дальнейшем буржуазный перерос в современный профессиональный спорт, а аристократический – в любительский спорт. Последний как спорт свободных, неангажированных, образованных и физически развитых людей явился идейным содержанием современного олимпизма. Неслучайно первым Президентом Международного Олимпийского Комитета (МОК), созданного в 1894 году, был избран «большой европейский Грек», один из самых интеллектуально развитых и высоконравственных европейцев XIX века – Деметриус Викелас (1835–1908). Патриот своей страны, автор большого количества книг на английском, французском, немецком и итальянском языках, почетный профессор Шотландского университета, поэт, публицист, политик. Деметриус Викелас при жизни был удостоен самых высоких наград Греции – Золотого Креста Спасителя и Ордена Святого Михаила, а также высокого звания французского правительства «Шевалье Почетного Легиона». Первый Президент МОК на личные сбережения построил пассажирское судно, выполняющее функцию «плавающей больницы» для бедных, неимущих греков [4]. Личный пример и жизнь человека, первым возглавившего олимпийское движение и ставшего «душой» I Олимпийских игр в Афинах (1896 г.), и его последующих преемников, подтверждают высокое предназначение современного олимпизма во имя будущего человечества; идеалы которого отражены и в девизе «Citius, Attius, Fortius», позаимствованного Пьером де Кубертенем с «обращения к ученикам» отца Дидона, принципала Колледжа д'Аркеиль [5].

Современный олимпизм – наше духовное и историческое наследие, оставленное прошлыми поколениями. Его идеалы нужно не только бережно сохра-

нять, но и преумножать. Подтверждением могут служить слова барона Пьера де Кубертена, обращенные к молодежи: «В современном мире, который обладает необыкновенными возможностями, но в то же время находится под угрозой деградации, олимпизм может стать школой благородства помыслов и моральной чистоты, настойчивости и энергии. Но это произойдет только если вы будете неуклонно стремиться в своих идеалах чести и спортивной самоотверженности к высотам... Будущее зависит от вас» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zimmerl*: Das Babylonische Neujahrfest. – Leipzig, 1926. – С. 17–18.
2. *Куз Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. – М., 1982. – С. 67.
3. *Лоу Б.* Красота спорта. – М., 1984. – С. 18.
4. *Кобринский М.Е., Кокашинский А.А.* «Викелас и возрождение олимпийских игр» // Мир спорта, 2002, № 2. – С. 18–23.
5. *Дьюри Ж.* Олимпийское движение и воспитание. Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе». Сборник научных материалов. – М., 1978, – С. 126.
6. *Кубертен П.* «Обращение к молодежи». – Рим, 1927.

S U M M A R Y

Modern olympic movement is the unique social phenomenon based on the principles of humanism and respect of human dignity. The author gives significant facts from the history and development of modern olympic movement which will be of interest to any educated person.

Поступила в редакцию 18.02.2004

УДК 32.001

Е.Э. Кривоносова

О динамике международных отношений в современном мире

Содержательной характеристикой современного мирового сообщества является наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального, регионального и глобального начал. Объединение всех стран в некое единое и замкнутое геополитическое пространство, в котором не осталось незанятых, «свободных» территорий, породило новый глобальный геополитический расклад. В связи с этим господствующая общественно-политическая парадигма подвергается коренному переосмыслению. Более того, идет процесс формирования новой парадигмы, сущностные аспекты которой одновременно отражают и конструируют новые социально-экономические, политические, духовные реалии как на Западе, так и на Востоке, как на Севере, так и на Юге планеты.

Произошел уход от европоцентричного мира. Как известно, вплоть до начала XX столетия в мировой политике заправлял так называемый «европейский оркестр», куда входили Англия, Франция, Германия и Россия. Позже к ним присоединились США и Япония. Европейские, а в более широком понимании чуть позже западные страны, продолжали диктовать свою волю и определять правила политической игры на международной арене. Не случайно обе мировые войны возникли именно в Европе. Сегодня «кухня» мировой по-

литики перестала принадлежать только европейцам. Современная европейская цивилизация и базировавшийся на ее основе евроцентристский мир, просуществовав несколько столетий, оказались в кризисе (духовном, экологическом и т.д.). Уже на рубеже XIX–XX вв. многие мыслители заговорили об его окончании (Ницше, Шпенглер, Гуссерль и др.). Формируется единая полицентричная планетарная цивилизация, в масштабе всей планеты утвердилось единая пространственно-временная парадигма. Происходит диффузия экономической, военной и политической мощи.

Безусловно, европейская цивилизация выработала некоторые базовые ценности и структуры, приобретшие универсальную значимость: рынок, институты парламентаризма и др. Они в «снятом» виде стали достоянием других стран и народов. Однако следует помнить, что в социокультурном и духовном аспекте невозможно создать некое единое человечество, основанное на нивелировании всех и вся под один ранжир.

Возросла роль так называемых «малых» государств. Сегодня каждый народ имеет право на исторический выбор своего пути социально-экономического, политического и духовного развития. Те народы, которые раньше были лишь объектами мировой политики, постепенно превращаются в ее субъекты. Всякие попытки внешнего диктата, окрика, вызывают растущее сопротивление. События вокруг Югославии, Афганистана, Ирака, на Ближнем Востоке тому подтверждение.

Увеличивается значение нетрадиционных субъектов в структуре международных отношений. Если до второй мировой войны главными их акторами были государства и, в некоторой степени, межправительственные организации, то в настоящее время все большую роль играют неправительственные международные организации как результат инициативы, «самодвижения» граждан. Достаточно здесь вспомнить деятельность различных антивоенных организаций, организаций по оказанию гуманитарной помощи, движение антиглобалистов и т.д.

Возрастает удельный вес экономического и социокультурного сотрудничества стран и народов по сравнению с их политическим взаимодействием. Как известно, в прошлые столетия контакты между гражданами различных стран по разным причинам (географическим, экономическим, политическим) были весьма ограничены. Не высокой была и интенсивность торгово-экономических связей между странами. Сейчас положение изменилось. Структурообразующими силами большей части современного мирового сообщества все в большей мере являются рыночная экономика, контакты между людьми и их организациями и, в меньшей степени, политические институты. При этом, конечно, следует помнить, что роль последних по-прежнему достаточно велика.

Распался биполярный мир, основанный на противостоянии двух сверхдержав и военно-политических блоков. На планете осталась одна сверхдержава. Но мир, стоящий на одной «ноге» объективно менее безопасен, хотя эта «нога» и обути в «американский ботинок». С распадом СССР перестала действовать прежняя система баланса сил. Со всей настоятельностью выдвигается вопрос о том, какую именно форму примет конфигурация геополитических сил в мировом сообществе. Прежде всего напрашивается вывод о монопольном мировом порядке. Биполярная система обеспечивала очевидность того, откуда исходит угроза. Это – с одной стороны. С другой – неизбежность ответной реакции со стороны потенциальной жертвы агрессии и ее союзников. Это обстоятельство гарантировало достаточно надежную систему биполярного сдерживания, для этого периода была верна формула Р. Арона: «Мир невозможен, война вероятна».

Таким образом, налицо распад биполярной системы межгосударственных отношений. Одновременно идет другой процесс: формирование нового геополитического порядка на началах полицентризма. Что об этом говорит?

Уже много сказано и написано о росте экономической и политической мощи Японии, новом европейском динамизме. В последнем случае следует учиты-

вать расширение географии европейской интеграции. Показательно, что практически все ориентированные на модернизацию политические силы восточно-европейских стран сформулировали в качестве цели развития концепцию «возвращения в Европу». Все громче заявляют о себе так называемые новые индустриальные страны, дали первые позитивные результаты экономические преобразования в Китае. Более того, Китай и Индия сохраняют за собой статус демографических гигантов. Нельзя обрывать со счетов и Россию, которая не может не быть великой державой хотя бы потому, что она занимает особое место в геостратегической структуре мира.

Все это говорит о том, что постепенно складывается новый баланс сил, отличный от того, который сложился в период противостояния двух сверхдержав. Постепенно трансформируется геополитическая структура мира, имеет место перераспределение геополитической энергии. На смену характерной для биполярного мирового порядка преимущественно вертикальной взаимозависимости государств в рамках двух блоков постепенно придет преимущественно горизонтальная взаимозависимость стран. Гегемонии какой-то страны все больше противостоит процесс интеграции и интернационализации важнейших сфер жизни. В рамках этого процесса выявляются многие региональные центры экономической и политической мощи.

Вместе с тем, формирующийся миропорядок несколько не противоречит принципу национального суверенитета государств, не отменяет последние в качестве главных субъектов международных отношений. Мир становится одновременно более единообразным и более разнообразным. Большинство народов и стран не проявляют готовности к тому, чтобы отказаться от политического суверенитета, национальной специфики, традиций, обычаев и т.д. Более того, мир сегодня столкнулся с так называемым «этническим ренессансом». Все большее число стран перестают играть роль простых статистов в геополитической игре. Вместо блоковых интересов, часто пронизанных идеологией, теперь на первый план выходят интересы отдельных стран народов, наций. По крайней мере акценты смещаются в эту сторону. Важная проблема ускорения прогресса отдельных стран заключается не в тотальном копировании опыта развития «евроатлантической цивилизации», а в поисках эффективного соединения пространственно-национальной идентичности с ценностями постиндустриализма. Другими словами, речь идет об обеспечении собственного, самобытного ответа на единый в общем-то «вызов истории». Будет нарастать противодействие всякому стремлению создать монополярный мир.

Таким образом, геополитический порядок, сложившийся во второй половине XX в., характеризуется беспрецедентным ускорением времени, сжатием мира, формированием действительно межгосударственной системы благодаря обретению множеством государств национального суверенитета, преобладанием в международных отношениях экономического и социального сотрудничества над политическим согласием, стремлением к сохранению равновесия в системе баланса сил, усилением взаимозависимости государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века. – М., 1996.
2. Геополитика: Пособие / Л.М. Гайдужевич и др. – М., 2002.
3. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. – М., 1996.

S U M M A R Y

The analysis of basic distinctive features of the present geopolitical situation in the world is given in the article.

Поступила в редакцию 22.12.04

Структурно-грамматические типы и модели годонимов Шанхая

В пределах языковой системы структура урбанонима состоит из двух компонентов – собственно проприальной части и номенклатурного термина (НТ) [1]. Данное положение справедливо как для русской, так и для китайской годонимии. Однако генетическая разнородность сопоставляемых языковых систем диктует различную структуру самих перечисленных блоков. Цель и значение настоящей статьи состоит в изучении особенностей структурно-грамматических типов годонимов Шанхая.

В настоящее время в городе Шанхай насчитывается около двух тысяч годонимов. Учитывая количество компонентов и характер синтаксических отношений между ними, различаем два разряда годонимов: простые и сложные. Каждый разряд формируется из определенного числа типов, выделяемых с учетом характера синтаксических отношений между компонентами, части речи и грамматической формы.

Простые годонимы. К простым годонимам относятся двусловные названия, между компонентами которых существует один тип отношений – атрибуция. В атрибутивный тип входят названия, проприальный элемент которых – прилагательное, характер связи между компонентами – соположение: *Синь улица* (Синь – 'новая'), *Си проспект* (Си – 'западный'), *Дун проспект* (Дун – 'восточный'). Атрибутивные названия внутригородских объектов – один из древних типов. Многие из них возникли в давние времена и являются продуктом естественной номинации. Однако такой тип годонимов в городе Шанхай представлен всего лишь тремя единицами. И в былой годонимии города они также немногочисленны: *Нань улица* (Нань – 'южная').

Сложные годонимы. Сложными считаются годонимы, состоящие из трех и более слов. Между компонентами таких названий существуют различные типы синтаксических отношений. Например, *Сяо Нань Ма Тоу улица* обозначает 'маленькая южная пристань-улица', *Синь Э улица* обозначает 'новая вторая улица'.

Разряд сложных годонимов формируют 6 групп структур: сложные номинативные, номинативно-адъективные, нумеративно-номинативные, атрибутивно-адъективные, номинативно-сочинительные, номинативно-предикативные.

1. СЛОЖНЫЙ НОМИНАТИВНЫЙ ТИП.

У этого типа китайских годонимов, в отличие от русских, первым компонентом является проприальная группа (существительное в номинативной форме), вторым – НТ (характер связи – соположение): *Нин Бо улица* (улица по названию города Нин Бо), *Юй Лан улица* (улица Цветы «Магнолия»). Номинативный тип внутригородских объектов древен. Многие из названий, формирующих этот тип, возникли в давние времена и распространены не только в городе Шанхай, но и в других китайских городах. Объяснение такого распространения моделей кроется в истории возникновения и развития города. В пределах номинативного типа по дополнительному грамматическому признаку элементов проприальной группы названия выделяется две модели:

Модель 1. Проприальная группа, включающая имя собственное (оним) + НТ. Данная модель представлена двумя субмоделями: а) пропри-

альная группа, включающая имя собственное *неодушевленное* + НТ. Они включают наименования провинции, области, города, уезда, реки, озера, горы, крепости, перевала и т.д. Например: *Ян Чжоу улица* (Ян Чжоу – название города), *Цзи Линь улица* (Цзи Линь – название провинции); б) проприальная группа, включающая имя собственное *одушевленное* + НТ. Включают именованные людей. Например: *Хуан Син улица* (Хуан Син – имя революционера), *Цзя Ли Люе улица* (Цзя Ли Люе – имя известного итальянского астронома). При этом фамилии могут именовать не только отдельного человека, но и нескольких членов семьи. Например: *Мао Цзя первоулок* назван по фамилии семьи Мао в форме множественного числа; *Цяо Цзя улица* названа по фамилии Цяо в форме множественного числа.

Модель 2. Проприальная группа, включающая имя нарицательное (онимизированный аелллатив) + НТ. Данная модель представлена также двумя субмоделями: а) проприальная группа, включающая имя нарицательное *конкретное* + НТ: *Дин Сян улица* (Дин Сян – 'сирень'); б) проприальная группа, включающая имя нарицательное *абстрактное* + НТ: *Чан Шоу улица* (Чан Шоу – 'долголетие').

II. НОМИНАТИВНО-АДЪЕКТИВНЫЙ ТИП.

Для названий этого типа характерно следующее: отношения между НТ и проприальной группой равнозначны «чистому» номинативному типу (вид связи – соположение), в качестве пояснительных слов в составе проприальной группы могут выступать прилагательные. Вид связи элементов в пределах проприальной группы – согласование. Например: *Цин Лянь улица* обозначает «зеленый лотос улица», *Тянь Э улица* обозначает «сладкая любовь улица». По дополнительному морфологическому признаку – разряду входящего в проприальную группу имени существительного – можем выделить две модели:

а) *имя прилагательное + нарицательное существительное (аелллатив) + НТ*: *Цзинь Юй улица* обозначает «золотой дождь улица», *Мин Юе улица* обозначает «светлая луна улица»; б) *имя прилагательное + собственное существительное (оним) + НТ*: *Синь Ху улица* обозначает «новый Шанхай улица», *Цзинь Ган улица* обозначает «золотой Гонконг улица». Проприальная группа данного типа названий может иметь и более сложную структуру, включающую второе прилагательное, поясняющее атрибутивное словосочетание: в) *имя прилагательное + имя прилагательное + нарицательное существительное + НТ*, например: *Дун Син Минь улица* обозначает «восточный новый народ улица», *Да Му Цзяо улица* обозначает «большой деревянный мост улица». Более сложную структуру может иметь и группа номенклатурного термина, который получает приложение: г) *имя прилагательное + нарицательное существительное + существительное-приложение + НТ*: *Си Цан Цяо улица* обозначает «западный склад мост-улица» (термину *мост-улица* в русской годонимии соответствует термин *проезд*), *Цзю Сяо Чан улица* обозначает «старая школьная площадка-улица» (термину *площадка-улица* в русской годонимии соответствует термин *площадь*).

III. НОМИНАТИВНО-СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ ТИП.

Структурная особенность названий этого типа заключается в том, что проприальная группа их включает сочетание слов, связанных сочинительным видом связи. Отношения между проприальной группой и НТ равнозначны «чистому» номинативному типу (вид связи – соположение). Например: *Юнь Шань улица* обозначает «облако и гора улица». Учитывая дополнительный морфологический признак – разряд имен существительных, выделяем 2 модели таких названий внутригородских объектов: а) *нарицательное существительное и нарицательное существительное + НТ*: *Тянь Лин улица* обозначает «поле и лес улица»; б) *собственное существительное и собственное суще-*

ствительное + НТ. При этом в одних случаях именами собственными являются: б¹) *топоним + топоним*: Шань Чуань улица (от названий городов Шань Дин и Чуань Лань), Ган Ао улица (от названий городов Гонконг и Аомын), б²) *антропоним + антропоним*: Лю Ян улица (от фамилий Лю и Ян).

IV. НУМЕРАТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ ТИП.

Пропримальная группа данного типа названий представляет собой количественно-именное словосочетание. Отношения между пропримальной группой и НТ соответствуют отношениям, существующим в наименованиях простого номинативного типа. Например, У Лянь улица обозначает «пять лотосов улица», Шуан Шань улица обозначает «две горы улица». Разновидностью данного типа названий следует рассматривать наименование И Эр Ба Цзи Нянь улица с элементом «в честь» – «В честь Восьмого декабря» улица.

V. АТРИБУТИВНО - АДЪЕКТИВНЫЙ ТИП.

Такой тип названий включает в свой состав два прилагательных: относительное, обозначающее признак по отношению к географическому расположению объекта, и качественное, как правило, указывающее на качество или свойство объекта. Иными словами, главный компонент, равнозначный простому атрибутивному типу, поясняется еще одним прилагательным: Дун Мин улица обозначает «восточная светлая улица», Дун Мэй улица обозначает «восточная красивая улица». Иногда структура указанного типа названий может усложниться введением в пропримальную группу дополнительно третьего прилагательного, детализирующего содержательную сторону пропримального компонента: Дун Хуа Мэй улица обозначает «восточная китайская красивая улица».

VI. НОМИНАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЙ ТИП.

Пропримальная группа данного типа представляет собой предложение. Отношения между пропримальной группой и НТ соответствуют отношениям, существующим между компонентами простого номинативного типа. Указанный тип представлен следующими моделями:

а) *двусоставное предложение*:

а¹) *подлежащее + простое глагольное сказуемое + НТ*: Хуа Фа улица обозначает «Китай развивается»,

а²) *подлежащее + составное именное сказуемое + НТ*: Хуа Мэй улица – «Китай красивый» улица, Шуй Цин улица «Вода чистая» улица и т.д.;

б) *односоставное предложение*:

б¹) *сказуемое + НТ*: Кэ Лэ улица – «Радовать» улица,

б²) *сказуемое + прямое дополнение*: Чуан Е улица – «Создать дело» улица, Син Е улица – «Развивать промышленность» улица и т.д.

Единичны в годонимиконе Шанхая названия атрибутивно-нумеративного и нумеративно-атрибутивного типов. Например: Синь Э улица обозначает «новая вторая» улица, Сань Синь улица обозначает «третья новая» улица. Таких названий очень мало, но они своими оригинальными структурами обогащают типы годонимов города Шанхай и занимают свое определенное место.

Более зримо процентное соотношение различных типов может быть представлено на рисунке.

Таким образом, анализ структурно-грамматических типов и моделей годонимов Шанхая позволил прийти к следующим выводам. Отличной от русской является наполняемость пропримального блока китайских годонимов, которые, во-первых, могут включать значительно большее количество элементов, во-вторых, демонстрируют предикативные отношения. По-иному может строиться и блок термина-классификатора: в русских годонимах он включает однословные географические апеллятивы – улица, переулок, проспект, шоссе и т.п., – часто отличающиеся друг от друга только суффиксами или приставками. В китайских же годонимах термин нередко имеет при себе приложение –

ветка-улица. В целом, если членение русских годонимов на простые и сложные происходит в зависимости от однородности/неоднородности вида синтаксической связи, существующей между компонентами годонима, то в китайских годонимных единицах на первый план выходит не вид синтаксической связи, поскольку китайский язык не имеет форм словоизменения, а характер синтаксических отношений между ними.

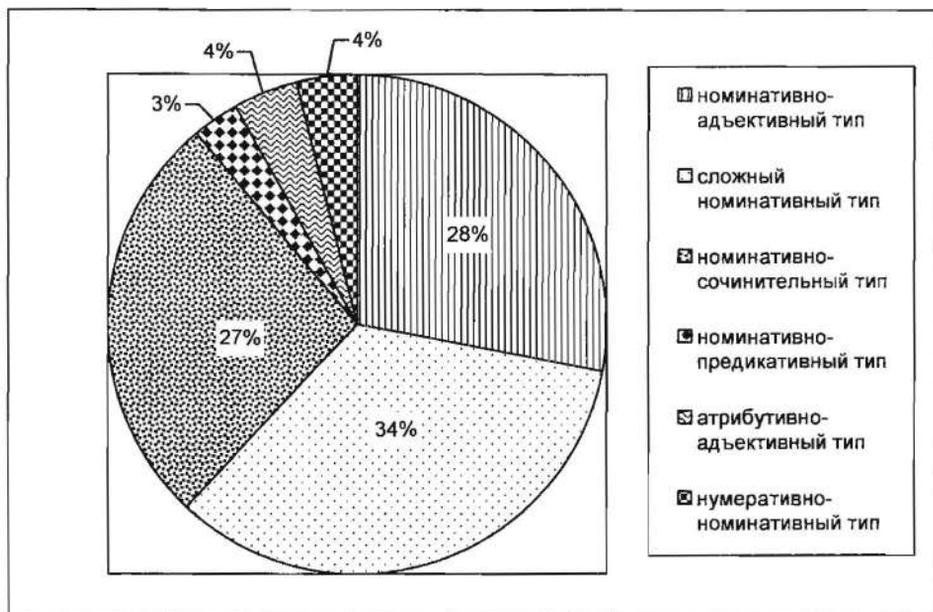

Рис. Процентное соотношение различных типов годонимов Шанхая

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. – Мн., 1991. – С. 24.

S U M M A R Y

The article deals with the analysis of structural-grammatical types of Shanghai urbanonyms. Peculiar features of the city's hodonyms are revealed. Close connection between the history of the city and the principles of urbanonyms origin is emphasized.

Поступила в редакцию 27.01.2005

Канферэнцыі. Сімпазіумы

С.У. Дзядзіпкіна

«Журналістыка – 2004» – новы погляд на творчую прафесію

Журналісцкая адукацыя планамерна інтэгруе ў сусветную камунікацыйную прастору. Сучаснасць патрабуе ад журналісцкай прафесіі такой ступені кваліфікацыі, якую немагчыма ўявіць без найноўшых тэхналогій у сферах PUBLIC RELATIONS, тэорыі камунікацыі, інфарматыкі, сацыялогіі, паліталогіі, тэорыі і практыкі друкаванага слова.

Сітуацыя на медыярынку хутка змяняецца, як і сутнасныя і статусныя парадыхмы функцыянавання СМІ. У выніку трансфармуюцца і змест, і падыходы да навучання журналістаў. Таму стаўшыя традыцыйнымі навукова-практычныя канферэнцыі, якія штогод ладзіць факультэт журналістыкі Белдзяржуніверсітэта пры ўдзеле двух міністэрстваў – інфармацыі і адукацыі, з'яўляюцца своеасаблівым люстэркам стану нацыянальнай інфармацыйнай прасторы, прыносячы плён у справу развіцця мас-медыя. VI Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Журналістыка – 2004», якая праходзіла ў Мінску ў снежні 2004 года, была знамянальнай яшчэ і таму, што прымеркавана да 60-годдзя факультэта. Цікава, што факультэт журналістыкі БДУ быў створаны першым у Савецкім Саюзе (у жніўні 1944 г.), раней за кіеўскі (1946 г.) і маскоўскі (1947 г.). Першыя спробы спецыялізаванай журналісцкай падрыхтоўкі ўжо меліся на базе губернскіх партшкол у Віцебску ў 1918 годзе і ў Мінску ў 1920 годзе.

Сёння журфак рыхтуе спецыялістаў па пяці накірунках: «друкаваныя СМІ», «аўдыёвізуальная журналістыка», «міжнародная журналістыка», «інфармацыя і камунікацыя», «літаратурная работа». Мадэрнізацыя навучальнага і навукова-даследчага працэсу на факультэце прывяла да стварэння новых кафедраў: перыядычнага друку, сацыялогіі журналістыкі, тэхналогіі камунікацыі, літаратурна-мастацкай крытыкі, англійскай мовы і моўнай камунікацыі. Па дысцыплінах вучэбнага плана створана новае пакаленне вучэбных праграм – усяго 83!

Па словах дэкана факультэта журналістыкі БДУ, дацэнта В.П. Вараб'ева, намаганні выкладчыкаў сёння скіраваны на тое, каб ужо за студэнцкай партай маладыя людзі імкнуліся да журналістыкі з моцным інтэлектуальным, кантэкстуальным падыходам. Адначасова факультэту ўдалося ўстанавіць «кансэнсус» паміж тэарэтычным навучаннем і практычнай запатрабаванасцю сучаснага беларускага медыяпрацэсу. Сёння падрыхтоўка да журналісцкай дзейнасці вядзецца ў рэальных рэдакцыйных умовах. Мацнее і навукова-даследчая база беларускай журналістыкі. За апошнія пяць гадоў выкладчыкамі і прафесарамі факультэта падрыхтавана 68 вучэбных дапаможнікаў, 22 манаграфіі, 9 навуковых зборнікаў, 1118 навуковых артыкулаў і тэзісаў дакладаў, абаронены 24 кандыдацкія і 4 доктарскія дысертацыі. Такім чынам, журфак сапраўды, фарміруе асноўны творчы патэнцыял інфармацыйнай прасторы Беларусі.

VI Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя стала новым крокам да абагульнення міжнароднага і нацыянальнага вопыту журналісцкай тэорыі і практыкі, асэнсавання сацыяльна-культурнага статусу сучаснай журналістыкі і перспектыв яе развіцця.

Першы намеснік міністра інфармацыі Рэспублікі Беларусь *Лілія Ананіч* заўважыла на адкрыцці канферэнцыі, што з прыняццем больш дасканалых

заканадаўства аб СМІ кардынальна змяняцца і адносіны да раённага, рэгіянальнага друку. Ужо ў бліжэйшы час некаторыя раённыя газеты набудуць новае аблічча – пачнуць выходзіць у колеры. Наспела неабходнасць і ва ўнясенні новых паправак і дапаўненняў у Закон аб сродках масавай інфармацыі. Напрыклад, заканадаўства пакуль не рэгулюе стасункі паміж СМІ і Інтэрнэтам, трэба ўдасканалваць і працэс рэгістрацыі СМІ.

Сапраўды, гісторыя сеткавага друку ў нашай краіне налічвае ўсяго 5–6 гадоў. Інтэрнэт-выданні яшчэ не выпрацавалі ні дакладнай класіфікацыі, ні ўстойлівых жанравых форм, ні літаратурных нарматываў. Як зазначыў у сваім навуковым дакладзе дацэнт БДУ *Аляксандр Градзюшка*, выданні ў Інтэрнэце можна падзяліць на дзве катэгорыі: уласна сеткавыя (дакладны лік якіх вызначыць складана) і онлайнавыя версіі друкаваных СМІ. Па прагнозах, у бліжэйшы час сеткавыя СМІ будуць на роўных канкурыраваць з традыцыйнымі на інфармацыйным полі дзяржавы.

Асобная ўвага на канферэнцыі была нададзена і вывучэнню сучасных тэндэнцый развіцця PUBLIC RELATIONS. Прапанаваны Беларускай асацыяцыяй па сувязях з грамадскасцю і Саветам Інстытута PR праект «Кодэкса прафесійных паводзін у галіне адносін з грамадскасцю для беларускіх PR-практыкаў» павінен стаць рэгулятарам этычных і маральных норм узаемаадносін спецыялістаў у галіне сувязяў з грамадскасцю.

Зацікаўленая размова адбылася падчас работы секцыі «Літаратурна-мастацкая крытыка», у якой прынялі ўдзел дактары навук *Таццяна Арлова*, *Людміла Сінькова*, кандыдаты навук *Людміла Саенкова*, *Пятро Васючэнка*, *Уладзімір Капцаў*, *Наталля Кузьміч*, *Гражына Паўлоўская*, *Ірына Шаўлякова-Барзэнка*, *Галіна Сачанка* і аўтар гэтых радкоў. Бягучы літаратурны працэс вымушае літаратурных крытыкаў працаваць у фармаце найноўшага ўніверсальнага: з аднаго боку выпрацоўваць такую метамову, якая абуджае масавую зацікаўленасць нацыянальным пісьменствам, з другога – арыентацыя на прафесійнага чытача (сэнсавая і структурная ўскладненасць тэкстаў, эксперыментальнасць форм). Тое ж можна сказаць і пра крытыку іншых відаў мастацтва. Напрыклад, даследчык Л. Саенкова вызначае так званы «кліпавы» падыход у аналізе кінатэкста: галоўная аўтарская ўстаноўка – прадставіць фільм не як мастацкае цэлае, а як прадмет увагі для звычайнай свядомасці. Новая мадыфікацыя жанру рэцэнзіі разглядае твор мастацтва сегментарна ў кантэксце семіятычнага метаду. Такі падыход дазваляе зменшыць дыстанцыю паміж журналісцкім тэкстам і чытачом.

Важнейшае месца ў рэалізацыі дзяржаўнай інфармацыйнай палітыкі займае рэгіянальны друк. Сёння ў краіне 135 дзяржаўных выданняў, заснавальнікамі якіх выступаюць абласныя, гарадскія і раённыя выканаўчыя камітэты. Выдаецца 9 абласных, 8 гарадскіх і 118 раённых і аб'яднаных газет. Самая тыражная газета – «Віцебчы» (Віцебская гарадская). На факультэце было праведзена сацыялагічнае даследаванне, у выніку якога складзены сацыяльна-дэмаграфічны партрэт журналістаў рэгіянальных СМІ. Высветліліся цікавыя факты, якія сведчаць, што назіраецца істотнае размежаванне сярод абласцей па ўдзельнай вазе журналістаў без спецыяльнай адукацыі. У першую групу ўваходзяць Брэсцкая, Мінская і Гродзенская вобласці, дзе рэспандэнты без спецыяльнай журналісцкай адукацыі складаюць меншасць сярод працуючых у СМІ. У другую групу ўваходзяць Гомельская, Магілёўская і Віцебская вобласці, дзе працуюць журналістамі большасць без спецыяльнай адукацыі. Дарэчы, у Віцебскай і Мінскай абласцях больш чым у іншых рэгіёнах працуе журналістаў пенсійнага ўзросту, і мужчын больш, чым жанчын, сярод журналістаў толькі ў Віцебскай вобласці. 55% апытаных журналістаў з Віцебшчыны палічылі нашу прафесію перспектыўнай і прэстыжнай, аднак у іншых абласцях гэта лімба некалькі вышэй.

АСТРОНОМИЯ: Сб. разноуровневых заданий: Учеб. пособие для 11 кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения / И.В. Галузо, В.А. Голубев, А.А. Шимбалев. – Мн.: ЧУП «Изд-во Юнипресс», 2005. — 272 с. Тир. 5100 экз.

АСТРОНОМИЯ: Учебный звездный атлас: Учеб. пособие для 11 кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения / А.А. Шимбалев, И.В. Галузо, В.А. Голубев. – Мн.: ЧУП «Изд-во Юнипресс», 2005. – 32 с. Тир. 5100 экз.

Основная цель данного пособия – помочь учителю организовать самостоятельную систематическую работу и проверку знаний учащихся по астрономии, выяснить качество усвоения учебного материала, обобщить и систематизировать знания учащихся по всем разделам учебной программы. Особое внимание авторами уделено традиционно трудным вопросам по темам «Основы практической астрономии» и «Движение небесных тел», по которым в пособии значительно увеличено число заданий в сравнении с другими разделами. Ряд заданий можно использовать при изучении нового материала и при выполнении домашних заданий.

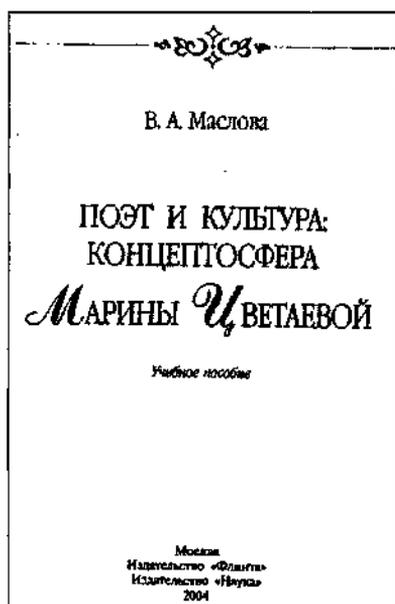
Пособие содержит более 150 заданий, каждое из которых состоит из пяти разных по сложности вопросов и задач.

Учебный звездный атлас предназначен для ознакомления с созвездиями и объектами звездного неба. Он может быть использован учащимися средних школ в процессе изучения астрономии и любителями астрономии. Также атлас будет полезен студентам вузов, изучающим астрономию.

На звездных картах даны контуры и границы созвездий, обозначены яркие звезды. На соседних с картами страницах даны таблицы с основными сведениями о ярких, кратных, переменных звездах и туманных объектах. Рядом с картами и таблицами даны фотографии наиболее примечательных галактик, звездных скоплений и туманностей.

М.П. Шмидт

ПОЭТ И КУЛЬТУРА: КОНЦЕПТОСФЕРА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с. Тир. 1000 экз.

Марина Цветаева – один из крупнейших русских поэтов, И. Бродский назвал ее первым поэтом XX века. Для оценки явления подобного масштаба нужно немало времени; относительно Цветаевой это произошло к концу XX столетия, причем интерес к ее творчеству постоянно растет. В цветаеведении уже отчетливо виден повтор основных идей, на которых оно зиждется: интерес к биографии поэта, внимание к особенностям творчества и, в первую очередь, к афористичности манеры, а также множество тщательных анализов и комментариев конкретных стихотворений.

В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость посмотреть на поэзию Цветаевой с новых позиций – с точки зрения концептуализации ею мира.

Эта книга – попытка подойти к лирике великого Поэта со стороны ее концептосферы – совокупности сгустков понятий, мотивов,

образов, из которых как мозаичное полотно складывается ее мир.

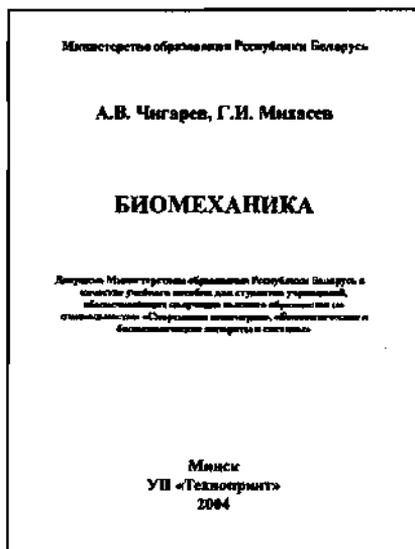
А.И. Сивицкий

БИОМЕХАНИКА: Учебное пособие / А.В. Чигарев, Г.И. Михасев. – Минск: УП «Технопринт», 2004. – 284 с. Тир. 250 экз.

Данная книга является единственным в Республике Беларусь учебным пособием по инженерной биомеханике, которая в настоящее время становится востребованной все большему числу научно-технических работников как раздел механики природных структур.

Кроме того, открытие в университетах новых специальностей «Биомедицинская аппаратура» и «Спортивная инженерия», а также развитие такого направления, как биомедицинская инженерия, требуют создания учебно-методического обеспечения курса по биомеханике, в то время как в республике учебники и учебные пособия по данному направлению отсутствуют.

В книге излагаются основные законы механики и методы построения их на базе моделей биомеханических структур. Рассмотрены вопросы построения моделей опорно-двигательной, мышечной, сердечно-сосудистой и слуховой систем организма человека. Проблема моделирования рассматривается,

начиная с построения механико-математической модели и заканчивается инженерными разработками протезов структурных элементов организма.

Авторами приведен уникальный материал по моделированию физиологических функций и созданию протезов для отдельных органов организма человека, в связи с чем книга представляет интерес при изучении биофизики и физиологии человека и может быть использована при подготовке биологов и биоэкологов.

Учебное пособие является базой для ознакомления всех желающих с вопросами построения моделей в биомеханике и предназначено для студентов, преподавателей и специалистов в области биомеханики и смежных специальностей.

И.М. Прищепа

ИЗУЧЕНИЕ БИОЛОГИИ В 8 КЛАССЕ: Учебно-методическое пособие для учителей учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 12-летним сроком обучения / **В.С. Конюшко, В.Я. Кузьменко, А.А. Лешко, В.В. Опарица.** – Мн.: Народная асвета, 2004. – 159 с. Тир. 2600 экз.

В пособии приведены варианты проведения уроков. Это своеобразные модели, которые показывают место каждого урока в теме и разделе, содержат планы проведения уроков в виде опорных точек, особенности содержания уроков и методики проработки этого содержания. По каждому уроку даны вопросы и задания, приведены внеурочные задания, дополнительный материал, которые могут быть использованы учителем для организации разнообразных форм работы на уроке.

Появлением этого пособия практически завершается создание нового учебно-методического комплекса по биологии для 8 класса учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования с 12-летним сроком обучения.

А.Н. Фенченко

2-3 декабря 2004 года в Могилевском государственном университете им. А.А. Кулешова проходила международная научно-практическая конференция на тему «Актуальные проблемы педагогики музыкального искусства». В работе конференции принимали участие представители вузов Беларуси, России, Украины, Чешской Республики, где было представлено более 80 докладов. По традиции с приветственным словом к участникам конференции на пленарном заседании выступил ректор университета К.М. Бондаренко. С большим интересом было встречено на пленарном заседании выступление декана музыкально-педагогического факультета, кандидата педагогических наук, доцента М.А. Паздника с докладом о «Модели художественно-эстетического воспитания» и проекте ежегодного конкурса исполнителей студенческой молодежи до 2010 года.

Заведующей кафедрой хорового дирижирования, доцентом головного музыкально-педагогического факультета БГПУ им. М. Танка Т.С. Богдановой была достаточно ярко и научно обоснована тема о критериях оценки успеваемости студентов по предмету «Хоровой класс», разработанных дирижерской кафедрой, что вызвало большой интерес у педагогов-хормейстеров.

Не оставило равнодушным всех присутствующих и знакомство с темой о проблемах марийской национальной музыкальной культуры в образовательной системе подготовки учителей начальных классов (докладчик Р.Н. Турченкова, кандидат педагогических наук, доцент Марийского ГПИ им. Н.К. Крупской), а также о вокально-хоровом творчестве известного чешского композитора Иржи Павлица и воспитательном процессе и обучении школьников средствами духовной музыки на современном этапе (докладчик Павел Рэжны, доктор философии Оломоуцкого университета им. Палацкого, педагог-хормейстер из Чехии). Оба докладчика в своих выступлениях демонстрировали иллюстративный материал инструментального и хорового исполнения учащихся и студентов на CD-дисках и видеокассетах.

При подведении итогов работы международной конференции мне было предложено принять участие в постоянной работе научно-методического совета, базирующегося в УО «БГПУ им. М. Танка», по координации учебно-методической и научно-методической деятельности учреждений, обеспечивающих получение художественно-эстетического образования.

Б.Г. Кожевников

8-9 декабря 2004 года на базе Витебского государственного университета им. П.М. Машерова состоялась международная научная конференция «Формирование гражданской культуры молодежи в условиях интеграции Республики Беларусь в европейское образовательное пространство». На нее съехались представители Беларуси, Украины, Литвы, Франции и России.

Наибольший интерес у участников конференции вызвало рассмотрение зарубежного опыта гражданского образования личности, дискуссии о проблемах молодежной политики нашей страны и технологиях ее формирования, а также круглый стол, посвященный глобализации в окружающем мире.

Гости посетили музей Марка Шагала и познакомились с достопримечательностями Витебска.

● 16 декабря 2004 года впервые в истории нашего университета прошел вечер спортивной славы. Он был посвящен чествованию команды ВГУ, ставшей в 2004 году чемпионом Республики Беларусь по футболу среди женских команд. Кубок Беларуси победительницам вручил заместитель председателя облисполкома, председатель областной федерации футбола П.В. Южик, пообещавший материальную и моральную поддержку в качестве стимула для новых побед. О своих путях к Олимпу зрителям поведали заслуженный мастер спорта, серебряный призер Олимпийских игр 1980 года Игорь Каныгин (греко-римская борьба) и боксер, серебряный призер прошедшей афинской Олимпиады Виктор Зуев. В торжественной обстановке ректор ВГУ профессор А.В. Русецкий рассказал о спортивных достижениях альма матер и вручил грамоты и денежные призы молодым талантам и их наставникам.

Вечер завершился спортивной феерией, на которой свое мастерство продемонстрировали нынешние студенты вуза – акробаты и гимнасты, мастера восточных единоборств из Беларуси и Китая.

А.Н. Фенченко

10–12 января 2005 года в городе Гожув-Великопольски (Республика Польша) проходила международная конференция «Образовательная и культурная миссия региона в контексте вступления Республики Польша в Европейский Союз». В конференции, кроме польских ученых и специалистов в области науки и образования, участие принимали представители Франции, Италии, Германии, Испании и Республики Беларусь. Международная конференция проходила на базе Государственной высшей профессиональной школы в Гожув-Великопольском. С сообщением на тему «Исторический факультет Витебского государственного университета им. П.М. Машерова: образовательная и культурная миссия в регионе» с белорусской стороны выступил декан исторического факультета, доктор исторических наук, профессор В.А. Космач.

Состоялись дискуссии, «круглый стол», прошел полезный обмен опытом работы в области высшего образования и науки.

В.А. Космач

Па традыцыі, якая існуе ўжо каля дзесяці гадоў, студэнты III курса спецыяльнасці «Нямецкая мова і англійская мова» філалагічнага факультэта правялі канец студзеня і пачатак лютага г.г. у Нямеччыне. Разам з кафедрай нямецкай мовы кіраўніцтва Народнай вышэйшай школы ў Локуме (Ніжня Саксонія), з якой існуе дамова аб супрацоўніцтве, распрацавала праграму семінара для студэнтаў з нашага ўніверсітэта. «Краіназнаўства для студэнтаў з Віцебска» ўключала ў сабе тры тэмы, якія былі прапанаваны кафедрай нямецкай мовы Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. Будучым настаўнікам замежных моў з Віцебска былі прачытаны лекцыі па сістэме адукацыі ў Германіі і яе рэфармаванні. З імі былі праведзены таксама практычныя заняткі па методыцы выкладання замежнай мовы. Акрамя таго, студэнты мелі магчымасць папрысутнічаць на ўроках нямецкай мовы розных тыпаў школ у Штаербергу і Нінбургу, наведаць дзіцячы садок.

Вялікая ўвага надаецца ў Нямеччыне праблемам экалогіі і абароны акаляючага асяроддзя. У якасці ілюстрацыі таго, што робіцца ў Германіі ў гэтай вобласці ўвогуле і акрузе Нінбург (Ніжня Саксонія) у прыватнасці, для студэн-

таў была арганізавана экскурсія ў экалагічны запаведнік «Штайнгудскае мора». Яны азнаёміліся таксама з жыццём сучаснай нямецкай вёскі і работай некаторых мясцовых прадпрыемстваў. Была абмеркавана тэма «Сучасная сям'я, яе формы, уклад, праблемы». Разам з удзельнікамі семінара з Германіі студэнты абмеркавалі тэму «Іслам у сучасным свеце».

Адбыліся прыём у бургамістра Нінбурга сп. Брыбера, ландрата Эгерса, размова з дэпутатам ніжнесаксонскага ландтага фрау Хемэ, дэпутатам бундэстага Себасцьянам Эдаці.

На развітанне студэнты арганізавалі «Беларускі вечар», на які былі запрошаны тыя, хто спрыяў правядзенню выдатнай праграмы «Краізнаўства для студэнтаў з Віцебска». Асаблівая падзяка была выказана кіраўніку Народнай вышэйшай школы ў Локуме сп. Райнеру Бунгенштоку, супрацоўніку Школы сп. Г.-Ю. Гросу, фрау Піль і ўсім астатнім, прыняўшым удзел у семінары.

У.А. Папковіч

На базе нашэго ўніверсітэта в канцы студзеня – пачатку лютага адбыліся курсы павышэння кваліфікацыі заведваючых кафедрамі па праграме Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта «Інновацыйна-адукацыйная дзейнасць: актуальныя пытанні менеджмента». Праграма курсоў была дастаткова насыщенная і разнаобразная. Выступілі 11 лектараў, у іх ліку не толькі супрацоўнікі РІВША, але і іншых ВНУ. Найбольшы інтарэс у слухачоў выклікалі лекцыі вучоных Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта эканомікі, статыстыкі і інфарматыкі аб прымяненні інфармацыйных тэхналогій у кіраванні і адукацыйнай дзейнасці ў вышэйшай школе, а таксама дацэнта Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта Н.Л. Омеляновіча на тэму «Беларуская эканамічная мадэль у кантэксце ідэалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

У перыяд курсоў было праведзена некалькі круглых стоек па праблемам: тэндэнцыі развіцця ўніверсітэцкага адукацыі; вопыт і практыка арганізацыі і кіравання ідэалогічнай і адукацыйнай працы ў вышэйшай школе; тэставы кантроль; інфармацыйныя тэхналогіі апрацоўкі таблічных даных; кіраванне якасцю адукацыі. У іх прынялі ўдзел прарэктары РІВШ дацэнты С.С. Ветохін і В.І. Дыніч, а таксама рэктар нашэго ўніверсітэта, прафесар А.В. Русецкі.

Т.В. Тітова

3-4 лютага 2005 года адбылася Х(57) навуковая сесія выкладчыкоў, навуковых супрацоўнікаў і аспірантаў ўніверсітэта. У ходзе працы 34 секцый былі прадставлены вынікі навучна-даследчай працы вучоных за 2004 год, зроблены прапановы па далейшаму павышэнню якасці навуковых даследаванняў у 2005 годзе.

Падрабязны аналіз працы кафедраў ўніверсітэта па канкретным паказатэлям НІР быў прадставлены на пленарным пасяджэнні ў дакладзе прарэктара па навучнай працы, доктара фізіка-матэматычных наву, прафесара Г.І. Міхасева.

С інтарэсам былі воспріяты прадставленыя на пленарным пасяджэнні даклады кандыдата гістарычных наву, дацэнта Ф.К. Кунцэвіча «Навука перамагала (к 60-літцю перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне)», кандыдата філосафскіх наву, дацэнта Л.А. Гащенко «Патрыятычнае сусветнае ўспрыманне студэнцкай моладзі», кандыдата фізіка-матэматычных наву, дацэнта А.І. Бочкіна «О рэальнасці ацэнкі ўзроўня ведаў студэнтаў тэстамі з выбарам гатовага адказа».

Ф.І. Шкірандо

УДК 323(476)(091)

Кунцевич Ф.К. Наука побеждать // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 3–7.

Рассматривается решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии, в котором определяющая роль принадлежит успехам советской военной науки в создании первоклассной техники того времени. Дается краткий анализ некоторых видов вооружения в различных родах войск и флота, оценивается роль военно-стратегического руководства в достижении победы над врагом в годы второй мировой войны, а также героической борьбы партизан и подпольщиков.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 111.11

Хюбнер Б. Метафизический и нигилистский террор // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 8–11.

Человек – существо метафизическое, т.е. способное действовать избыточно, сверх своих физических потребностей. С этим связана его способность к скуке, которая является специфической чертой человека. Скука требует действия. Когда разрушается вера в predetermined СМЫСЛ действий, человеку все равно приходится действовать, но уже не из-за чего-то, а из-за Ничто. Массовые убийства террористами неповинных людей имеют под собой определенные метафизические основания. Различаются два типа метафизической мотивации террористических актов: из-за ДРУГОГО и из-за Ничто, – метафизический и нигилистский террор. Первый тип особенно опасен в виду представления террористов об исполнении ими ПРАВОГО ДЕЛА и своей свободе от моральной ответственности.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 141.132

Демидов А.Б. Ксенофан: первый опыт рационального обоснования идеологических принципов // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 12–15.

Различаются идеологии разных типов: мифологическая, деспотическая, религиозная, философская. Различение проводится по специфике последних оснований (принципов) и способу утверждения этих оснований. Философская идеология отличается тем, что для своего утверждения использует не столько повествование, принуждение или суггестию, сколько аргументированное рассуждение, апеллирующее к благоразумию. В статье показано, что Ксенофана из Колофона следует считать первооткрывателем философского способа обоснования принципов.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 930

Табачков А.С. Проблемы интерпретации исторического прошлого // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 16–29.

Статья посвящена вопросам интерпретации исторического прошлого и знакомит читателя с некоторыми результатами проводимого автором диссертационного исследования. В ней, в частности, рассматриваются такие аспекты данной проблематики, как исторически сложившаяся и специфичная для западной культуры общая парадигма производства дискурсов социально-гуманитарного знания, механизмы взаимовлияния власти и процессов толкования прошлого, внутренняя динамика этой области познания.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 940.5(430) «1920»

Борботько П.В. Правотворческая деятельность Национального собрания Веймарской республики в 1920 году // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 20–25.

Рассматривается правотворческая деятельность и правовое наследие правящих партий Веймарской Германии в Национальном собрании в 1920 году. Изучается их работа по реформированию налогового законодательства, разработке Закона о производственных советах, борьбе за признание страны равноправным субъектом международного права при проведении суда над военными преступниками первой мировой войны.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 07.00.03

Гулюк М.А. Женские духовные училища в образовательной политике российского правительства в белорусских губерниях (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 26–29.

Рассматривается роль белорусских женских духовных училищ в подготовке учительниц начальных школ для Виленского учебного округа во второй половине XIX – начале XX века.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 78.03(476)

Смыкоўская І.І. Цыкл 15 антыфонаў службы Святых Страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста па Жыровіцкім ірмалоі 1649 г. // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 30–33.

Упершыню аналізуецца і ўводзіцца ў навуковы абіход пеўчы цыкл 15 антыфонаў службы Святых страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста па Жыровіцкім ірмалоі 1649 г. Кампаратыўны аналіз тэксту з Супрасльскага 1598–1601 гг. і Жыровіцкага 1649 г. ірмалояў выявіў у песнапеллях 1649 г. перапрацоўку літаратурнага матэрыялу з мэтай пераходу да правамоўя, а таксама унікальнае графічнае афармленне нотазапісу. Тэксталагічная спецыфіка сведчыць аб інтэнсіўнай музычна-тэарэтычнай дзейнасці жыровіцкіх распевшчыкаў і іх імкненні захоўваць традыцыйную праваслаўную абраднасць.

Бібліягр. – 8 назв.

УДК 338.5

Цандо В.П., Цандо П.Н. Издержки производства: их экономическая природа и критерии классификации // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 34–41.

В доступной форме изложены основные проблемы и подходы (пути) их разрешения с учетом различных концепций (марксистской, неоклассической и др.).

Библиогр. – 2 назв.

УДК 343.973

Жук М.Г. Криминалистическая стратегия экономической безопасности государства // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 41–44.

Анализ проблем обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь должен включать направления развития криминалистической стратегии и тактики на перспективу с целью защиты национальных интересов страны.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 342.743

Данина Е.А. Актуальные проблемы правового регулирования налогового контроля в Республике Беларусь // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 45–50.

Используя методы анализа и сравнения, рассматриваются основные аспекты эффективности деятельности налоговых органов и их взаимодействия с другими государственными органами, осуществляющими контроль за соблюдением законодательства в сфере предпринимательства. Приводится сравнительная характеристика основных положений о налоговой проверке в российском и белорусском законодательстве.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.16:80

Бобылева Л.И. Актуальные вопросы методической подготовки студентов к профессиональной деятельности учителя иностранного языка // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 51–56.

Профессиональная подготовка будущих учителей иностранного языка основывается на взаимодействии трех компонентов обучения и обуславливающих их характер учебных дисциплин. Собственно методическому образованию способствует внедрение в практику работы ряда новых спецкурсов по отдельным разделам методики, разработка системы управления методическим самообразованием студентов, создание методического тренинга с использованием приемов проблемного и профессионально-педагогического игрового обучения, видеозаписи, четкая организация педагогической практики в школе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 373.3.016:78

Александрова С.А. Педагогические условия организации творческой деятельности младших школьников на уроках музыки // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 57–61.

Раскрыты педагогические условия организации творческой деятельности младших школьников: предоставление детям творческой свободы, создание творческой атмосферы на уроке, стимуляция интереса к творчеству, наличие положительных эмоций, наличие педагогического творчества, переход от количественной оценки к качественному анализу индивидуального уровня развития ребенка.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 159.922.7

Волчок В.П. Взаимодействие родителей с детьми как объект психологического исследования // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 61–64.

В современном мире все больше растет понимание семьи как определяющей не только развитие ребенка, но в конечном итоге и развитие всего общества. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся изучения взаимодействия родителей с детьми.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 808.26/07

Васюковіч Л.С. Питанні як сродак засваення лінгвістычнай інфармацыі школьнага падручніка // *Веснік ВДУ, 2005, № 1(35).* – С. 65–69.

Артыкул прысвечаны асэнсаванню пытанняў як традыцыйнага кампанента школьных падручнікаў па беларускай мове. Праведзены дэтальны аналіз адлюстроўвае спецыфіку лінгвістычных ведаў, яўныя дыспрапорцыі ў характары пытанняў – рэпрадуктыўныя, праблемныя, крытычныя.

З улікам выяўленых тэндэнцый была створана праграма навучальнага эксперыменту, адной з задач якога выступала фарміраванне навыку выяўляць «патэнцыяльныя» пазнавальныя сітуацыі, што вымушаюць фармуляваць пытанні да тэксту.

Бібліягр. – 3 назв.

УДК 808.26–323

Семянькова Г.К., Грушэўская І.М. Неафіцыйныя найменні ў студэнцкім асяроддзі // *Веснік ВДУ, 2005, № 1(35).* – С. 69–73.

Алісваюцца сучасныя мянушкі, якія бытуюць у студэнцкім асяроддзі: прычыны ўзнікнення, групы, месца сярод іншых форм называння асобы.

Бібліягр. – 6 назв.

УДК 808.26-3

Лясковіч С.М. Шматкампанентная колеравая гармонія ў творчасці Уладзіміра Караткевіча // *Веснік ВДУ, 2005, № 1(35).* – С. 73–78.

У артыкуле аб'ектам аналізу абраны канструкцыі з колеранайменнямі, якія сустракаюцца ў творах знакамітага беларускага пісьменніка У. Караткевіча. Увага звяртаецца на такі прыём колерапісу, як колеравая гармонія, а менавіта – на шматкампанентныя канструкцыі. Выяўляецца спецыфіка марфалага-сіntaxічнага і семантыка-стылістычнага ўжывання каларонімаў у межах колеравай гармоніі, а таксама роля тропай у выяўленні аўтарскіх ідэй.

Бібліягр. – 6 назв.

УДК 882.6.-3 (091) «20»

Бароўка В.Ю. Мастацкі этнаграфізм у падарожных нарысах беларускіх пісьменнікаў ХХ стагоддзя // *Веснік ВДУ, 2005, № 1(35).* – С. 79–82.

Аналізуецца выкарыстанне мастацкага этнаграфізму ў падарожных нарысах беларускіх пісьменнікаў ХХ стагоддзя і падкрэсліваецца, што яго дынаміка і функцыі тлумачыліся не толькі творчай індывідуальнасцю аўтараў, але і грамадскімі запатрабаваннямі часу.

Бібліягр. – 7 назв.

УДК 882.6

Саматой І.В. Праблема архетыпу: філасофскі, культуралагічны, літаратуразнаўчы аспект // *Веснік ВДУ, 2005, № 1(35).* – С. 83–90.

Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы архетыпу ўвогуле і беларускага ў прыватнасці. Звяртаецца ўвага на шырокае выкарыстанне гэтага паняцця ў філасофіі, псіхалогіі, культуралогіі, літаратуразнаўстве.

Бібліягр. – 17 назв.

УДК 884.09

Панькова О.Е. Роман В. Берента «Живые камни» как литературно-художественная трансформация мифа о св. Граале // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 91–98.

Статья затрагивает одно из самых значительных явлений польской литературы первой половины XX века – прозаическое творчество Вацлава Берента (1873–1940). На примере романа «Живые камни» происходит осмысление литературно-художественной вариативности мифа о священном Граале. Исследуется философско-аллегорическое измерение произведения, отсылающее к библейскому и средневековому контексту.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 372.800.26.046.14

Маркова Л.В., Шилина М.В., Ланицкая Н.А. Программный комплекс «Генетический мониторинг» // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 99–103.

Для селекционно-генетических исследований разработан программный комплекс «Генетический мониторинг». В нем содержатся три логических модуля, позволяющих статистически обработать полученные результаты, выявить генотипы с аддитивно-доминантным типом наследования и определить долю среднего компонента в фенотипической изменчивости хозяйственно-ценных признаков.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 512.542

Прокопенко А.И. Нормальные замыкания проекторов в конечных группах // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 103–106.

Для класса Шунка \mathfrak{X} изучаются свойства класса $\text{Roc}\mathfrak{X} = (G \mid \text{нормальное замыкание } N^G = G \text{ для некоторого } \mathfrak{X}\text{-проектора } N \text{ группы } G)$ в конечных группах.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 620.22

Толочко Н.К., Шиенок Ю.А. Литье металлов в твердожидком состоянии // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 107–111.

Рассмотрены новые технические подходы к твердожидкому литью с использованием алюминия и алюминиевых сплавов в качестве исходных материалов. Исследована структура полученных слитков в зависимости от условий литья. Обсуждены потенциальные возможности предложенных методов для изготовления объемных слитков с мелкозернистой структурой.

Рис. – 5. Табл. – 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 537.8:517.951

Андрушкевич И.Е., Жизневский В.А., Шиенок Ю.В. О классификации сред с точки зрения делимости уравнений Максвелла // *Веснік ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 112–118.

Рассмотрены алгоритмы формирования волновых уравнений для электродинамики неоднородных сред. Приведен анализ построенных уравнений в виде параметров сред, допускающих деление уравнений Максвелла.

Табл. – 1. Библиогр. – 5 назв.

УДК 539.3:531.2:616.21

Фирсов М.А. О влиянии геометрических и физических параметров слухового протеза на собственные частоты колебаний реконструированной системы среднего уха // *Вестник ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 118–122.

Рассматривается простейшая механико-математическая модель среднего уха человека после реконструкции. Колебательная система состоит из кольцевой, упругой пластинки и двух шарнирно-соединенных между собой стержней. Исследуется случай радиально-симметричных колебаний пластины, которая жестко закреплена на внутреннем контуре и упруго заделана на внешнем контуре. Выводится трансцендентное уравнение относительно собственной частоты колебаний системы. Находятся значения первых шести собственных частот колебаний системы в зависимости от геометрических и физических параметров.

Табл. – 5. Библиогр. – 7 назв.

УДК 502.63:502.7:504.05/06 (476)

Цилецкий И.В. Культурные ландшафты Белорусского Поозерья и их социально-демографические проблемы // *Вестник ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 123–129.

Обосновывается важность ландшафтного подхода в исследованиях демографических проблем Белорусского Поозерья. Рассматриваются социально-демографические проблемы культурных ландшафтов региона, дается структура смертности, приводится анализ абсолютных и относительных показателей смертности по родам ландшафтов.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 581.526.32

Мартыненко В.П. Водная растительность озера Островитое и ее динамика // *Вестник ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 129–134.

Озеро Островитое является водоемом эвтрофного типа. В 2002–2003 гг., спустя 35 лет, сделано повторное обследование его высшей водной растительности. За истекшее время из растительного покрова озера выпала полоса широколистных рдестов. Заметные изменения произошли в зарастании полосы воздушно-водных растений и полосы растений с плавающими на воде листьями. Увеличение степени трофности привело к снижению прозрачности воды, в результате чего снизились степень зарастания и величина первичной продукции макрофитов.

Рис. – 1. Табл. – 1. Библиогр. – 3 назв.

УДК 595.763.3.(476.5)

Сушко Г.Г. Жуки стафилиниды (Coleoptera, Staphylinidae) верховых болот Белорусского Поозерья // *Вестник ВДУ*, 2005, № 1(35). – С. 135–139.

Приводится список видов жесткокрылых семейства стафилинид (Coleoptera, Staphylinidae), собранных в период с 1997 по 2001 гг. на верховых болотах Белорусского Поозерья. Установлено 54 вида.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 316.61

Нахаева Е.М. Современный олимпизм – духовное и историческое наследие // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 139–141.

Статья содержит познавательные факты из истории возникновения и развития современного олимпизма, которые будут интересны для любого цивилизованного человека.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 32.001

Кривоносова Е.Э. О динамике международных отношений в современном мире // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 141–143.

Анализируются основные особенности геополитической ситуации в современном мире.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 808. 2-3

Ван Ли. Структурно-грамматические типы и модели топонимов Шанхая // Веснік ВДУ, 2005, № 1(35). – С. 144–147.

Проводится анализ структурно-грамматических типов названий внутригородских объектов Шанхая, выявляются специфические особенности топонимии города, подчеркивается ее тесная связь с историей развития населенного пункта и принципами наименования внутригородских объектов.

Рис. – 1. Библиогр. – 1 наз.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- Аляксандрава
Святлана Анатольеўна** – старшы выкладчык кафедры тэорыі музыкі і музычнага інструмента ВДУ імя П.М. Машэрава
- Андрушкевіч
Юсіф Яўгеневіч** – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, першы прарэктар ВДУ імя П.М. Машэрава
- Барбоцька
Павел Валянцінавіч** – старшы выкладчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
- Бароўка
Ванда Юльянаўна** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Бобылева
Ліана Іванаўна** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Валчок
Валянціна Пятроўна** – выкладчык кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Ван Лі** – магістрант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Васюковіч
Людміла Сяргеёўна** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Грушэўская
Ірына Мікалаеўна** – студэнтка IV курса факультэта беларускай філалогіі і культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гулюк
Міхаіл Арысавіч** – суіскальнік кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Даніна
Алена Анатольеўна** – старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава
- Дзямідаў
Аляксандр Барысавіч** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Жук
Марыя Генрыхаўна** – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дэкан юрыдычнага факультэта ГрДУ імя Я. Купалы
- Жызнеўскі
Валерыя Анатольевіч** – загадчык лабараторыі рамонту і мадэрнізацыі матэрыяльных сродкаў тэлекамунацыій ВДУ імя П.М. Машэрава
- Крываносава
Алена Эдвардаўна** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Кунцэвіч
Франц Касперавіч** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Лаліцкая
Ніна Аляксандраўна** – студэнтка V курса матэматычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
- Лясковіч
Святлана Міхайлаўна** – аспірантка кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Маркава
Людміла Васільеўна** – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, загадчык кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава

- Мартыненка
Віктар Пятровіч** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Нахаева
Алена Міхайлаўна** – старшы выкладчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнай культуры і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
- Панькова
Вольга Яўгеньеўна** – старшы выкладчык кафедры польскай філалогіі ГрДУ імя Я. Купалы
- Пілецкі
Іван Васільевіч** – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт кафедры пачатковай адукацыі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Пракапенка
Ала Іванаўна** – аспірантка кафедры вышэйшай матэматыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту
- Саматой
Ірына Вацлаваўна** – старшы выкладчык кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Семянькова
Галіна Канстанцінаўна** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Смыкоўская
Ірына Іванаўна** – выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Сушко
Генадзій Генадзьевіч** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
- Табачкоў
Аляксандр Сяргеевіч** – выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Талочка
Мікалай Канстанцінавіч** – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Фірсаў
Максім Аляксандравіч** – аспірант кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Хюбнер
Бено** – нямецкі доктар філасофіі, прафесар Сарагоскага ўніверсітэта (Іспанія)
- Цацда
Віталій Пятровіч** – інжынер, эканамічны саветнік АТ «Прадзімекс»
- Цацда
Петр Мікалаевіч** – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Шыёнак
Юрый Уладзіміравіч** – выкладчык кафедры аўтаматызацыі навуковых даследаванняў ВДУ імя П.М. Машэрава
- Шыёнак
Юрый Анатольевіч** – малодшы навуковы супрацоўнік Інстытута тэхнічнай акустыкі НАН Беларусі
- Шыліна
Марына Уладзіміраўна** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава

ПРАВЛЫ ДЛІА АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, тэбліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рэцэнзіі рэдактары артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візуіруецца членам рэдакцыі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдакцыяй. Датой паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадковым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца: для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15); для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прадаўляе рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.